

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Ермакова Мария Сергеевна

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КОНЦЕПТА *DIE WAHRHEIT* (ИСТИНА)
С КОНЦЕПТОМ *DIE GERECHTIGKEIT* (СПРАВЕДЛИВОСТЬ) НА
МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
И.-Э. С. Рахманкулова
доктор филологических наук, профессор
Е.Г. Борисова

Москва – 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ <i>ИСТИНА ИСПРАВЕДЛИВОСТЬ</i> В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	
1.1 Концептуализация в различных сферах деятельности человека	10
1.2 Философское понимание <i>истины</i>	11
1.3 Понятие <i>справедливости</i> в философской и общественно-политической мысли	14
1.4 Концептуализация в языковой картине мира	17
1.5 Концепт как объект исследования в лингвистике.....	23
1.6 О степени изученности концептов <i>истина и справедливость</i> в современной лингвистике.....	28
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	34
ГЛАВА 2. ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ <i>ИСТИНА</i> и <i>СПРАВЕДЛИВОСТЬ</i> В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XVIII – XIX ВЕКОВ	
2.1 Лексико-семантическая представленность ядра и центра исследуемых концептов в немецком языке.....	35
2.2 Пересечение концепта <i>истина</i> и концепта <i>справедливость</i> в трагедии И.В. Гете	37
2.3 Зоны пересечения исследуемых концептов в прозе Г. Клейста	48
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	68
ГЛАВА 3. ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИЗУЧАЕМЫХ КОНЦЕПТОВ В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА.....	
3.1 Возможности пересечения изучаемых концептов в произведениях Ф. Кафки	69
3.2 Зоны пересечения концептов <i>истина</i> и <i>справедливость</i> в произведениях Ф. Дюрренматта.....	84

3.3 Реализация пересечения исследуемых концептов в произведении Д. Шваница «Кампус»	113
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	139

ВВЕДЕНИЕ

Исследование ключевых мировоззренческих категорий (в том числе истины и справедливости) в рамках языковой концептуализации мира в различных культурах востребовано в разных областях гуманитарного знания. Когнитивный подход, начиная с середины XX века, прочно обосновался в современной лингвистике при исследовании языковых единиц разных уровней. Лингвоконцептология, как никакая другая лингвистическая дисциплина, отражает важнейшую составляющую языка – семантическую и проявляет себя в разных отраслях языкознания, в том числе и в германистике.

Исследованию понятия *концепт* посвящено большое количество работ, тем не менее остается ряд открытых вопросов, которые требуют уточнения [Болдырев 2004; Карасик 2002; Кубрякова 1996; Попова, Стернин 2001; Степанов 1998]. В основу данного исследования легло понимание концепта, предложенное В.И. Карасиком, который под концептом подразумевает квант переживаемого опыта. Концепт моделируется им как трехмерное образование, в составе которого можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики [Карасик 2002]. В диссертации на материале немецкого языка изучается вербализация понятийной части концептов *истина* и *справедливость* и возможность их совмещения.

Концепт *истина* изучался совместно с концептом *правда* в работах Ю.С. Степанова [1998], Н.Д. Арутюновой [1988]. Этот концепт анализировался наряду с концептами *правда*, *ложь* в диссертационном исследовании Н.А. Земской «Концепты "истина", "правда", "ложь" как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков)» [Земская 2006].

Концепт *справедливость* рассматривается в работе М.В. Гавриловой. Исследование посвящено сопоставительному анализу этого концепта, который относится к высшим духовным ценностям, в русской и английской

лингвокультурах. М.В. Гаврилова [2005] делает акцент на выявлении понятийных характеристик концепта, репрезентации его ценностного компонента.

С.Г. Воркачев [2010], исследуя «правду земную» как «идею справедливости в языковом сознании», предполагает, что в слове *правда* имеет место сочетание представлений об истине и справедливости. Подобное соединение содержится не только в русском языке, но и в ряде других языков, например, в латинском языке. Схожая точка зрения разделяется И.Х. Дворецким [1949]. Однако остается недостаточно изученным вопрос о вербализации взаимодействия концептов *истина* и *справедливость* в дискурсе, в частности, в художественных текстах.

Актуальность работы заключается в необходимости перехода от описания отдельных концептов к анализу их взаимодействия. Вербализация таких концептов, как *истина* и *справедливость* привлекает особое внимание в силу их универсальности и вместе с тем предполагает их изучение в текстах определенной стилистической направленности. При этом именно взаимодействие двух ключевых концептов, носящих как философский, так и социальный характер, позволяет обратить внимание на детали, помогающие понять роль концептов в развитии языка. Именно вопросы развития оказываются в наши дни актуальны применительно к концептосфере языков. Для немецкого языка вопросы в такой плоскости еще не получили глубокой проработки.

Объектомисследования выступает лексико-семантическая репрезентация понятийной части концептов *истина* и *справедливость* в немецком языке.

Предметом исследования является семантика лексических единиц, способных в немецких художественных текстах представлять каждый из изучаемых концептов раздельно и при их совмещении.

Цель работы – выяснение экспликации совмещения концептов *истина* и *справедливость* в немецких художественных текстах. Достижение этой цели потребовало решения следующих **задач**:

- проанализировать существующие точки зрения на статус концепта в современной лингвистике;

- выяснить степень изученности вербализации концептов *истина и справедливость* в языкоznании;
- определить специфику самостоятельной и совмещенной репрезентации понятийных компонентов изучаемых концептов в художественных текстах на немецком языке;
- установить частотность использования лексических единиц в немецких художественных текстах, вербализующих понятийную часть исследуемых концептов.

Научная новизна диссертации обусловлена тем обстоятельством, что впервые в германистике на материале немецких художественных текстов изучается вербализация понятийных компонентов концептов *истина и справедливость* с учетом возможности их самостоятельной и совмещенной репрезентации. В исследовании впервые в диахроническом аспекте осуществляется выяснение своеобразия лексико-семантической представленности пересечения исследуемых концептов в немецких художественных текстах.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшей разработке проблем изучения вербализации концептов в рамках их самостоятельной и совмещенной репрезентации в текстах определенной стилистической направленности.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности использования результатов работы при чтении лекций по когнитивной лингвистике, стилистике, лексикологии и теории немецкого языка. Отдельные положения могут использоваться и в лекциях по немецкой и мировой литературе.

Материалом для исследования послужили данные толковых, двуязычных словарей, словарей синонимов и антонимов немецкого языка. В качестве источников исследовательского материала использовались художественные тексты на немецком языке в электронном и печатном видах (1712 страниц), датируемые XVIII – XX веками, с целью установления в диахронической последовательности специфики вербализации совмещения исследуемых концептов. Художественные тексты известных немецкоязычных авторов были выбраны с учетом характера

повествования, затрагивающего раскрытие понимание истины и справедливости и их взаимодействие. За рамками исследования остались лингвофилософские вопросы понимания истины и справедливости, которые требуют самостоятельного рассмотрения в рамках другой специальности и не являлись задачей данного исследования.

Теоретическую базу данной диссертации составили работы ведущих представителей когнитивной лингвистики: Н.Д. Арутюновой, Т.А. Ван Дейка, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, С.Д. Кацнельсона, Г.В. Колшанского, Н.А. Красавского, Е.С. Кубряковой, А.С. Мельничук, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышикина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, О.А. Сулеймановой; В.Н. Телия [Арутюнова 1998; Ван Дейк 1989; Вежбицкая 1999; Воркачев 2005; Карасик 2002, 2005; Караулов 1987; Кацнельсон 1986; Колшанский 1990; Красавский 2001; Кубрякова 1988; Мельничук 1970; Пименова 2004; Попова, Стернин 2001; Слышикин 2004; Степанов 1998; Сулейманова 2013; Телия 2004]. Нашли свое продолжение в диссертации идеи известных лексикологов: Ю.Д. Апресяна, Е.Г. Борисовой, В.В. Виноградова, Е.А. Земской, И.-Э. С. Рахманкуловой, В.А. Собяниной, А.А. Уфимцевой, Ф.П. Филина [Апресян 1995, 2009; Борисова 2005; Виноградов 1961; Земская 2004; Рахманкулова 2006; Собянина 1998; Уфимцева 2010; Филин 1982].

За основу были взяты положения, предложенные языковедами для лингвистического анализа художественного текста. К числу таких работ причисляем труды Л.Г. Бабенко, Н.А. Богатыревой, М.П. Брандес, Н.С. Валгиной, В.В. Виноградова, А.И. Домашнева, В.А. Лукина, Ю.М. Лотмана, О.А. Мельничук, Л.М. Нюбиной, Е.В. Падучевой, В.П. Руднева [Бабенко 2004; Богатырева 2005; Брандес 2004; Валгина 2003; Виноградов 1971; Домашнев, Шишкина, Гончарова 1989; Лукин 2007; Лотман 2002; Мельничук 1970; Нюбина 2000; Падучева 1984; Руднев 1992].

В ходе проведенного исследования применялись следующие методы: метод семантических дефиниций, метод компонентного анализа, метод

контекстуального анализа, метод сравнения, контент-анализ, количественный метод и метод моделирования.

Апробация работы. Основные положения кандидатской диссертации отражены в докладах и выступлениях на научных конференциях разного уровня:

- IV, VI, VIII, X Научные сессии Института иностранных языков ГАОУ ВО МГПУ (Москва, 2010, 2012, 2014, 2016);
- IX Международная научно-практическая конференция «Современные концепции гуманитарных наук: языкознание и литературоведение» (Екатеринбург, 2015);
- V Международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014);
- Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Наука и социум» (Новосибирск, 2017).

Основные положения настоящей исследовательской работы были представлены в научных журналах, рекомендованных в перечне ведущих периодических изданий ВАК при Министерстве образования и науки России: Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия: Филология (Иркутск, 2012, 2013), Филологические науки. Вопросы теории и практики (Тамбов, 2017).

Гипотезой данной диссертации является положение о том, что в немецких художественных текстах не только представлены концепты *истина* и *справедливость*, но и отмечается тенденция пересечения концептов, т.е. отражаются представления о совпадении этих концептов в одних случаях и их сопоставлении или даже противопоставлении. Такое пересечение оформляется набором определенных лексем, способных выступать маркерами обоих концептов.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В немецких художественных текстах понятийный компонент концепта *истина* может быть представлен значениями лексем, выступающих в качестве синонимов и антонимов ядерной лексемы *die Wahrheit* и их производных. В проанализированных текстах на немецком языке отмечается высокая

частотность использования для вербализации данного концепта лексем *die Wahrheit, die Lüge, ehrlich.*

2. Понятийный компонент концепта *справедливость* репрезентирован в немецких художественных текстах посредством ядерной лексемы *die Gerechtigkeit* и ее синонимов с их производными. В данных текстах отмечается частое употребление наряду с этой ядерной лексемой лексем *richtig, das Recht* и их производных.

3. Рассмотрение в диахроническом аспекте художественных произведений классиков немецкой литературы показало присутствие индивидуальных намерений авторов данных текстов при подборе лексем, вербализующих исследуемые концепты.

4. Концепты *истина* и *справедливость* могут в текстах на немецком языке найти самостоятельную форму вербализации и форму пересечения, которое может быть представлено за счет употребления лексемы *richtig*, способной выступать в виде средства лексико-семантической представленности обоих концептов.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ ИСТИНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Концептуализация в различных сферах деятельности человека

История человечества демонстрирует нам постоянные попытки осмысления действительности. Результаты этой деятельности мы наблюдаем и в расширении словарного запаса языка за счет возникновения новых единиц, отражающих все более сложные понятия, и в создании мифов и легенд, хранящих архаические представления о действительности. На более позднем этапе эту задачу стали решать средствами искусства, литературы. В то же время возник еще один способ отражения особенностей мироустройства – философия. С ее возникновения можно говорить о развитии научного познания мира. В рамках научного подхода к постижению мира приходится говорить не только о средствах получения знаний о действительности, но и, что особенно важно, о способах верификации знаний. Иными словами, встает вопрос, насколько это отражение соответствует свойствам отражаемого объекта.

Современные средства постижения устройства мира включают в себя обращения и к искусству, и к философии, и к научным достижениям Нового времени. В то же время нельзя забывать и о том, что и литература, и философия, и другие виды общественной мысли используют естественный человеческий язык, в котором отложились определенные особенности представлений различных поколений.

Поскольку в диссертации рассматриваются языковые средства, выражающие значения, связанные с понятиями истины и справедливости, обратимся к исследованиям, в которых они затрагиваются.

1.2. Философское понимание истины

Рассмотрение важнейших мировоззренческих категорий, таких как истина, добро, красота, свобода, справедливость, совесть, судьба востребовано в разных областях гуманитарного знания, особенно в философии. Истина, связь утверждения с реальным положением дел – одно из ключевых понятий в философии разных периодов. В сложившейся системе философских наук изучению истины посвящена отдельная дисциплина – гносеология, в которой вершинами принято считать труды Б. Спинозы, Беркли, Юма, Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Вопросы выявления истины ставились еще в античности. Невозможность постижимости истинной природы вещей отражена в ключевой для европейской гносеологии «теории теней» Платона. В дальнейшем вопрос о возможности постижения истины и способах ее верификации ставился в трудах многих философов, чьи теории стали столпами европейской сокровищницы мысли. Можно вспомнить теории Дж. Локка [1960], Б. Спинозы, который одним из первых в Новое время провозгласил практику критерием истины [1957]. Из трудов мыслителей двадцатого века достаточно вспомнить филологическую работу П.А. Флоренского («Столп и утверждение Истины») [Флоренский 2017] или знаменитое произведение М. Хайдеггера «Учение Платона об истине» [Хайдеггер 1993], и на этом список фундаментальных исследований в этой области не исчерпывается.

Интерес к способам познания и возможности достижения истины с новой силой вспыхнул на рубеже XIX – XXI веков, когда вопрос познаваемости мира был поставлен в работах логиков и философов языка (Д. Гилберт, Л. Витгенштейн). Эта проблема продолжает активно обсуждаться философами-постмодернистами, их сторонниками и противниками.

Философы предлагают различать несколько видов истины, в частности, абсолютную и относительную истину. Под термином «относительная истина» понимается неполно воспроизводящее объективный мир знание. Оно

приближенно и ограниченно воспроизводит действительность. Такое знание будет пополняться с развитием науки. Поскольку мир можно представить как взаимосвязанную систему элементов, то и практически любое знание о мире (которое с необходимостью абстрагируется от некоторых его особенностей), является заведомо неполным, а следовательно, не до конца раскрывает суть вещей: явлений и предметов. Приблизительность внутренне присуща самому познавательному процессу. Поскольку человек не может познать мир, не концентрируясь на каких-то одних аспектах познаваемых предметов и, следовательно, не отвлекаясь от других, С другой стороны, в рамках изучения конкретных знаний и фактов продолжаются поиски абсолютной истины. В качестве примеров вечных истин обычно приводятся предложения, представляющие собой констатацию факта: «Наполеон умер 5 мая 1821 года», «скорость света в вакууме равна 300000 км/с» [Фарман 1991]. Впрочем, этот вид знаний иногда получает отдельное название: объективная истина.

Таким образом, возникает определенная дилемма: в случае, если абсолютная истина рассматривается как абсолютно верное и точное знание, она лежит вне реального научного познания: в религиозных системах отмечают, что она доступна только высшим существам, в научных говорится, что она недоступна человеку; если абсолютная истина рассматривается как множество вечных истин, то понятие абсолютной истины нельзя отнести к основам научного знания. Эта дилемма, однако, возникает вследствие одностороннего подхода к проблеме, заключающегося в том, что абсолютная истина объявляется видом знания, обособленного от относительной истины. При переходе научного знания от одной теории к другой, старое знание не исчезает полностью, а в той или иной форме входит в систему нового знания. Иными словами, истина рассматривается как процесс. Именно такая преемственность, и составляет, по мнению многих философов, содержание понятия «абсолютная истина». Абсолютная истина, иными словами, – это не вечная истина, переходящая без изменений от одной ступени знания к другой, а свойство знания, которое можно назвать объективно-истинным. Такое знание при постижении закономерностей природы никогда не

отбрасывается и всегда выступает предпосылкой постижения более глубоких и фундаментальных истин. Абсолютная истина проявляется в росте знания. Разница между абсолютной и относительной истиной сводится к тому, насколько полно изучено то или иное явление. Каждое открытие, связанное с постижением относительной истины, в то же время является шагом к абсолютной истине. Иначе говоря, в любой относительной истине есть некоторая часть истины абсолютной.

Для исследований в области лингвистики достаточно опираться на следующие положения гносеологии. Научная истина – это знание, которое отвечает ряду критериев научности. В их число входят логическая непротиворечивость и стройность; эмпирическая (т.е. опытным путем) проверяемость, проверка временем; возможность предсказывать на основе этих знаний новые факты, которые в дальнейшем будут обнаружены; отсутствие противоречий тем знаниям, чья истинность уже вполне достоверно установлена. Эти критерии позволяют утверждать, что данное знание соответствует действительности. Критерии являются результатом исторического развития науки. Естественно, в будущем могут пополняться, поэтому мы не рассматриваем их как нечто неизменное. Практика - самый главный критерий истинности знания. Именно в ходе практической деятельности человека воплощаются знания, которые, таким образом, подвергаются проверке. Вместе с тем практика является объективным явлением, оно принадлежит материальному миру и реализуется в соответствии с его законами. Именно такая, двуединая природа практики обеспечивает ей роль критерия истины: знания о реальном мире, имеющие свое воплощение в практике, контролируются установленными законами этого мира.

1.3. Понятие справедливости в философской и общественно-политической мысли

Целесообразно более основательно рассмотреть философское понимание справедливости, а также ее социологическое и политологическое определение. Определения в различных понятийных системах варьируются, но в целом можно утверждать, что они включают в себя общественное одобрение, согласие большинства членов сообщества с положением дел. Иногда добавляется религиозный аспект: справедливость связывается с одобрением в рамках божественных установок, решений высших сил.

В отличие от философского концепта *истина*, концепт *справедливость* носит не только философский, но социальный (общественный) характер, он получает интерпретацию в разных областях знания.

Одно из наиболее старых описаний справедливости принадлежит Аристотелю, и несмотря на древность, не теряет значимости и в наши дни. Философ рассматривал справедливость в широком смысле слова, при таком подходе это понятие получало статус этического начала любых общественных отношений: «В общем, широком, смысле справедливость есть разумность общественной жизни; ее можно определить как общий нравственный знаменатель всех социально упорядоченных отношений между людьми, последнюю нравственно-апелляционную инстанцию в общественных делах». Помимо этого, в трудах Аристотеля рассматривается понятие справедливости непосредственно в социальном смысле, который называется узким пониманием справедливости, определяемой как «нравственно санкционированная соразмерность в распределении выгод и тягот совместной жизни людей, степень совершенства самого способа кооперирования деятельности и взаимного уравновешивания конфликтующих интересов в обществе и государстве» [Аристотель 1983: 392].

Люди (теперь бы мы сказали: индивиды) рассматриваются с точки зрения их взаимодействия в ходе совместного существования: они нуждаются друг в

друге и именно поэтому можно говорить, что в этом смысле они равны между собой. Аристотель говорил, что справедливое отношение к другому и есть равенство. Это положение является нравственно-правовым основанием справедливости [Аристотель 1983].

Однако уже в ту эпоху было очевидно, что понятие равенства, а следовательно, и справедливости неизбежно будет получать различные интерпретации в разных общественных группах. Любое общественное устройство не может исключить неравенство людей, играющих различные роли в системе общественных отношений, в том, что, определяет структуру формирующегося общества: речь идет о разделении труда и распределении участия в органах управления. Проблема состоит в сочетании, соединении равенства и неравенства, и разрешение этой проблемы невозможно в общем и целом. Неудивительно, что именно проблема установления справедливости является одним из движителей общественных событий, в частности, волнений, разгорающихся под знаменем борьбы за справедливость. В то же время стремление к справедливости, как бы она ни понималась, становится лозунгом различных преобразований в общественных системах разных стран, и эти изменения можно трактовать как прогресс в развитии общества.

Есть и другая сторона обращения к понятию справедливости. Ряд исследователей видит в ней иллюзорную сущность или даже инструмент манипуляции. Английский философ и социолог И. Бентам заявлял, что она придумана для удобства речи [Бентам 1998]. В данном определении просматривается политический подтекст. Можно сказать, что справедливость – это скорее идеологическая формула, используемая для того, чтобы выдать частные интересы за общие.

Можно проникнуть глубже в историю общественной мысли и обратить внимание на определение, принадлежащее И. Канту: «Справедливость – это право без принуждения» [Кант 1965: 143]. Эту максиму можно понимать следующим образом: справедливость – это норма, которая принимается человеком как должна, но при этом она не имеет статуса, законодательно закрепленного.

Американский философ XX века Р. Рорти [2007] говорил, что справедливость – это более широкая лояльность. В этом случае рассматривается лояльность конкретному сообществу, которая возникает из чувства сопричастности.

Определения справедливости, приведенные выше, составляют лишь небольшую часть существующих трактовок данного представления. Несмотря на множество имеющихся интерпретаций, не было предложено ни одной теоретической концепции справедливости, которая получила бы широкое признание достаточно большого числа ученых. Справедливость же, как явление, с давних пор считается человечеством важнейшей ценностью.

Исследователи отмечают, что проблема справедливости всегда стояла перед человечеством. Она заботит практически каждого человека. Сама же теория справедливости не интересует почти никого. Огромное количество поступков совершаются во имя справедливости, ей посвящаются даже концепции. Но мы понимаем, что лишь действия могут что-либо изменить [Шабуров 2010].

Понятие справедливости относится не только к социальным аспектам организации общества, но и к действиям в сфере внешней политики государства: понятия справедливой войны, справедливого или несправедливого международного договора вошли в теорию международных отношений и в практическую риторику дипломатии.

Совершенно естественно понятие справедливости оказывается ключевым для теории права и юриспруденции. Это понятие можно найти в педагогике («наказание ребенка должно быть справедливым»), в теории управления и во многих других современных сферах человеческой деятельности. При этом почти всегда подразумевается, что в том сообществе, в котором используются соответствующие установки, представление о справедливости на интуитивном уровне должно разделяться всеми участниками.

Зачастую утверждается, что справедливость связана с распределением. Отметим, что речь не идет исключительно о распределении материальных благ, в том же смысле можно говорить о распределении престижа, власти, тех или иных привилегий. В случае если человек не получает желаемого, он начинает говорить

о несправедливости, призывать к борьбе за нее. Нередко при этом излагается собственное понимание проблемы справедливости. Таким образом, с философских позиций, в основе оценок ситуаций как несправедливых лежит неудовлетворенный эгоизм индивида и его недовольство действительностью.

Таким образом, можно сделать вывод, что справедливость была и остается идеалом, который недостижим в принципе. Именно это и роднит ее с истиной, при этом концепт *истина* мыслится с позиций духовной сущности человека, тогда как концепт *справедливость* ближе к материальному миру. Эти два концепта и их взаимосвязь всегда занимали важное место в литературе разных культур и цивилизаций, что находит подтверждение в творениями многих писателей.

1.4. Концептуализация в языковой картине мира

Единицы естественного языка оказываются необходимой составной частью отражения человеком действительности. Это относится как к словарным единицам (лексике, фразеологии), так и к грамматическим составляющим (конструкции). В то же время сами эти единицы связаны с определенными понятиями, формирующими представления человека о действительности.

Представления о действительности, входящие в значения слов и прочих единиц какого-либо языка, образуют единую систему взглядов и предписаний, разделяемую всеми носителями языка. Эта система, в основе которой лежит способ, характер восприятия мира конкретным человеком или всем сообществом, называется языковой картиной мира.

Понятие «картина мира» уже давно используется в различных сферах познания: в физике, социологии, истории, политологии, литературоведении, философии и т.п. В языкознании одним из первых это понятие ввел А.Я. Гуревич. По мысли А.Я. Гуревича, картину мира можно представить как «сетку координат», в соответствии с которой люди воспринимают мир, окружающую действительность и строят в своем сознании образ этого мира [Гуревич 1972: 15 – 16]. В силу того, что «каждая цивилизация, социальная система характеризуется

своим особым способом восприятия мира» [Гуревич 1972: 17], можно говорить о стольких картинах мира, сколько существует способов восприятия или, образно говоря, «призм мировидения» [Роль человеческого фактора 1988: 33].

Одной из более или менее приемлемых точек зрения можно считать ту, что под картиной мира следует понимать «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Постовалова 1988: 21].

В последние два десятилетия картина мира активно стала изучаться лингвистикой, в рамках которой она получила новое наполнение. С лингвистических позиций, картина мира есть «факт национально-культурного наследия, сознательное представление человека о мире, которое формируется... языком» [Степанов 1997: 587]. В трудах Ю.Д. Апресяна появляется понятие «наивная картина мира», т.е. представления о действительности, отражаемые в речи человека, не соответствующие научным представлениям. Так, для всех носителей русского языка естественно воспринимать смены дня и ночи как результат того, что «солнце всходит и заходит», тогда как школьное образование позволяет подавляющему большинству понимать, что на самом деле за этим явлением стоит вращение Земли. Таким образом, оказывается, что представления человека могут в определенных ситуациях задаваться фактами языка, в которых отложились традиционное представления носителей данной культуры. Отмеченные различия оказалось возможным концептуализировать, введя понятие «языковая картина мира».

Таким образом, понятие «картина мира» основывается на представлениях о мире, существующих в сознании человека и формируемых в результате его собственного и коллективного опыта, а языковая картина мира – это образ реальности, репрезентируемый языком. Е.С. Кубрякова называет языковую картину мира совокупностью знаний о мире, переинтерпретированных средствами языка, который «фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное» [Кубрякова 1997: 83].

Для данного диссертационного исследования особенно важны рассуждения немецких философов о роли языка в отражении истинной природы вещей. В рамках дискуссий о том, стоит ли за абстрактными понятиями что-либо реальное и конкретное, возникает более серьезный вопрос: является ли язык инструментом познания? Ключевыми фигурами этого лингвофилософского спора являются В. фон Гумбольдт и И.В. Гете.

Идея существования особого языкового видения мира была сформулирована немецким ученым В. фон Гумбольдтом еще в начале XIX века. Он считал, что язык «начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии, когда человек из тьмы страстей, где объект поглощен субъектом, пробуждается к самосознанию – здесь и возникает слово, а также первое побуждение человека к тому, чтобы внезапно остановиться, осмотреться и определиться» [Гумбольдт 2000: 301]. С точки зрения В. фон Гумбольдта, язык сам по себе выступает как способ миропонимания; ученый отмечает, что «каждый конкретный язык, порождаемый энергией человеческого духа, создает особую – целостную и индивидуальную – модель действительности» [Гумбольдт 2000: 303].

По сути, вопрос о соотношении языка и мышления Гумбольдт решает следующим образом. Он рассматривает язык как воплощение особого способа мышления и восприятия окружающего мира,нского той или иной нации. Разум для Гумбольдта выступает как источник и хранилище, «колыбель, родина и жилище языка», при этом язык не является средством выражения и изображения уже познанной истины, а скорее язык – это открытие еще дотоле непознанного. Язык для Гумбольдта оказывается важнейшим фактором существования человека [Schiewe 1998; Радченко 2006]. «Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им, чтобы понимать даже не воздействующее через язык искусство. Он чувствует и знает, что язык для него – это средство, а вне языка существует некая незримая область, в которой он стремится освоиться с помощью языка» [Гумбольдт 1963: 77].

В. фон Гумбольдт также отмечает, что язык – это не способ выражения мысли, которая была сформирована независимо от него, но «он сам есть орган, формирующий мысль». Человек воспринимает предметы таким образом, каким ему их преподносит язык, а ощущения и поступки индивида зависят только от его представлений. «Всякий язык описывает вокруг нации, к которой он относится, круг, выйти за пределы которого он может лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1906: 374–375; 387–388].

Как представляется, особое место в ряду философов языка конца XVIII – начала XIX века занимает И. В. фон Гете [Гете 1948]. Он не был, как нам кажется, критиком языка в широком смысле этого слова – Маутнер [1986] называл его интуитивным критиком языка. Гете проявлял заинтересованность в вопросах выбора и использования языковых средств, отмечал их большую или меньшую реалистичность, большую или меньшую условность. Гете писал, что некоторые слова похожи на бумажные деньги: значимость их условна, потому что они являются результатом договоренности; другие подобны золотым монетам: они значимы сами по себе и потому напрямую соотносятся с реальностью [Гете 1948; Schiewe 1998: 123–125; Фурманова 2006].

Гете пробовал свои силы в науке и подчеркивал роль языка в развитии научного знания. Предприняв попытку создания собственной теории цвета, он писал: «Люди мало обращают внимание на то, что язык исключительно символичен, образен и никогда не выражает предмет непосредственно, но только в отражении, отблеске». Особенно заметным это становится тогда, когда речь идет о вещах, лишь частично доступных нашему чувственному опыту, которые скорее можно было бы назвать деятельностями, чем предметами, то есть о тех вещах, которые постоянно находятся в движении [Гете 1948; Schiewe 1998: 124; Фурманова 2006]. По Гете, язык не является прямым отражением действительности, предметы в нем обозначаются опосредованно, преломляясь через мысли, представления, понятия.

Проблему языковой картины мира затрагивал в своих трудах и немецкий философ-лингвист Л. Вайсгербер, который начал разработку этого понятия в

начале 30-х годов XX века. По мнению Вайсгербера, картина мира каждого народа во многом предопределяется его языком. В своей книге «Родной язык и формирование духа» ученый развивает мысль о том, что всякий язык задает картину мира, которая существует у носителя языка на бессознательном уровне. Вайсгербер пишет: «Мы изучаем большую часть “содержаний слов” неосознанно, тем более не благодаря дефиниции», – и это, по его мысли, «является чудеснейшей возможностью языка», под влиянием которого «это знание вырастает неосознанно». Это и «позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер 2004: 58].

Проблема языковой картины мира как результата взаимосвязи языка и мышления в рамках иной научной парадигмы была поднята американскими учеными Э. Сепиром и Б. Уорфом, чьи работы привели к формированию так называемой «гипотезы лингвистической относительности». Согласно точке зрения этих ученых (высказанной в разных работах), структура мышления и способ познания внешнего мира определяются структурой языка. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности особая роль отводится национальному языку, рассматриваемому Э. Сепиром в составе многоуровневой системы социальных отношений: язык непосредственно связан с культурой, а любая культура фиксируется, передается посредством языка [Уорф 1960]. Э. Сепир и Б. Уорф считали, что восприятие и мышление представителей какого-либо народа обусловлены особенностями структуры их языка (как лексической, так и грамматической). Те или иные языковые конструкции и словарные единицы, действуя на бессознательном уровне, приводят к созданию картины мира – причем уже не чисто языковой, которая присуща жителям, использующим данный язык.

Для отечественной лингвистики вопрос о связи языка и мышления, отражения в языке народной жизни всегда, начиная с позапрошлого века, был важен для отечественной лингвистики. Данная проблема в том или ином ракурсе нашла отражение в трудах таких ученых, как Ф.И. Буслаев, Ф.Ф. Фортунатов,

Л.В. Щерба, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов. Во многом продолжил и развил концепцию В. фон Гумбольдта российский лингвист А.А. Потебня, который использовал понятие «внутренняя форма слова», анализируя эволюцию значений слов на материале истории языка, мифологии, художественного литературного произведения [Потебня 1999].

Но мы не должны забывать, что в отношении феномена языковой картины мира ведущий исследователь в этой области В.А. Маслова отмечает: «Термин “языковая картина мира” – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова 2001: 66].

Большинство российских лингвистов определяет языковую картину мира как некую зафиксированную в языке структуру восприятия действительности, которая тесным образом связана с культурой. Так, Ю.Д. Апресян полагает, что роль языка первична, что именно язык «навязывает видение мира, сохраняет и воспроизводит набор основных, наиболее важных значений национальной культуры» [Апресян 1995: 38].

Тем не менее, следует отметить, что гипотеза лингвистической относительности – как одно из предположений о влиянии языка на мышление – долгое время отвергалась многими лингвистами. Идея задания разных взглядов на мир казалась противоречащей принципам возможности взаимопонимания носителей разных языков. В частности, в монографии Г.В. Колшанского «Объективная картина мира в познании и языке» (1990), утверждается, «язык ... не создает какой-либо картины мира» [Колшанский 1990: 33]. Автор, известный советский исследователь, утверждает: «Единый мир должен... означать и единое

его “воспроизведение” – национальная же картина мира разрушает, по существу, этот единый мир, так как каждый народ может видеть этот мир только через призму своего языка (разные миры)» [Колшанский 1990: 33].

Здесь вновь следует вспомнить различие между наблюдаемыми представлениями носителей культур, которые находят выражение в сосуществовании разных типов картин мира. Наряду с языковой картиной мира в сознании людей существует и наивная картина мира, связанная не только с языком, но и с определенными научными и донаучными представлениями, не отрицается и научная картина мира, объединяющая жителей, говорящих на разных языках. В то же время в наши дни большинство лингвистов и специалистов по коммуникации сходятся на том, что отдельные различия между языковыми картинами мира имеются, они могут влиять на восприятие информации, а также рекламы и художественных произведений на данном языке.

Итак, языковая картина мира, которую можно определить как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития которые отражены в значениях языковых знаков» [Попова, Стернин 2007: 54], есть важное понятие, позволяющее учитывать связь языка с культурой, с мышлением, наконец, с историей и традициями народов, что можно рассматривать как развитие идей В. Гумбольдта и его последователей.

1.5. Концепт как объект исследования в лингвистике

Из признания возможностей языка в сфере структурирования действительности следует необходимость выделения единиц, которые могли бы отражать результаты таких действий.

В конце прошлого века в отечественной лингвистике появились работы, которые трактовались авторами как концептологические исследования, т.е. работы, ключевым объектом которых оказывались так называемые концепты. И хотя понимание этого термина различно в разных школах и у разных авторов, уже

говорится о развитии новой области знания – концептологии, которую считают разделом междисциплинарной когнитивной науки.

В философии, а именно в немецкой философии, термин «концепт» получил определение в работах А. Шопенгауэра и И. Канта. В своих работах А. Шопенгауэр понимает под концептом абстракцию, которая создается человеком посредством интуитивного восприятия предметов [Шопенгауэр 1993]. И. Кант при рассмотрении концепта выделяет такие условия его создания, как сравнение, рефлексия, абстракция. Философ подчеркивает, что для того, чтобы мысленный образ стал концептом, необходима способность человека к сравнению, обдумыванию и абстрагированию [Кант 2006]. Немецкий философ Г. Фреге подразумевает под концептом смысл, который он ограничивает от понятия [Фреге 1997].

Л. Вайсгербер, являясь основоположником структурной семантики, отмечает, что концепты выступают как создаваемые языком «духовные объекты», структурирующие действительность [Вайсгербер 2004; Гухман 1961; Радченко 2006].

В современном языкознании понятие концепта уже давно занимает значительное место, исследованию различных концептов посвящено огромное количество работ, несмотря на это, понимание термина «концепт» продолжает вызывать споры.

Концепт имеет свое содержание и свою структуру [Карасик 2002]. Для нас особенно важна понятийная составляющая часть структуры концепта. Целесообразно более подробно проанализировать существующие точки зрения на определения и структуру концепта.

Е.С. Кубрякова определяет концепт как «многомерный мыслительный конструкт, который отражает процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [Кубрякова 1996: 90]. Ученым выделены три зоны, в которых отражается влияние языка на формирование концептов и понятий. Имеются в виду зоны, в которых проявляется несоответствие концептуального и языкового значений. Каждая зона

схематично представлена в виде круга, круги разной величины и разного диаметра встроены друг в друга и соприкасаются между собой. «Первая зона отражает непосредственное влияние языка на формирующиеся концепты и понятия; во второй зоне язык влияет на концепты абстракциями, сформированными на основе свойств языковых знаков и их функционирования на основе значений, извлекаемых из языковых форм и затем абстрагированных, третья зона не имеет верbalного выражения» [Кубрякова 1988: 146].

По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». С точки зрения ученого, если мыслить образно, то не стоит представлять культуру как воздух, то есть что-то неопределенное и практически неосозаемое. Человек пронизан культурой, причем это «пронизывание» носит вполне определенный, структурированный характер и имеет вид особых ментальных образований – концептов. Концепты Ю. С. Степанов определяет как «сгустки культурной среды в сознании человека» [Степанов 1998: 306].

Представители отечественной когнитивной семантики З.Д. Попова и И.А. Стернин трактуют концепт как «принадлежность сознания человека, глобальную единицу мыслительной деятельности, квант структуриированного знания». Они отмечают, что человеческое мышление носит невербальный характер, в его основе лежит «универсальный предметный код». Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу [Попова, Стернин 2005: 7]. При этом «концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации», т. е. он «может быть вербализован, а может и не быть вербализован» [Там же: 8]. Из средств вербализации выделяется ядро: лексема или фразема, наиболее близкая по значению (включая коннотации) к содержанию концепта, а также близкая периферия (слова с несколько более широким значением), называемая также центр, и дальняя периферия,

включающая слова, значения которых не вполне совпадают с содержанием концепта, однако связаны с ним.

Иными словами, понятие концепт используется лингвистами для отражения различных, хотя и схожих сущностей. Во-первых, концепт – это единица плана содержания языка, которая более абстрактна, чем значения различных слов, способных в той или иной степени его выразить («вербализовать»). Это понимание соответствует представлениям И. Стернина и З. Поповой, обращающимся к психологическому понятию «универсального мыслительного кода», введенному в свое время Н.И. Жинкиным.

Во-вторых, концепт связывается с представлениями, сформированными в рамках определенной культуры, использующей данный язык. Здесь можно говорить, с одной стороны, о вопросах членения реальности средствами языка, когда в одном языке мы имеем одно слова для какого-то объекта реальности, а в другом два (например, русское слова *нога* заставляет носителей воспринимать всю конечность как нечто целое, тогда как для немца перед ним два объекта: *Fusz* (ступня) и *Bein*). В еще большей степени различия в членении мира проявляются в сфере абстрактной лексики: обозначениях эмоций, черт характера (достаточно вспомнить русские слова «удалой» и «лихой», отражающие концепты, неизвестные во многих других культурах). С другой стороны, связь с культурой проявляется в коннотациях, закрепляющих восприятие мира в соответствующих концептах.

Понятие концепта в лингвистике связывается и с возможностью использовать средства языка для отражения новой реальности, т.е. метафоризации и метонимизации. В таком случае можно говорить о внутренней форме слова для лексики и образа для фразеологии, о чем писала В.Н. Телия, опираясь на труды Л. Вайсгербера.

Хотя предложенные трактовки связаны с различными научными школами и могут в каких-то случаях давать несовпадение, в целом логично считать, что пред нами попытки отражения одной сущности, рассматриваемой в разных аспектах. Анализ лингвистической литературы позволяет утверждать, что термин *концепт*

является предельно широким мыслительным образованием, включающим в себя и понятие, и представление, и поведенческие стереотипы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что лингвисты по-разному выстраивают сущностные признаки понятия *концепт*. Несмотря на это, во всех определениях прослеживаются следующие общие черты данного понятия: концепт неразрывно связан с культурой; концепт представляет собой элемент человеческого сознания, так как он является результатом мыслительной деятельности; концепт обусловлен опытом человека и совокупностью его знаний об окружающем мире.

Концепт определенно имеет свое выражение как в знаках языка, так и в единицах других семиотических систем. Наличие плана выражения позволяет концепту быть своеобразным мостиком между человеком и обществом; через концепты происходит взаимодействие человека в сообществе и с сообществом. При этом далеко не всегда язык играет определяющую роль в процессе формирования концепта. Наряду с этим количество «входов» в концепт не обязательно равно единице, вслед за многими исследователями мы придерживаемся позиции о множественности «входов» в концепт [Воркачев 2002; Карасик 2002; Слышкин 2004; Стернин 2005; Степанов 1998]. Особую трудность вызывает сравнение концептов, отражающих ментальные явления и сущности, как, например, «истина» и «справедливость».

В основу данного исследования легло понимание концепта как представления о фрагменте реальности, нашедшего отражение в языковом сознании личности или сообщества. Это понимание близко к предложенному В.И. Карасиком, который под концептом подразумевает квант переживаемого опыта. Концепт моделируется им как трехмерное образование, в составе которого можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики [Карасик 2002]. Подобную интерпретацию понимания концепта мы считаем удачной, так как концепт – это сложное образование, состоящее из нескольких частей, лингвистическое исследование которых должно проводиться с использованием разного языкового материала. Понятийная часть концепта исследуется за счет

лексем, образная часть – посредством изучения метафор и ассоциаций, ценностная его часть исследуется с помощью семантического анализа паремий. В связи с тем, что в данной работе изучается пересечение концептов в немецких художественных текстах за счет использования их лексической репрезентации, то именно представленная выше дефиниция концепта помогает нам ограничиться анализом вербализации его понятийной части и изучить вербализацию понятийной части концептов *истина* и *справедливость* и возможность их совмещения.

1.6. О степени изученности концептов *истина* и *справедливость* в современной лингвистике

На протяжении всей истории человечество интересовалось такими концептами, как *правда*, *истина*, *справедливость*. В творчестве Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и многих других выдающихся русских писателей рассматривались разные аспекты этих представлений [Розанов 2005; Толстой 1998].

Однако необходимо отметить, что лингвистическое изучение концептов *правда* и *истина* в языковом аспекте началось относительно недавно. Ведущими в этой области являются работы Ю.С. Степанова [1997], Н.Д. Арутюновой [1991]. Важным этапом в исследовании этой проблемы является конференция и составленный по ее результатам сборник работ «Истина и истинность в культуре и языке» [Логический анализ 1995]. Конференция была создана группой «Логический анализ языка», которая была создана Н.Д. Арутюновой на базе Института языкознания РАН. Различные позиции, проводимые в этих исследованиях (прежде всего с опорой на работы Н.Д. Арутюновой и А.Д. Шмелева), обобщаются в учебном пособии Т.Б. Радбилья «Основы изучения языкового менталитета», где в одном из разделов анализируются основные культурных концепты русских. [Радбиль 2013]. Фактически это было одной из первых попыток выявить различия в значениях семантически близких лексем

истина и правда через обращения к картине мира носителей русского языка. Именно оттуда идет и ориентация на лингвоспецифичность лексем *правда* и *совесть*, т.е. наличие в значениях слов компонентов, не встречающихся в переводных эквивалентах этих слов в других языках.

В дальнейшем анализу интересующих нас концептов было посвящено несколько специальных исследований. Такие концепты, как *истина*, *правда*, *ложь*, анализировались Н.А. Земковой в диссертации на тему «Концепты "истина", "правда", "ложь" как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков)» [Земкова 2006].

В названном исследовании выявлены средства вербализации концептов *истина*, *правда*, *ложь* в русской и английской языковых картинах мира. Автор попытался уточнить такие спорные понятия, как *концепт*, *сфера концепта*, *языковая игра* и др. Исследовательница пытается проинтерпретировать сложные концепты двоякой, лингвофилософской, природы *истина*, *правда* и *ложь* с применением инструментария прагматики, систематизации их и описания [Земкова 2006].

Н.А. Земкова утверждает, что «концепты *истина*, *правда*, *ложь* являются важнейшими лингвокогнитивными структурами языковой картины мира, аккумулирующими соответствующие образы, понятия, представления, морально-нравственные и этические установки, оценки, которые реализуются в русском и английском языках с помощью системы языковых единиц. Верbalизованные концепты *истина*, *правда*, *ложь* выступают как динамичные культурные конструкты человеческого сознания и языка, лингвистически классифицирующиеся на центральные и периферийные составляющие» [Земкова 2006: 53].

Следует обратить внимание на любопытное замечание Н.А. Земковой о том, что по своему лингвокультурному содержанию концепты *истина*, *правда*, *ложь* в русском языке в ходе исторического развития претерпели значимые изменения. Исследовательница связывает это с социально-экономическими и

политико-идеологическими факторами, в частности, с изменениями русской картины мира в ходе истории народа, «в то время как в английском языке концепты *truth* и *lie* в процессе исторической динамики не подверглись существенным изменениям», что, с ее точки зрения, вызвано стабильностью и устойчивостью «культурно-религиозного и социально-экономического устройства англосаксонской картины мира» [Земскова 2006: 5]. Также отмечается, что для русского языка характерно более эмоциональное отношение к феноменам *истина*, *правда*, *ложь*. Эти концепты для русских отличаются богатством смысловых модификаций составляющих и национально-культурным своеобразием. В английской национально-языковой традиции отношение к понятиям *truth* и *lie* носит более прагматичный характер, что находит отражение в языковой системе и речевой практике. В основе культурно-философских концептов *ложь* и *lie* лежат метафорические образы, связанные с грехом, грехопадением, тьмой, блужданием, грязью, болезнью, падением, пищей, потоком воды, звуком, цветом, воздухом и др.

Концепт *истина* рассматривался на материале немецкого языка в плане его актуализации при формировании языковой картины мира в диссертационном исследовании Е.А. Шелдих [2012]. Метафорическая реализация этого концепта как индивидуального базисного концепта в философии Ф. Ницше освещается в работе О.С. Макаровой [2013].

Для данного диссертационного исследования представляет особый интерес работа М.В. Гавриловой «Концепт "справедливость" в новейшем русском политическом дискурсе». В этой статье проводится сопоставительный анализ концепта *справедливость / justice* в русской и английской языковых картинах мира (лингвокультурах). Автор, в соответствии с традиционными представлениями, относит исследуемый концепт к высшим, наиболее значимым духовным ценностям. В работе используется инструмент бинарности для выявления ценностной составляющей концепта. Уточняется понятийный объем юридических терминов, а также выявляются их семантические связи. Осуществлен этимологический анализ слова «истина», приведены варианты иноязычных

соответствий. В работе представлена интерпретация культурно-специфичных русских пословиц и фразеологизмов, которые отражают содержание концепта *истина* [Гаврилова 2005].

В рамках данной диссертации необходимо учесть результаты исследования, отраженные в труде С.Г. Воркачева «Правда земная: идея справедливости в языковом сознании» [Воркачев 2010]. Автор отмечает, что «этнокультурная значимость полисемии слова *правда* в значительной мере есть результат недоразумения: единство истины и справедливости в слове *правда* не выходит за пределы словаря. В речевом же употреблении “светского дискурса” эти значения никогда не нейтрализуются (не “сливаются”) и находятся в отношениях амфиболии – двусмысленности, они либо вполне разделимы, либо не выделяются вовсе из-за недостаточной “разрешающей силы” контекста» [Воркачев 2010: 27]. При этом отношения полисемии, в которых находятся лексемы «истина» и «справедливость», не являются специфичными лишь для русского языка. Подобная ситуация присуща латинскому языку, где словарная статья *veritas* содержит и значение *истина*, и значение *правила, нормы*.

Во многих работах отмечается диалектическая связь категорий «справедливость» и «несправедливость», которые неотделимы друг от друга подобно тому, как представление о добре немыслимо без идеи зла – она «столь же бессмертна, как и ее антипод» [Рачков 1996: 33]. По мнению многих исследователей, добро и справедливость, равно как зло и несправедливость, являются наиболее близкими друг к другу, смежными категориями. Это способствует диалектической трактовке несправедливости как части «вечной силы, всегда желавшей зла, творившей лишь благое» [Гете. Фауст] и ее осознанию в качестве движущей силы в развитии идеи справедливости. Справедливость связана с нравственными категориями идеала, и в то же время очевидна ее связь и с личностными категориями совести, счастья, долга.

В мире испокон веков существовали правдоискатели, которые боролись за справедливость. Они определяли ее через соответствие своим идеалам. Это говорит о том, что во все эпохи ощущался недостаток справедливости на разных

уровнях общественных связей и в разных системах представлений. В то время как для «обыденного сознания» Западной Европы, в основе которого лежат идеи «общественного договора», справедливость представляется социально приемлемой «мерой» несправедливости, результатом консенсуса и, возможно, толерантности, то в русской философии преобладает идея справедливости абсолютной, тождественной правде Божией, без примесей «кривды». И когда ни на земле, ни на небе люди не могут найти такой правды, в обществе зарождается моральный и правовой нигилизм («Нет правды на земле, но нет ее и выше»; «Если Бога нет, то все позволено») [Камю 1990: 340].

В русской традиции принято считать, что обнаружить несправедливость человеку позволяет такой уникальный феномен, как совесть. «Совесть есть живой и могущественный источник справедливости» [Ильин 2007: 202], мерило правды как морального закона. Совесть указывает людям направление движения по «моральному полю», при этом никто из нас «не может определить, что это такое» [Мамардашвили 2002: 38], поскольку это «понятие туманное, … мы уверены, что именно она позволяет нам отделить грех от правды» [Трифонов 1978: 199]. Осознавая отклонения в своем поведении от того, что он считает справедливостью и правдой, человек испытывает чувство глубокого раскаяния – одну из самых сильных человеческих эмоций. И это следствие сурового приговора его совести.

Таким образом, справедливость неотделима от совести, вместе с тем она оказывается связана и с категорией счастья.

Предпринятые опыты реконструкции языковой модели (картины) мира показывают, что особенно существенно влияние на национальный характер лингвокультурных концептов, не находящих аналогов в других языках [Воркачев 2010]. К такому концепту и относится концепт *истина*, который чаще всего исследуется в рамках интерпретации русской языковой картины мира – причем не обособленно, а в паре со своим «культурологическим дублетом» – концептом *правда*.

Подробные исследования лингвоспецифического концепта *истина* представлены в ряде сборников серии «Логический анализ языка», издаваемых группой Института языкознания РАН, в диссертациях и монографиях. В русской языковой картине мира концепты *правда* и *истина* принято разделять, в то время как во многих лингвокультурах такое разграничение отсутствует. В ряде европейских языков существует одно слово, которое называет одновременно истину и правду, то есть данные категории являются недифференцированными: например, *truth* (англ.), *verite* (фр.), *die Wahrheit* (нем.). Но понятие *истина* и в русской, и в зарубежной лингвокультуре включает разные подтексты и мыслится в разных пространствах культуры.

В современном языковом словоупотреблении *истина* соотносится с чем-то высоким, необыденным, в отличие от земной *правды*. С точки зрения Н.Д. Арутюновой, «истина раскрывает религиозные представления о сущности мира» [Арутюнова 1999: 543].

По мнению Ю.С. Степанова, «концепт *истина* выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а *правда* – конкретный случай», поэтому «истина выражает общие суждения, правила, а правда – частные суждения, обычно о событиях и фактах» [Степанов 1998]. Эти наблюдения можно резюмировать фразой: «Истина одна (она объективна), а правда (справедливость) у каждого своя».

Концепт *справедливость* как лингвокультурный концепт, в плане его структуры и языковой репрезентации, подробно изучается в диссертационном исследовании Н.А. Катречко на материале современного немецкого языка [Катречко 2010].

Обзор и систематизация имеющихся лингвистических исследований вербализации концептов *истина* и *справедливость* выяснили недостаточность освещения процесса взаимодействия этих концептов друг с другом. Считаем очень важным выяснить моменты их взаимодействия в немецких художественных текстах в рамках диахронии, обратившись к анализу текстов известных немецких писателей Германии, Австрии и Швейцарии, в произведениях которых сюжетная линия связана с раскрытием понимания данных концептов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Понятия истины и справедливости были предметом внимания общественной мысли Европы на протяжении тысячелетий. В философии различают абсолютную и относительную истину; два значения понятия справедливости – широкое и узкое. Широкое понимание справедливости связано с пониманием воплощения истины. В узком смысле слова справедливость связана с распределением выгод и тягот совместной жизни людей, с взаимным уравновешиванием противоречащих, конфликтующих интересов людей в обществе и государстве.

2. Являясь ментальным образованием, концепт не тождественен понятию и значению. Он имеет содержание и структуру. В состав концепта входят понятийный, образный и ценностный компоненты.

3. Концепт *истина* в лингвистических работах рассматривается совместно с концептами *правда*, *ложь* как фактор вербализации действительности в когнитивно-прагматическом аспекте, при сравнении русского и английского языков. Концепт *истина* исследуется в рамках интерпретации русской языковой картины мира в паре со своим культурологическим дублетом *правда*.

4. Актуализация концепта *истина* рассматривается на материале немецкого языка при формировании языковой картины мира; получает свое освещение метафорическая реализация этого концепта как индивидуального базисного концепта в философском наследии Ф. Ницше.

5. Концепт *справедливость* изучается в русистике с целью установления специфики его вербализации в новейшем русском политическом дискурсе. Подобные исследования необходимы и для других языков, в частности, немецкого языка.

ГЛАВА 2. ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ **ИСТИНА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ в НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XVIII–XIX ВЕКОВ**

Во второй главе анализируются произведения немецкой художественной литературы: «Фауст» Иоганна Вольфганга Гете и «Михаэль Кольхаас» Генриха фон Клейста – с целью определения зон пересечения исследуемых концептов именно в XVIII–XIX столетиях. Данный временной отрезок играет исключительно важную роль в истории немецкой культуры и немецкого языка. Это период формирования классической немецкой философии, романтизма в немецкой литературе, а в дальнейшем – и единого немецкого государства.

При анализе произведений принимается во внимание тот факт, что выражение концептов может быть вербализовано и представлено как эксплицитными лексическими средствами, так и имплицитными. В последнем случае степень достоверности результатов анализа окажется ниже, т.к. скрытые, имплицитные средства далеко не всегда выявляются со стопроцентной надежностью. Поэтому в работе рассматриваются эксплицитные средства выражения концептов в соответствии с понятийным аппаратом, описанным в первой главе. Отбираются лексические средства выражения концептов, а затем методом контент-анализа выбираются их употребления в текстах.

Для этого для каждого из исследуемых концептов необходимо определить состав ядерных и центральных лексем, способных репрезентировать их понятийный компонент в немецком языке.

2.1. Лексико-семантическая представленность ядра и центра исследуемых концептов в немецком языке

Обращение к толковым, идеографическим словарям, словарям синонимов и антонимов немецкого языка [Москальская 2004; Bulitta 2005; Deutsches Universal Wörterbuch 2003; Duden 1999; Wahrig 1994] показало, что ядерной лексемой

концепта *истина* в немецком языке выступает лексема *die Wahrheit*. Она обладает несколькими значениями, при этом термин «значение» понимается как семантическое содержание лексемы в языковой системе, которое может быть обнаружено в ее реализациях в дискурсе.

По данным словаря интересующая нас лексема обладает значениями:

- правда (*die Gerechtigkeit, die Wahrheit*); соответствие принципам, признаваемым в обществе правильными как в этическом, так и в онтологическом смысле;
- истина (*die Wahrheit*); соответствие реальности, устройству мироздания;
- истинность (*die Wahrhaftigkeit, die Richtigkeit, die Tatsächlichkeit, die Wahrheit, die Wahrheitstreue*); соответствие фактам реальности. В целом все значения близки друг к другу.

Центр концепта (ближнюю периферию) образуют следующие лексемы:

- синонимы данной ядерной лексемы: *die Tatsache, die Wirklichkeit, die Richtigkeit, die Sicherheit, die Tatsächlichkeit, die Echtheit, die Realität, die Glaubwürdigkeit, die Gewissheit* [URL: <http://www.classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-88602.html>];
- антонимы: *die Unwahrheit, die Lüge* [URL: http://corpora.uni-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl_2011&word=Wahrheit];
- однокоренные производные слова: *wahrlich, wahr, wahrhaft, wahrhaftig* [URL: <https://dictionary.ru/definition/wahrheit.html>].

Что касается концепта *справедливость*, то ядерной лексемой для него в немецком языке выступает лексема *die Gerechtigkeit*, которая тоже неоднозначна и понимание справедливости в следующих значениях:

- справедливость (*die Gerechtigkeit, die Billigkeit, die Richtigkeit*); соответствие представлениям о правильном порядке в общественных отношениях;
- праведность (*die Gerechtigkeit, die Heiligkeit*); соответствие поведения принятым нормам и высшим установкам;

- правда (*die Gerechtigkeit, die Wahrheit*); соответствие правильным представлениям;
- законность (*die Gesetzlichkeit, die Rechtmäßigkeit, die Rechtsgültigkeit, die Gerechtigkeit, die Legitimität*); соответствие официально принятым требованиям к поведению;
- управа (*die Gerechtigkeit, die Verwaltung*); возможность установить правильное поведение или отношение.

Синонимами этого слова выступают лексемы *die Objektivität, die Rechtsordnung, die Redlichkeit, die Charakterstärke, die Loyalität, die Unvoreingenommenheit, die Unbestechlichkeit* [URL: http://corpora.unileipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl_2011&word=Gerechtigkeit; http://corpora.unileipzig.de/de/res?corpusId=deu_newscrawl_2011&word=Gerechtigkeit].

Антонимом лексемы *die Gerechtigkeit* выступает лексема *die Ungerechtigkeit* [URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Gerechtigkeit>].

Данный перечень лексем служит основой для выявления средств вербализации ядра и центра исследуемых концептов в немецкой художественной литературе.

2.2. Пересечение концепта *истина* и концепта *справедливость* в трагедии И.В. Гете

Для анализа лексем, представляющих понятийный компонент исследуемых концептов, был выбран текст И.В. Гете «Фауст», который представляет интерес не только как одно из величайших произведений мировой литературы, творение поэта-философа, но еще и в силу того, что предоставляет возможность исследования совмещения изучаемых концептов, так как он посвящен раскрытию понимания истины и справедливости обществом XVIII века. Из всего списка лексем, представленного выше, в тексте Гете понятийный компонент концепта *истина* репрезентируется лексемами *die Wahrheit, die Lüge, lügen, die Lügenschäume, die Lügenfahnen, die Lügenfürsten*.

В основу данного произведения положена, как известно, средневековая легенда. Гете пользуется ею для того, чтобы отразить представления уже Нового времени. Фауст, главный герой произведения, отдаляется от образа меланхоличного, мечтательного романтичного человека и приходит к идеи постижения истины через трудную жизнь и благодеяния, которые один индивид может оказать другому.

Первая часть «Фауста» повествует о том, как герой следует принципам эгоизма и гедонизма, не испытывая должного уважения к человеческой личности, он погубит свою возлюбленную Маргариту. Во втором томе Гете находит выход из адского круга для своего героя в уважении к производительному труду. В пятой сцене второго тома Фауст попадает в дом Филимона и Бавкиды, и разочарованный убожеством окружающей их жизни, сжигает все и хочет построить страну, в которой люди жили бы счастливо и ценили бы эффективный, приносящий пользу всему человечеству труд. Эта попытка выстроить счастливую жизнь для людей на земле получаетенную оценку, и Фауст оказывается прощенным свыше.

Гете выбирает привычные читателю, традиционные образы христианской легенды, в которую вкладывается просветительское содержание. В прологе пьесы звучит торжественный гимн, воспевающий величие природы.

Свою гуманистическую программу Гете вкладывает в уста Господа, который противопоставил человеконенавистнической позиции Мефистофеля веру в человека. Поэт убежден, что Фауст преодолеет временные заблуждения и найдет дорогу к истине.

«*Nun gut, es sei dir überlassen!*
Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab,
Und führ ihn, kannst du ihn erfassen,
Auf deinem Wege mit herab,
Und steh beschämt, wenn du bekennen mußt:
Ein guter Mensch, in seinem dunklen
Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewußt»

«Тебе позволено: иди
 И завладей его душою
 И, если можешь, поведи
 Путем превратным за собою
 И посрамлен да будет самана!
 Знай: чистая душа в своем исканье
 смутном
 Сознанием истины полна»
 (пер. Н. Холодковского).

В этом случае экспликация понятийной части концепта *истина* не обозначена четко, можно констатировать ее проявление в виде обозначения праведного пути *des rechten Weges*, когда истина понимается как путь и действия праведника, к которому стремится лирический герой. Однако поэт вкладывает в уста героя следующие строки:

«*Ich hatte nichts und doch genug:*
Den Drang nach Wahrheit und die Lust am Trug»

«Я беден был – и все, что надо
 Для счастья чистого, имел:
 Стремленьем к истине кипел,
 И бред мечты мне был отрада!»
 (пер. Н. Холодковского).

Здесь исследуемый концепт репрезентирован ядерной лексемой *Wahrheit* *истина*, достижение которой выступает целью, к которой можно лишь стремиться.

Таким образом, в прологе намечается оптимистическое разрешение основного конфликта и предвосхищается та борьба, которая развернется в трагедии по поводу вопроса о призвании человека. Истина является целью стремлений человека. Бессспорно, Гете осознавал, что философия идеализма не покажет пути к истине. Герой трагедии «Фауст», подобно многим немецким идеологам, не находит равновесия между мечтой и действительностью, между стремлением к идеалу и живым ощущением реальной жизни, от которой он не хочет отрываться. «Ах, две души живут в груди моей!» – восклицает он.

«Ich, Ebenbild der Gottheit, das sich schon	«К зерцалу истины, сияющей и вечной,
Ganz nah gedünkt dem Spiegel ew'ger Wahrheit,	Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Sein selbst genoß in Himmelsglanz und Klarheit,	Казалось — я быть смертным перестал
Und abgestreift den Erdensohn»	В сиянии небес и в славе бесконечной»
(Goethe Faust).	(пер. Н. Холодковского).

Мефистофелю принадлежит особая роль в раскрытии основной темы, связанной с поиском истины Фаустом. Полагаем, что в данном аспекте особого внимания заслуживают сцены, где сам Мефистофель выступает с критическим осмыслением, осуждением действительности.

МЕPHISTOPHELES:	«Я скромно высказал лишь
«Bescheidne Wahrheit sprech ich dir.	правду, без сомненья.
Wenn sich der Mensch, die kleine Narrenwelt	Ведь это только вы мирок нелепый свой
Gewöhnlich für ein Ganzes hält-	Считаете за все, за центр всего
Ich bin ein Teil des Teils, der anfangs alles war	творенья!
Ein Teil der Finsternis, die sich das Licht gebar	А я – лишь части часть, которая была В начале всей той тьмы, что свет произвела,
Das stolze Licht, das nun der Mutter Nacht Den alten Rang, den Raum ihr streitig macht,	Надменный свет, что спорить стал с рожденья
Und doch gelingt's ihm nicht, da es, so viel es strebt,	С могучей ночью, матерью творенья.
Verhaftet an den Körpern klebt»	Но все же ему не дорости до нас!»
(Goethe Faust).	(пер. Н. Холодковского).

В этом случае истина отображается словосочетанием *bescheidne Wahrheit*, которое проявляют еще одну грань понимания истины как скромной правды, которая в словах Мефистофеля превращается в гневную критику существующего порядка мироздания и места человека в нем.

Мефистофель своими язвительными насмешками, сомнениями, циничным и грубым отношением к жизни будоражит чувства Фауста, волнует его ум, втягивая ученого в споры, заставляя его отстаивать свои взгляды, искать аргументы, и тем самым толкает его вперед и выше.

В отдельных фрагментах трагедии Гете «Фауст» очевидно, что автору присуще скептическое отношение к восприятию истины, что понятие истины он приравнивает к субъективной интерпретации.

«Ihr Täppischen! ein artiger Schein. Soll gleich die plumpe Wahrheit sein»

(Goethe Faust).

«Вы, увальни! Свет вашего послушания должен быть ничем иным, как неловкой правдой»

(перевод наш. – М.Е.).

«Was soll euch Wahrheit? – Dumpfen Wahn Packt ihr an allen Zipfeln an»

(Goethe Faust).

«Что для вас истина? – пустой звук, которым вы трубите направо и налево»

(перевод наш. – М.Е.).

*«Ich helfe mir zuletzt mit
Wahrheit aus;
Der schlechteste Behelf! Die Not ist
groß»*

(Goethe Faust).

*«In bunten Bildern wenig
Klarheit,
Viel Irrtum und ein Fünkchen
Wahrheit,
So wird der beste Trank gebraut,
Der alle Welt erquickt und
auferbaut»*

(Goethe Faust).

*«Истина мне помогает, в конце концов;
но это наихудшее средство! Нужда в нем
велика»*

(перевод наш. – М.Е.).

*«Из гущи жизни загребайте прямо.
Не каждый сознает, чем он живет.
Кто это схватит, тот нас увлечет.
В заквашенную небылицу
Подбросьте истины крупицу,
И будет дешев и сердит
Напиток ваш и всех прельстит»*

(пер. Б. Пастернака).

В приведенных примерах экспликация понятийного элемента концепта *истина* показывает неоднозначную интерпретацию автора. Это неловкая истина, правда, *plumpe Wahrheit*, которая неприятна людям, может делать им больно. Но она высоко чтится Гете, который ищет ее, довольствуясь проявлением истины в виде искры *ein Fünkchen Wahrheit*.

Мы имеем дело с эксплицитными средствами вербализации данного концепта, с одной стороны, а с другой стороны, предстает следующая картина понимания истины: истина – это правда вечная; путь праведной жизни; антипод заблуждения; правда, обладающая скромностью.

Понятийная часть концепта *истина* может быть репрезентирована с помощью антонимов ядерной лексемы: *die Lüge*. Обратимся к анализу примеров из второй части «Фауста» Гете.

KAISER:

*«Nur eilig! du entschlüpfst nicht wieder,
Erprobe deine Lügenschäume
Und zeig uns gleich die edlen Räume»*

(Goethe Faust).

*«Ну, к делу же! Так ты не уйдешь
отсюда!
Правдивость слов своих нам докажи
И нам места сокровищ укажи»*

(пер. Н. Холодковского).

В этом примере ложь предстает как пенная субстанция (*deine Lügenschäume*), обладающая яркой индивидуальностью.

В другом примере это лексема *lügen*, которая интерпретируется как случай возможного отступления от истины (Wenn du nicht **lügst**, das Werk vollenden, Dich, wenn du **lügst**, zur Hölle senden).

<i>«Ich lege Schwert und Zepter nieder Und will mit eignen hohen Händen, Wenn du nicht lügst, das Werk vollenden, Dich, wenn du lügst, zur Hölle senden!»</i> (Goethe <i>Faust</i>).	<i>«Свой меч и скипетр я сложу покуда И к делу сам немедля приступлю. Когда не лжешь, осуществляю я чудо, А если лжешь, тебя я в ад сошлю»</i> (пер. Н. Холодковского).
--	--

Здесь истина понимается как отсутствие лжи, то есть она ближе к правде.

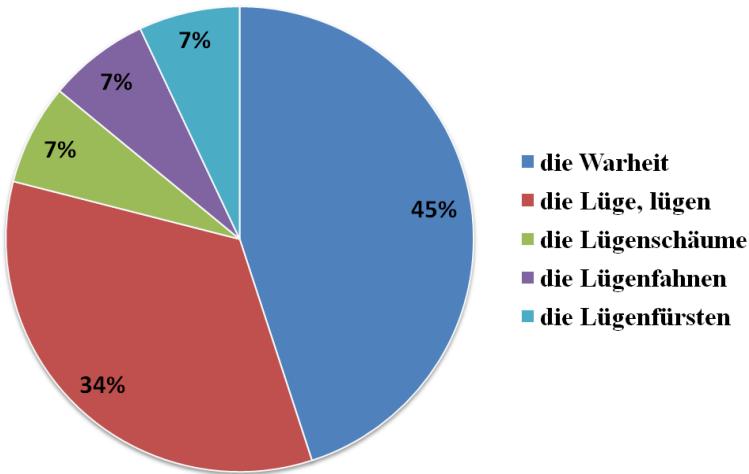
<i>ZWEITER KUNDSCHAFTER:</i> <i>«Erst gewahrten wir vergnüglich Wilden Wesens irren Lauf; Unerwartet, unverzüglich Trat ein neuer Kaiser auf. Und auf vorgeschriebnen Bahnen Zieht die Menge durch die Flur; Den entrollten Lügenfahnen Folgen alle. – Schafsnatur!»</i> (Goethe <i>Faust</i>).	<i>Второй вестник</i> <i>«На сумбур их бесполковый Любовались мы сперва; Вдруг у них явился новый Император – их глава; И путем, ему желанным, Потянулись рабы, И к знаменам самозваным Все стеклись. Бараны лбы»</i> (пер. Н. Холодковского).
--	--

Ложь рассматривается в данном примере как символ власти: «*Den entrollten Lügenfahnen Folgen alle. – Schafsnatur!*», за которой люди следуют безропотно как стадо неразумных баранов.

Таким образом, истина у Гете во второй части «Фауста» – это не ложь; не символ власти.

Диаграмма 1

**Частотность использования лексем,
представляющих концепт *истина* в трагедии И.В. Гете «Фауст»**

Как показывает диаграмма, чаще всего в тексте Гете понятийная часть исследуемого концепта репрезентируется ядерной лексемой *die Wahrheit* (45%), реже лексемами *die Lüge, lügen* (34%) и очень редко лексемами *die Lügenschäume*, *die Lügenfahnen*, *die Lügenfürsten* (по 7%). Необходимо отметить тот факт, что этот концепт в тексте Гете представлен в большей мере антонимом *die Lüge* и его производными. Это обстоятельство указывает на то, что истина понимается автором как отсутствие лжи.

Обратимся к анализу репрезентации концепта *справедливость* в гетевском тексте: понятийный компонент концепта *справедливость* репрезентирован следующими лексемами: *die Gerechtigkeit, richtig, das Recht*. На основании анализа двух цитат, в которых представлена экспликация понятийного компонента концепта *справедливость*, мы отмечаем отражение в них субъективного восприятия данного концепта, при этом контекстное окружение рассматриваемой лексемы позволяет сделать вывод о том, что понятийный компонент концепта *справедливость* является объективно-субъективным.

«Gerechtigkeit! – Was alle Menschen lieben, Was alle fordern, wünschen, schwer entbehren, Es liegt an ihm, dem Volk es zu gewähren»

(Goethe *Faust*).

«Справедливость! – Что все люди любят, что все требуют, желают, что всем чаще всего не хватает. Но она присуща тому народу, который стремится ее достичнуть»

(перевод наш. – М.Е.).

Справедливость, вербализованная лексемой *die Gerechtigkeit*, в этом контексте отображает справедливость, которую любят, желают, требуют, но она труднодостижима. В этом видит Гете универсальную сущность справедливости, которая отражена еще в античной философии.

«Der Kaiser kann's nicht, will's nicht laßt uns wählen, Den neuen Kaiser neu das Reich beseelen, Indem er jeden siche stellt, In einer frisch geschaffnen Welt Fried' und Gerechtigkeit vermählen»

(Goethe *Faust*).

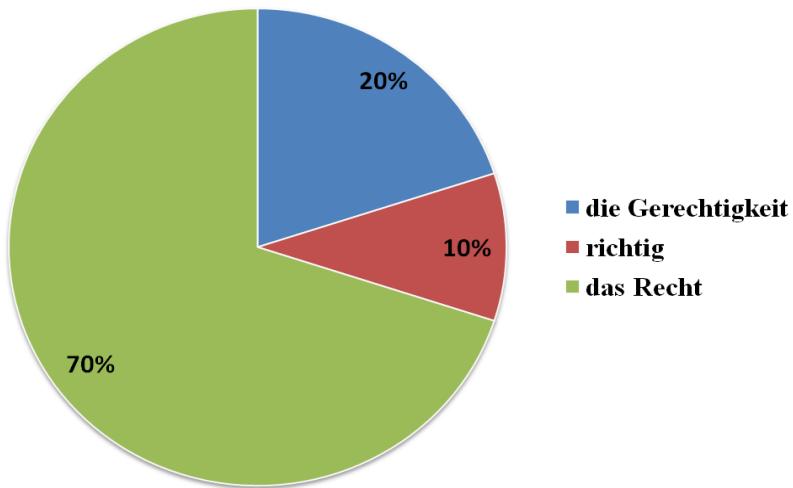
«Император не может и не хочет дать нам выбрать нового императора и обрести новое государство, в котором каждому будет определено свое место, и в новом мире сочетать между собой согласие и справедливость»

(перевод наш. – М.Е.).

В примере, приведенном выше, концепт *справедливость* презентирован аналогичной лексемой, которая обладает уже специфичной характеристикой соотнесения с миролюбием, свойственным самому мирозданию. Следовательно, справедливость в гетевском тексте понимается как

- то, что все люди любят, хотят, но не достигают никогда;
- то, что существует только в рамках мирной жизни людей.

**Частотность использования лексем,
представляющих концепт *справедливость* в трагедии И.В. Гете «Фауст»**

Как показывает диаграмма 2, во второй части «Фауста» Гете концепт *справедливость* представлен в основном лексемой *das Recht* и ее производными (70%). Реже он вербализован ядерной лексемой *die Gerechtigkeit* (20%), весьма редко (10%) может быть репрезентирован лексемой *richtig*.

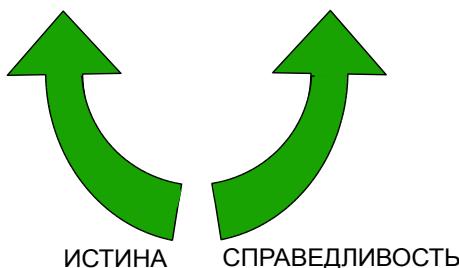
Таким образом, на основе проведенного сравнения концептов *истина* и *справедливость* следует отметить философское осмысление истины, которое было свойственно средневековым философским учениям и теориям утопического характера. «Фауст» – поэтическая и вместе с тем философская энциклопедия духовной культуры примечательного для истории человечества отрезка времени – кануна первой буржуазной французской революции и далее эпохи революции и наполеоновских войн. Это позволило некоторым комментаторам сопоставлять драматическую поэму Гете с философской системой Гегеля, представляющей собою своеобразный итог примерно того же исторического периода.

Вместе с тем, суть этих двух обобщений опыта одной исторической эпохи глубоко различна. Гегель видел смысл своего времени, прежде всего, в подведении итога мировой истории. В его системе голос трусливого немецкого бюргерства слился с голосом мировой реакции, требующим обуздания народных масс в их неудержимом порыве к полному раскрепощению. Эта тенденция, дух

такой философии исторического итога глубоко чужды «фаустовской идеи», гетевской философии обретаемого пути.

Итак, на примере произведения И.В. Гете можно констатировать отсутствие пересечения исследуемых концептов. Отмечается репрезентация понятийных компонентов каждого из этих концептов. И если концепт *истина* репрезентирован в произведении автора субъективно скептически, то концепт *справедливость* обладает объективно-субъективной окраской, выражает философские взгляды того времени.

Целесообразно в виде схемы представить соотнесение изучаемых концептов друг с другом в гетевском тексте (схема 1).

**Схема 1. Взаимодействие концептов *истина* и *справедливость* в трагедии
И.В. Гете «Фауст»**

Как показано на схеме 1, изучаемые концепты в гетевском тексте не взаимодействуют друг с другом, а существуют автономно. В тексте не встретились примеры, где в рамках одного предложения или одного сверхфразового единства имели место случаи лексической репрезентации пересечения этих концептов, на что могло указать их семантическое наполнение. Данное обстоятельство связано с тем, что автор текста был представителем своего поколения, своего времени, отображая ментальность носителей немецкого языка эпохи Просвещения, когда *истина* воспринималась как факт субъективного восприятия окружающего мира в сознании человека XVIII века. В противовес этому общество того времени не отличалось *справедливостью*. Поэтому она понималась субъективно каждым человеком по-своему, исходя из норм общественной жизни.

2.3. Зоны пересечения исследуемых концептов в прозе Г. Клейста

Далее будет рассмотрено соотношение концептов *истина* и *справедливость* в новелле Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас».

Считается, что зловещая фигура Михаэля Кольхааса, человека XVI века, является символом поиска справедливости на основе повышенных требований к исполнению людьми своего служебного долга. В связи с этим начнем лингвистический анализ данного текста с исследования вербализации именно концепта *справедливость*. Понятийный компонент этого концепта представлен с помощью лексем *richtig, die Gerechtigkeit, die Ungerechtigkeit*.

Анализ произведения «Михаэль Кольхаас» позволяет сделать вывод о том, что стремление главного героя к торжеству справедливости фактически толкает его на преступление, превращает в убийцу. Изучение языкового материала свидетельствует о том, что автор рассматривает стремление такого рода как субъективное и потому таящее опасность перейти в свою противоположность – торжество несправедливости. Это наглядно показано в сцене наказания Михаэлем Кольхаасом своих обидчиков. Ядерная лексема *die Gerechtigkeit*, эксплицирующая данный концепт в немецком языке, употребляется в данном художественном тексте своеобразно.

Hierauf erzählte er Lisbeth, seiner Frau, den ganzen Verlauf und inneren Zusammenhang der Geschichte, erklärte ihr, wie er entschlossen sei, die öffentliche Gerechtigkeit für sich aufzufordern, und hatte die Freude, zu sehen, daß sie ihn, in diesem Vorsatz, aus voller Seele bestärkte

(Kleist Michael Kohlhaas).

Засим он пересказал жене своей

Лисбет весь ход событий, разъяснил их внутреннюю связь, добавил, что твердо решил добиться справедливости по суду, и порадовался, что она всей душой одобрила его замысел

(пер. А. Карельского).

В приведенном отрывке текста нашла отражение такая национально-специфическая особенность немцев, как обостренное стремление к установлению

справедливости. Примечательно, что мать семейства одобряет действия мужа, направленные на установление справедливости, несмотря на то что в данном случае справедливость (*öffentliche Gerechtigkeit*) достигается крайне жестоким путем.

В следующем примере ядерная лексема эксплицирует понимание справедливости как объективно существующего явления.

«Geh, Herze, geh zu Bett, laß dir eine Flasche Weingeben, und tröste dich: dir soll Gerechtigkeit widerfahren»

(Kleist Michael Kohlhaas).

«Поди, Херзе, ляг в постель, вели принести себе бутылку вина и утешься: справедливость у тебя восторжествует»

(пер. А. Карельского).

В данном фрагменте подчеркивается, что протагонист одержим идеей установления справедливости, хотя эта идея и принесла множество несчастий его окружению.

Следует отметить, что в произведениях Клейста концепт *справедливость* могут репрезентировать и другие лексемы, выступающие синонимами ядерной лексеме. Например:

Das Rechtgefühl aber machte ihn zum Räuber und Mörder

(Kleist Michael Kohlhaas).

Чувство справедливости сделало из него разбойника и убийцу

(пер. А. Карельского).

В этом случае не сама справедливость, а ощущение справедливости, чувство справедливости *das Rechtgefühl* уже представляет не явление, а готовность человека действовать по справедливости.

Отмечаются случаи эксплицитного отображения центра данного концепта посредством другой лексики, связанной с данной лексемой деривационно. К разряду таких слов относится *das Rechtgefühl*.

Doch sein Rechtgefühl, das einer Goldwaage glich, wankte noch

(Kleist Michael Kohlhaas).

Но чувство справедливости, ему присущее и точное, как аптекарские весы, все еще колебалось

(пер. А. Карельского).

Очевидно, что здесь понимание справедливости искажено. Принимая во внимание предыдущие события, описанные в тексте, рассуждать о весах справедливости в данном случае нельзя. Автор вводит сравнение справедливости с представлением «на вес золота», делая акцент на том, что у справедливости высокая цена (*das einer Goldwaage glich*). Справедливость дорого стоит, и ее ценность определяется по крупицам, подобно золоту на точных аптекарских весах.

Другим эксплицитным средством выражения центра данного концепта выступает лексема *gerecht*.

Als der Morgen anbrach, war das ganze Schloß, bis auf die Mauern, niedergebrannt, und niemand befand sich mehr darin, als Kohlhaas und seine sieben Knechte. Kohlhaas bestieg den Turm der Vogtei, in dessen Innerem sich noch ein Zimmer, zur Bewohnung brauchbar, darbot, und verfaßte ein sogenanntes «Kohlhaasisches Mandat», worin er das Land aufforderte, dem Junker Wenzel von Tronka, mit dem er in einem gerechten Krieg liege, keinen Vorschub zu tun, vielmehr jeden Bewohner, seine Verwandten und Freunde nicht ausgenommen, verpflichtete, denselben bei Strafe Leibes und des Lebens, und

Когда забрезжило утро, огонь оставил от замка лишь каменные стены, и никого в нем не было, кроме Кольхааса и семерых его конюхов. Кольхаас поднялся на башню канцелярии, в которой еще сохранилась одна комната, пригодная для жилья, и сочинил так называемый «Кольхаасов мандат»: в нем он призывал всех жителей не давать убежища юнкеру Венцелю фон Тронке, с которым он ведет справедливую войну, вернее, вменял в обязанность каждому, включая родственников и друзей фон Тронки, под страхом смертной казни и сожжения всего

unvermeidlicher Einäscherung alles imущества, движимого и dessen, was ein Besitztum heißen mag, an недвижимого, выдать ему его ihn auszuliefern заклятого врага

(Kleist Michael Kohlhaas). (пер. А. Карельского).

В данном отрывке автор представляет читателю итог преступных, вероломных действий Кольхааса. Он нарушил установления традиционной немецкой этики, пренебрег обязательным для всех, строго соблюдаемым немецким порядком. И вот перед героям превращенный в обломки замок, где сохранилась только одна комната, пригодная для жилья. Но герой, несмотря на это, пишет манифест, в котором обращается с требованием ко всем жителям данной области Германии.

Здесь следует отметить такие формулировки:

- *in einem gerechten Krieg liegen;*
- *bei Strafe Leibes und des Lebens;*
- *Einäscherung des Besitzes.*

Рассмотрим фрагмент текста, где происходит объявление Кольхаасом войны, в ходе которой неизбежно гибнут люди. Хотя в своем манифесте герой и провозглашает «справедливую войну», но невозможно считать смерть множества людей из-за двух коней актом справедливости.

Spornstreiche auf dem Wege nach Dresden war er schon, als er, bei dem Gedanken an den Knecht, und an die Klage, die man auf der Burg gegen ihn führte, schrittweise zu reiten anfing, sein Pferd, ehe er noch tausend Schritt gemacht hatte, wieder wandte, und zur vorgängigen Vernehmung des Knechtes, wie es ihm klug und gerecht schien, nach Kohlhaasenbrück einbog

(Kleist Michael Kohlhaas).

Во весь опор, скака к Дрездену, он вдруг вспомнил о своем конюхе и о взвешенном на него обвинении, затрусил мелкой рысцой и, не проехав и тысячи шагов, свернул в Кольхаасенбрюкке, дабы учинить предварительный допрос конюху, что представлялось ему разумным и справедливым

(пер. А. Карельского).

Этот пример свидетельствует о том, что целью Кольхаса было достижение высшей ступени справедливости, устранив, по его мнению, несправедливое отношение к его коням путем допроса конюха.

Обратимся к анализу следующих примеров эксплицитных средств выражения концепта *справедливость* посредством ряда лексем, связанных деривационно с ядерной лексемой. К разряду подобных лексем относится лексема *rechtschaffenst*.

An den Ufern der Havel lebte, um die Mitte des sechzehnten Jahrhunderts, ein Roßhändler, namens Michael Kohlhaas, Sohn eines Schulmeisters, einer der rechtschaffensten zugleich und entsetzlichsten Menschen seiner Zeit
(Kleist *Michael Kohlhaas*).

На берегах Хавеля жил в середине шестнадцатого столетия лошадиный барышник по имени Михаэль Кольхаас, сын школьного учителя, один из самых справедливых, но и самых страшных людей того времени
(пер. А. Карельского).

Автор описывает характер торговца лошадьми как ярого борца за справедливость (*einer der rechtschaffensten*), который являлся страшным человеком по своей сути.

Обратимся к анализу имплицитных средств отображения данного концепта в произведении Клейста, создающих его периферию. Главный герой повести Генриха фон Клейста Михаэль Кольхаас хочет восстановить справедливость в отношении коней, которых задержали на границе.

Er fiel auch, mit diesem kleinen Haufen, schon, beim Einbruch der dritten Nacht, den Zollwärter und Torwächter, die im Gespräch unter dem Tor standen, niederreitend, in die Burg, und während, unter plötzlicher Aufprasselung aller Baracken im Schloßraum, die sie mit Feuer bewarfen, Herse, über die

Уже на третью ночь с кучкой своих людей Кольхаас ворвался в замок, копытами коней растоптав сборщика пошлин и привратника, мирно беседовавших у ворот. Покуда с треском разваливались надворные постройки, которые они закидали горящими головнями, Херзе взбежал

Windeltreppe, in den Turm der Vogtei eilte, und den Schloßvogt und Verwalter, die, halb entkleidet, beim Spiel saßen, mit Hieben und Stichen überfiel, stürzte Kohlhaas zum Junker Wenzel ins Schloß.

Der Engel des Gerichts fährt also vom Himmel herab; und der Junker, der eben, unter vielem Gelächter, dem Troß junger Freunde, der bei ihm war, den Rechtsschluß, den ihm der Roßkamm übermacht hatte, vorlas, hatte nicht sobald dessen Stimme im Schloßhof vernommen: als er den Herren schon, plötzlich leichenbleich: «Brüder, rettet euch!» – zurief, und verschwand

(Kleist Michael Kohlhaas).

по винтовой лестнице в канцелярию, где управитель с кастеляном, полуодетые, играли в карты, и заколол, зарубил их; сам же Кольхаас кинулся в замок к юнкеру Венцелю. «Ангел мщения слетает с небес», – возгласил юнкер под громкий хохот собравшихся в замке приятелей, ибо как раз читал им вердикт, переданный ему посланцем барышника, и не сразу расслышал голос последнего во дворе, но вдруг, покрывшись смертной бледностью, крикнул гостям: «Спасайтесь, друзья мои!» – и бросился вон из зала

(пер. А. Карельского).

Лексика первого абзаца сцены обладает как степенью средней, так и высшей напряженности. Так, например, выражение *Der Engel des Gerichts* является носителем отрицательной номинации средней напряженности. И именно это словосочетание эксплицирует изучаемый концепт своей иносказательностью, выделяя его периферийное расположение. В данном контексте мы встречаем словосочетание *unter dem Gelächter*. Оно приобретает негативное значение, которое усиливается употреблением определительного местоимения *viel*. Благодаря векторной направленности чрезмерный хохот переходит в вопль ужаса, который издает только что смеявшийся человек. Стоит отметить, что глагол *stürzen* относится к самым интенсивным глаголам движения, именно он позволяет передать напряженность всей ситуации.

Можно выявить дисперсию слов и словосочетаний, нагнетающих напряжение в данной ситуации:

- *mit Feuer bewerfen;*

- mit Hieben und Stichen überfallen;
- Der Engel des Gerichts;
- den Schlüssel werfen;
- über die Windeltreppe ins Schloß zum Vogt stürzen.

Подобная экспликация концепта *справедливость* позволяет показать искажение понимания справедливости главным героем романа Клейста.

При этом введение обозначения винтовой лестницы подчеркивает, с какой мощью ворвался Кольхаас в канцелярию наместника.

Kohlhaas, der, beim Eintritt in den Saal, einen Junker Hans von Tronka, der ihm entgegen kam, bei der Brust faßte, und in den Winkel des Saals schleuderte, daß er sein Hirn an den Steinen versprützte, fragte, während die Knechte die anderen Ritter, die zu den Waffen gegriffen hatten, überwältigten, und zerstreuten: wo der Junker Wenzel von Tronka sei?

(Kleist Michael Kohlhaas).

Кольхаас у самых дверей преградил путь попавшемуся ему навстречу юнкеру Гансу фон Тронке, швырнул его в угол, так что мозг брызнул на каменный пол, и спросил, в то время как конюхи расправлялись с другими рыцарями, схватившимися было за оружие, где юнкер Венцель фон Тронка

(пер. А. Карельского).

Рассмотрим лексику данного абзаца сцены:

- in den Winkel des Saals schleudern;
- den Hirn an den Steinen versprüten;
- die anderen Ritter überwältigten;
- zu den Waffen greifen;
- bei der Brust fassen.

Выделяя наряду с исходной моделью предложения *jemand schleudert jemanden* словосочетание *in den Winkel schleudern*, читатель может почувствовать силу удара, нанесенного Кольхаасом – в старинных административных зданиях помещения были довольно обширного размера.

In den Winkel des Saals schleudern – лексика отрицательной валидности средней напряженности, но в сочетании со следующим фрагментом предложения

приобретает степень высшей напряженности, так как удар был такой силы, что у упавшего брызнули мозги (*den Hirn an den Steinen versprützen*). Выражение *die anderen Ritter überwältigten* относится к лексике средней напряженности отрицательной валидности, но в данном контексте приобретает степень высшей напряженности. Речь идет об убийстве конюхов. Однако следует отметить, что в этом предложении мы имеем и лексику средней напряженности *zu den Waffen greifen*. Выражение *beider Brust fassen* также является единицей отрицательной валидности номинации средней напряженности.

*Und da er, bei der Unwissenheit
der betäubten Männer, die Türen zweier
Gemächer, die in die Seitenflügel des
Schlosses führten, mit einem Fußtritt
sprengte, und in allen Richtungen, in
denen er das weitläufige Gebäude
durchkreuzte, niemanden fand, so stieg er
fluchend in den Schloßhof hinab, um die
Ausgänge besetzen zu lassen*

(Kleist Michael Kohlhaas).

*Обеспамятившие люди ничего
не могли ему ответить; тогда он
ударом ноги распахнул двери покоев,
ведущих в боковые пристройки
замка, обежал все обширное
строение, но никого не нашел и,
изрыгая проклятия, стремглав
бросился во двор, чтобы поставить
стражу у всех выходов*

(пер. А. Карельского).

В данном примере встречаются такие выражения, как *die Türen mit einem Fußtritt sprengen, fluchend in den Schloßhof hinabsteigen*. Мы видим описание пространства, которое в данном случае становится угрожающим для людей, попавшим в него. Лексика, используемая для его описания, обладает нижней степенью напряженности отрицательной валидности.

Обратимся к словосочетанию *die Türen mit einem Fußtritt sprengen*, где дополнительное обстоятельство образа действия *mit einem Fußtritt* подчеркивает грубость и напряженность действий Кольхааса. В данном случае действия Кольхааса не приводят к смертельному исходу, поэтому мы относим этот пример к средней степени напряженности проявления отрицательной валидности.

Inzwischen war, vom Feuer der Baracken ergriffen, nun schon das Schloß, mit allen Seitengebäuden, starken Rauch gen Himmel qualmend, angegangen, und während Sternbald, mit drei geschäftigen Knechten, alles, was nicht niet- und nagelfest war, zusammenschleppten, und zwischen den Pferden, als gute Beute, umstürzten, flogen, unter dem Jubel Hersens, aus den offenen Fenstern der Vogtei, die Leichen des Schloßvogts und Verwalters, mit Weib und Kindern, herab

(Kleist Michael Kohlhaas).

Меж тем огонь с дворовых строений перекинулся на замок, дым валил из окон, вздымаясь к небу, и в то время как Штернбальд с тремя распоропными конюхами хватали что ни попадя и бросали прямо под ноги своим лошадям, Херзе из окон канцелярии с ликующим хохотом выбрасывал трупы управителя, кастеляна, их чад и домочадцев

(пер. А. Карельского).

В этом примере мы имеем антонимическое употребление слова *Jubel*, которое в другом контексте обозначало бы радостное ликование, которое было бы приятно окружающими как выражение радостного настроения. В данном отрывке текста мы видим страшную сцену убийства не только взрослых, но и детей и надругательство над их трупами, которые были сброшены с большой высоты.

Kohlhaas, der, in eben diesem Augenblick, in einem kleinen, mit Stroh bedeckten Schuppen, seine beiden Rappen erblickte, fragte den Knecht: warum er die Rappen nicht rette? und da dieser, indem er den Schlüssel in die Stalltür steckte, antwortete: der Schuppen stehe ja schon in Flammen; so warf Kohlhaas den Schlüssel,

В это самое мгновение Кольхаас заметил обоих своих вороных в сарайчике, крытом соломой, и спросил, почему он их не спасает. «Потому что сарай уже в огне», – отвечал парень, поворачивая ключ. Кольхаас с силой вырвал ключ из замка,

nachdem er ihm mit Heftigkeit aus der Stalltür gerissen, über die Mauer, trieb den Knecht, mit hageldichten, flachen Hieben der Klinge, in den brennenden Schuppen hinein, und zwang ihn, unter entsetzlichem Gelächter der Umstehenden, die Rappen zu retten

(Kleist Michael Kohlhaas).

швырнул его через стену и своим кинжалом стал плашмя колотить парня по спине, загоняя в пылающий сарай; так, под громкий хохот окружающих, он заставил его спасти вороных

(пер. А. Карельского).

Разберем лексику данного отрывка сцены:

- *der Schuppen steht in Flammen;*
- *mit flachen Hieben der Klinge in den brennenden Schuppen hinein treiben.*

Фрагмент текста представляет нам встречу хозяина вороных коней со своими лошадьми. Его ярость как будто утихает. Он не закалывает конюха, а лишь заставляет его спасти своих лошадей, избивая его плоской стороной своего кинжала. Ситуация не привела к убийству конюха, поэтому мы можем утверждать, что лексика приобретает среднюю степень напряженности отрицательной валидности. В данном отрывке мы также можем проследить антонимический оттенок слова *das Gelächter*. Лексема *das Gelächter* предполагает описание радостного настроения, что в данном случае не соответствует ситуации, с точки зрения автора, странно было радоваться проявлению злобной натуры людей.

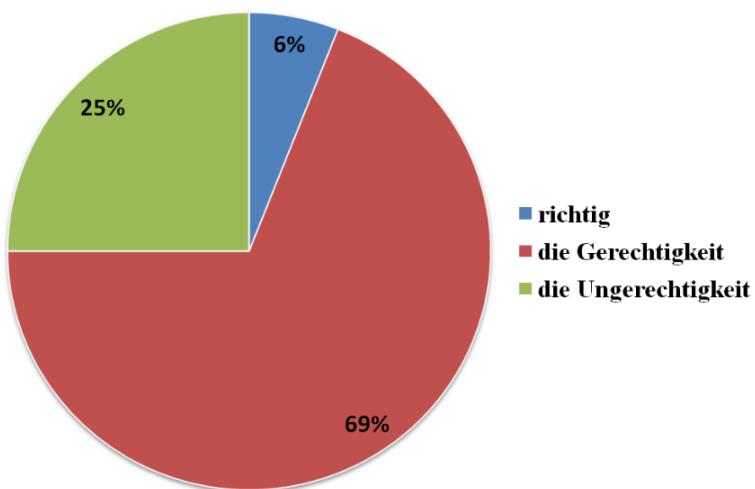
Таким образом, мы можем утверждать, что герой повести Генриха фон Клейста Михаэль Кольхаас является носителем идеи справедливости, она стала для него жизненной потребностью, однако, обостренное чувство добиться справедливости фактически привело к ее нарушению. Контекстуально-лингвопрагматическая интерпретация высказывания выявляет направление его вектора, который отражает определенную социальную функцию, выполняемую этим высказыванием. При этом макроконтекст может кардинально изменить первоначальное направление вектора смысловой единицы, заданное микроконтекстом. Так, положительно окрашенная лексема в определенном макроконтексте может служить деструктивным целям, или слово с нейтральным

значением может приобрести негативный оттенок. В последнем случае мы имеем дело с разновекторностью лексической единицы как ее способностью реализовывать различные социальные функции (т.е. приобретать разные векторы) в зависимости от общего контекста.

Обратимся к выяснению частотности использования обозначенных единиц в тексте.

Диаграмма 3

**Частотность использования лексем, представляющих концепт
справедливость в произведении Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас»**

Как показывает диаграмма 3, самой частотной выступает ядерная лексема *die Gerechtigkeit* (69%). Нередко используется ее антоним *die Ungerechtigkeit* (25%).

Рассмотрим случаи вербализации концепта *истина* в данном произведении Г. фон Клейста. Отметим сразу, что в тексте имеет место экспликация понятийного компонента данного концепта, представленного определенным набором лексем, к числу которых относятся ядерная лексема *die Wahrheit*, ее производные *wahr*, *wahrhaftig*, ее синоним *ehrlich* и антоним *die Unwahrheit*. Рассмотрим каждый случай отдельно.

Ядерная лексема *die Wahrheit* активно используется в тексте этого художественного произведения. Она способна передать ряд значений. Например:

Kohlhaas sagte betroffen: wodurch aber hast du dir die Verjagung aus der Tronkenburg zugezogen? Drauf Herse: durch einen schlechten Streich, Herr; und trocknete sich den Schweiß von der Stirn: Geschehenes ist aber nicht zu ändern. Ich wollte die Pferde nicht auf der Feldarbeit zu Grunde richten lassen, und sagte, daß sie noch jung wären und nicht gezogen hätten. Kohlhaas erwiderte, indem er seine Verwirrung zu verbergen suchte, daß er hierin nicht ganz die Wahrheit gesagt, indem die Pferde schon zu Anfange des verflossenen Frühjahrs ein wenig im Geschirr gewesen wären

(Kleist Michael Kohlhaas).

Кольхаас, немного смешавшись, продолжал:

– А чем ты, спрашивается, заработал изгнание из Тронкенбурга?
Херзе на это:

– Дурным поступком, хозяин, – и вытер пот со лба.

– Но что было, то было, сделанного не воротишь. Я не хотел, чтобы они заморили вороных на полевых работах, и сказал, что кони еще молоды и никогда в упряжи не ходили.

Силясь подавить свое замешательство, Кольхаас сказал конюху, что тот, выходит, немного пригал: ведь лошадей изредка запрягали еще прошлой весной

(пер. А. Карельского).

В этом примере ядерная лексема передает значение «правда», что соответствует передаче реальных событий, имевших место ранее (*in dem die Pferde schon zu Anfange des verflossenen Frühjahr sein wenig im Geschirr gewesen wären*).

Кроме этого значения данная лексема способна передать значение «реальность», например:

Kohlhaas, der seine Farbe verlor, wandte sich und versetzte: «Es wäre gleichviel, wenn sie nur da wären; und er möchte den Landsknechten, sobald er auf den Flur käme, Licht hinsetzen, damit sie sehen könnten». Nachdem er noch, unter dem Vorwande, ein Geschirr auszugießen, den vordern Fensterladen eröffnet, und sich von der Wahrheit des Umstands, den ihm der Alte entdeckt, überzeugt hatte: denn eben ward sogar in geräuschloser Ablösung die Wache erneuert, an welche Maßregel bisher, so lange die Einrichtung bestand, noch niemand gedacht hatte: so legte er sich, wenig schlaflustig allerdings, zu Bette, und sein Entschluß war für den kommenden Tag sogleich gefaßt

(Kleist Michael Kohlhaas).

В этом случае в тексте передается реальность изображаемых событий, реальность имеющихся обстоятельств (*von der Wahrheit des Umstands*).

Наряду с обозначенными значениями эта лексема может передавать при своем употреблении в тексте значение «истина». Например:

«Nun! fuhr Kohlhaas gutmütig fort: die Wahrheit zu gestehen, hats mir in Dresden, so scharf es herging, das Leben nicht gekostet; und wie es mir in Berlin gehen wird, und ob ich auch dort damit bestehen werde, soll die Zukunft lehren»

(Kleist Michael Kohlhaas).

Кольхаас победел и, отвернувшись от окна, сказал, что ему все равно, сколько их там, лишь бы были, и пусть Томас, проходя через сени, зажжет свечу, чтобы не сидели впопыхах. Он открыл наружный ставень под предлогом выплеснуть воду из кружки и убедился, что старик сказал правду: в эту минуту во дворе бесшумно сменялся караул, а ведь с тех пор, как к нему была приставлена охрана, никто и не помышлял о таком церемониале. Кольхаас лег в постель, хотя сна у него ни в одном глазу не было, твердо решив, как ему поступить наутро

(пер. А. Карельского).

«Что ж, — добродушно продолжал Кольхаас, — по правде говоря, как ни круто мне пришлось в Дрездене, а все же жизнью не поплатился; а каково мне будет в Берлине и суждено ли мне там остаться в живых — покажет время»

(пер. А. Карельского).

Этот пример интересен тем, что главный герой произведения в этом случае, находясь в добром расположении духа, говорит о необходимости установления истины, которую считает жизненно необходимой (*fuhr Kohlhaas gutmütig fort: die Wahrheit zugestehen, hats mir in Dresden, so scharf es herging, das Leben nicht gekostet*).

Концепт *истина* может получить в этом художественном тексте Клейста и экспликацию своего понятийного компонента за счет вербализации в виде дериватов указанной ядерной лексемы. К числу подобных дериватов относится *wahrhaftig*. Например:

Wie er von dir mit Pferden, denen man den Durchgang nicht verstattet, auf der Tronkenburg zurückgelassen worden sei, wie man ihn, durch die schändlichsten Mißhandlungen, gezwungen habe, die Burg zu verlassen, und wie es ihm unmöglich gewesen wäre, die Pferde mitzunehmen.

— So? sagte Kohlhaas, indem er den Mantel ablegte. Ist er denn schon wieder hergestellt?

— Bis auf das Blutspeien, antwortete sie, halb und halb.

— Ich wollte sogleich einen Knecht nach der Tronkenburg schicken, um die Pflege der Rosse, bis zu deiner Ankunft daselbst, besorgen zu lassen. Denn da sich der Herze immer wahrhaftig gezeigt hat, und so getreu uns, in der Tat wie kein anderer, so kam es mir nicht zu, in seine

Как ты оставил его при лошадях, которых задержали в Тронкенбурге, как его разными издевательствами принудили уйти из замка и как ему не удалось увести с собой коней.

— Вот оно что, — проговорил Кольхаас, снимая плащ, — а он уже поправился или нет?

— Да, только все еще харкает кровью, — отвечала она.

— Я хотела немедленно послать в Тронкенбург другого конюха, чтобы он ходил за лошадьми до твоего приезда. Но ведь Херзе никогда не лгал и предан нам больше, чем другие; потому мне и в голову не пришло сомневаться в его рассказе, подтвержденном столькими живыми подробностями; ни минуты я не думала, что у него украли лошадей или

Aussage, von so viel Merkmalen что с ними еще что-то стряслось. Он unterstützt, einen Zweifel zu setzen, und молил меня никого не посыпать в это etwa zu glauben, daß er der Pferde auf разбойничье гнездо и пожертвовать eine andere Art verlustig gegangen wäre лошадьми, если я не хочу загубить из-за них человека

(Kleist Michael Kohlhaas).

(пер. А. Карельского).

В данном примере эта лексема передает значение «правда».

Проанализируем другой пример.

— Behüte Gott, — rief der Knecht, und eine gottvergessene Misserat! Denn auf der Abend wurden die Pferde zweier Ritter welche auf die Tronkenburg kamen, in der Stall geführt, und meine an die Stalltüre angebunden. Und da ich dem Schloßvogt der sie daselbst einquartierte, die Rapper aus der Hand nahm, und fragte, wo die Tiere jetzo bleiben sollten, so zeigte er mir einen Schweinekoben an, der von Latten und Brettern an der Schloßmauer auferbaut war.

— Du meinst, unterbrach ihr Kohlhaas, es war ein so schlechtes Behältnis für Pferde, daß es einen Schweinekoben ähnlicher war, als einen Stall.

— Es war ein Schweinekoben, Herr antwortete Herse; wirklich und wahrhaftig ein Schweinekoben, in welchem die Schweine aus- und einliefen, und ich nicht aufrecht stehen konnte

(Kleist Michael Kohlhaas).

— Упаси Бог! — воскликнул конюх. — За другое ужасное преступление. Дело в том, что вечером коней двух рыцарей, приехавших в Тронкенбург, завели в конюшню, а моих стали привязывать снаружи. Я взял поводья из рук кастеляна и спросил, куда же им теперь деваться, а он указал мне на дощатый свиной хлев, притулившись у стены.

— Ты хочешь сказать, — перебил его Кольхаас, — что это было настолько плохое помещение, что походило скорее на свиной хлев, чем на конюшню?

— Это и был взаправдашний свиной хлев, хозяин, — отвечал Херзе, — свиньи сновали там взад и вперед, а я так даже распрямиться в нем не мог

(пер. А. Карельского).

Как показывает пример, данная лексема в тексте передает и значение «реальное», на что указывает использование и дополнительной лексемы (*wirklichundwahrhaftig*).

Понятийную часть исследуемого концепта в тексте отображает и лексема *wahr*.

— *Rache zurückgeschleudert, das Pferd, und war im Begriff: steckt an! zu rufen, als ein ungeheurer Wetterschlag, dicht neben ihm, zur Erde niederfiel. Kohlhaas, indem er sein Pferd zu ihr zurückwandte, fragte sie: ob sie sein Mandat erhalten? und da die Dame mit schwacher, kaum hörbarer Stimme, antwortete:*

— *Eben jetzt!*

— *Wann?*

— *Zwei Stunden, so wahr mir Gott helfe, nach des Junkers, meines Veters, bereits vollzogener Abreise*

(Kleist *Michael Kohlhaas*).

— *Поджигайте! — как вдруг неистовый удар грома потряс землю. Повернув своего коня, Кольхаас спросил настоятельницу, получила ли она его мандат. Слабым, едва слышным голосом она ответила:*
 — *Получила, только что.*
 — *Когда?*
 — *Через два часа, Бог тому свидетель, после отъезда моего племянника*

(пер. А. Карельского).

Она используется в составе фразеологизма *so wahr mir Gott helfe*, где подчеркивает реальность как понимание истины.

В тексте Клейста понятийную часть концепта *истина* отображает и антоним *die Unwahrhaftigkeit*.

— *Du, der die Menschen mit dieser Angabe, voll Unwahrhaftigkeit und Arglist, verführt: meinst du, Sünder, vor Gott dereinst, an dem Tage, der in die*

— *Ты, который своим измышлением, полным лжи и коварства, ввел в соблазн людей, не думаешь ли ты, грешник, надуть*

Falten aller Herzen scheinen wird, damit auszukommen? Господа Бога в день, что своим сиянием осветит все закоулки сердец человеческих?

(Kleist Michael Kohlhaas).

(пер. А. Карельского).

Этот антоним используется в тексте наряду с другой лексемой, подчеркивающей противопоставление истине (*voll Unwahrhaftigkeit und Arglist*). Этим подчеркивается мысль, что истина – это не ложь, соседствующая с коварством.

Синоним ядерной лексемы *ehrlich* может выразить понятийную часть концепта *истина*.

Dem gemäß erschien auch wirklich, wenige Tage darauf, der Mann an den sie der Schäfer aus Wilsdruf verhandelt hatte, und führte sie, dürr und wankend, an die Runge seines Karrens gebunden, auf den Markt der Stadt; das Unglück aber Herrn Wenzels, und noch mehr des ehrlichen Kohlhaas wollte, daß es der Abdecker aus Döbbeln war

(Kleist Michael Kohlhaas).

Посему через несколько дней в городе и вправду появился человек, купивший злополучных коней у вильсдруфского пастуха; привязанные к задку телеги отощавшие клячи едва передвигали ноги, когда он направлялся с ними на городской рынок. На беду господина Венцеля, а также честного Кольхааса, этот человек оказался живодером из Деббельна

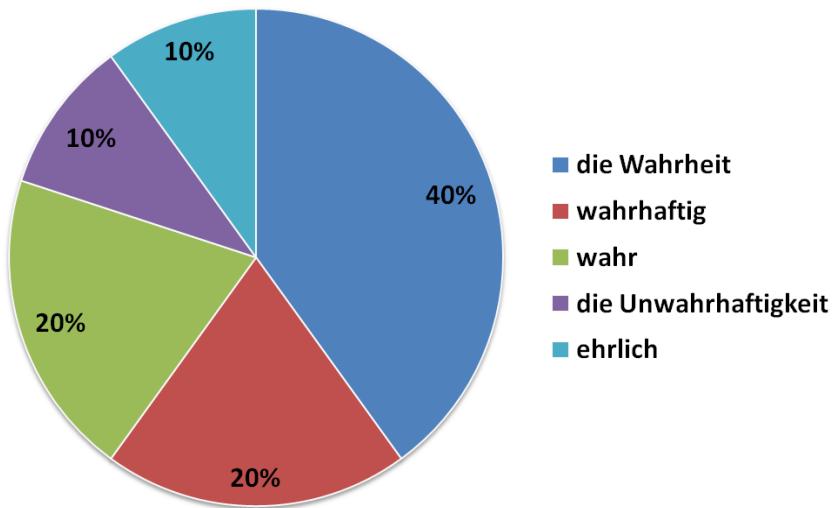
(пер. А. Карельского).

Истина воспринимается как честность, черта характера человека. Отсюда можно сделать вывод о том, что *истина* в данном художественном тексте Клейста сопряжена с правдой, жизненной необходимостью, реальностью, действительностью, не ложью.

Проанализируем частотность использования лексем, вербализующих концепт *истина*, в данном тексте Клейста.

Диаграмма 4

**Частотность использования лексем, представляющих концепт *истина*
в произведении Генриха фон Клейста «Михаэль Кольхаас»**

Как видно из диаграммы 4, концепт *истина* в произведении Клейста в основном вербализуется посредством ядерной лексемы *die Wahrheit* (40%), производной *wahr* (20%).

Мы рассмотрели отдельную эксплицитную и имплицитную возможность репрезентации понятийных компонентов *справедливость* и *истина* в данном произведении Клейста. Однако в этом произведении были зафиксированы случаи взаимодействия данных концептов, когда использовалась лексема *richtig*. Рассмотрим пример.

Eben, unter dem Gemurmel eines entfernten Gewitters am Horizont, mit Fackeln, die er sich vor dem Ort angesteckt, zog er mit seiner Schar in den Klosterhof ein, und Waldmann, der Knecht, der ihm entgegen trat, meldete ihm, daß das Mandat richtig abgegeben sei, als er die Äbtissin und den Stiftsvogt, in einem verstörten Wortwechsel, unter

Под дальние раскаты грома, с факелами, зажжеными уже на месте, ворвался Кольхаас со своей шайкой в монастырский двор. Вальдман, его конюх, поспешиивший ему навстречу, объявил, что мандат был им вручен; в это мгновение Кольхаас заметил настоятельницу, взволнованно разговаривающую с монастырским

das Portal des Klosters treten sah; und während jener, der Stiftsvogt, ein kleiner, alter, schneeweisser Mann, grimmige Blicke auf Kohlhaas schießend, sich den Harnisch anlegen ließ, und den Knechten, die ihn umringten, mit dreister Stimme zurief, die Sturmglee zu ziehn: trat jene, die Stiftsfrau, das silberne Bildnis des Gekreuzigten in der Hand, bleich, wie Linnenzeug, von der Rampe herab, und warf sich mit allen ihren Jungfrauen, vor Kohlhaasens Pferd nieder

(Kleist *Michael Kohlhaas*).

(пер. А. Карельского).

Этот концепт может быть вербализован в тексте Г. Клейста и лексемой *richtig*.

Denn ein richtiges, mit der gebrechlichen Einrichtung der Welt schon bekanntes Gefühl machte ihn, trotz der erlittenen Beleidigungen, geneigt, falls nur wirklich dem Knecht, wie der Schloßvogt behauptete, eine Art von Schuld beizumessen sei, den Verlust der Pferde, als eine gerechte Folge davon, zu verschmerzen

(Kleist *Michael Kohlhaas*).

кастеляном на ступеньках портала.

В то время как кастелян, низкорослый, седой как лунь старикиша, торопливо надевал на себя кирасу и кричал слугам, его обступившим, чтобы они ударили в набат, настоятельница с серебряным распятием в руках, бледная как полотно, спустилась с лестницы и вместе со всеми своими монахинями пала ниц перед Кольхаасовым конем

(пер. А. Карельского).

Ибо правдолюбивое его сердце, изведавшее все несовершенство миропорядка, несмотря на обиды, которые ему пришлось претерпеть, склонялось к тому, чтобы утрату коней принять как справедливое воздаяние, если его конюх и вправду в чем-нибудь провинился, как то уверждал кастелян

(пер. А. Карельского).

Данный случай свидетельствует о стремлении Кольхааса следовать канонам справедливости, но весь предыдущий материал показывает, что меры, им принятые, не соответствуют этим канонам. И понимаемая им справедливость доводится до уровня истины (схема 2).

Схема 2. Совмещение концептов *истина* и *справедливость* в романе Генриха фон Клейста [Клейст *Михаэль Кольхаас*]

Как видно на схеме, главный герой этого художественного текста проецирует справедливость на истину, в результате чего два исследуемых концепта совмещаются в единый концепт *истинной справедливости*, существующей только в сознании самого героя.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. В немецких художественных текстах XVIII–XIX веков наблюдается неустойчивость в восприятии человеком концепта *истина*. В этих текстах чаще всего данный концепт репрезентирован ядерной лексемой *die Wahrheit*, он также отображен лексемами, являющимися производными ядерной лексемы и ее синонимами.

2. Понятийный компонент этого концепта раскрывает понимание истины как вечной правды, пути праведной жизни, антипода заблуждения, лжи, правды, обладающей скромностью, правды как жизненной необходимости, реальности действительности, честности.

3. Концепт *справедливость* в немецких художественных текстах этого временного периода раскрывает понимание справедливости как ценности, которую люди предпочитают иметь в рамках мирной жизни.

4. Этот концепт в подобных текстах находит свою экспликацию часто в виде лексемы *das Recht* и ядерной лексемы *die Gerechtigkeit*.

5. В немецких художественных текстах XVIII–XIX веков исследуемые концепты могут быть представлены в тексте изолированно, без соотнесения друг с другом или взаимосвязано, когда истина предусматривает проявление справедливости.

ГЛАВА 3. ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИЗУЧАЕМЫХ КОНЦЕПТОВ В НЕМЕЦКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА

3.1. Возможности пересечения изучаемых концептов в произведениях Ф. Кафки

Роман Ф. Кафки «Процесс» имеет отчетливый философский уклон. Все, что происходит с главным героем романа Йозефом К., может случиться с любым человеком, по мнению знакового писателя первой половины XX века Франца Кафки. В этом романе много символики. Символично, что арест главного героя происходит в день его рождения, затем разворачиваются фантастические события, которые могут показаться нереальными, но они отражают реальный хронотоп: действие происходит определенно в послевоенной Европе, когда люди находятся в смятении после судьбоносной первой мировой войны. Роман Франца Кафки представляет нелепость человеческого бытия, и в этом отношении можно как соглашаться, так и не соглашаться с Ф. Кафкой.

Фантасмагория стиля Кафки заключается в том, что он подвергает острейшей критики окружающую его действительность, не видя выхода из того тяжелого положения, в котором находилась Европа в начале XX века.

Как известно, криминальные романы проявляют категорию преднамеренности, которая зачастую сводится к объемной метафоре. Роман Ф. Кафки «Процесс» имеет следующее архитектурное построение: во всем удачливые и хорошо образованные люди в конце концов превращаются в жертву современного общества.

Нас заинтересовала проблема влияния профессиональной деятельности человека на отбор автором лексики, окружающей слова *die Wahrheit* (истина) и *die Gerechtigkeit* (справедливость). Для анализа выбрано данное произведение потому, что автор представляет вниманию читателя криминалистическую тематику. Важно просмотреть, насколько профессиональная сторона участвующих в повествовании судебских чиновников помогает с защитой

справедливости и установлением истины, а также проследить возможность пересечения таких концептов, как *истина* и *справедливость*. Понятийный компонент концепта *истина* репрезентирован в данном художественном тексте лексемами *die Wahrheit, wahr, wahrhaftig, die Unwahrhaftigkeit, ehrlich, die Lüge*.

Например, понятийная часть концепта *истина* представлена в выбранном произведении лексемой *die Wahrheit*, отражающей представление о правде.

– Es sieht so aus, – sagte das Mädchen leise in K.s Ohr, während sie sich dem Gang näherten, als ob mir besonders viel daran gelegen wäre, den Auskunftgeber in ein gutes Licht zu stellen, aber man mag es glauben, ich will doch die Wahrheit sagen. Er hat kein hartes Herz

(*Kafka Prozess*).

– Вам могло показаться, – шептала девушка на ухо К., когда они подходили к коридору, – будто я стараюсь представить заведующего справочным бюро в чересчур выгодном свете, но поверьте, что я говорю правду. У него не злое сердце

(пер. Г. Ноткина).

Немецкая ментальность склонна воспринимать поступки человека с точки зрения истины, и такое выражение, как *ich will doch die Wahrheit sagen* (*я все же хочу сказать правду*) распространено как в устной, так и в письменной формах коммуникации.

Исследуемый концепт, вербализованный данной лексемой, может отображать понимание неполного приближения к правде.

Alle Beamten seien gereizt, selbst wenn sie ruhig scheinen. Natürlich haben die kleinen Advokaten besonders viel darunter zu leiden. Man erzählt zum Beispiel folgende Geschichte, die sehr den Anschein der Wahrheit hat

(*Kafka Prozess*).

Все чиновники раздражены, даже когда кажутся внешне спокойными. И от этого, разумеется, больше всего страдают мелкие адвокаты. Рассказывают, например, следующую историю, удивительно похожую на правду

(пер. Г. Ноткина).

В данном примере синтаксическое построение предложения свидетельствует о том, что сам автор признает существование множества форм правды. Это и есть реальная правда, о которой говорится в следующем примере.

— Sie sind wohl ei
Vertrauensmann des Gerichtes? — fragt
er.

— А вы, должно быть, доверенное
лицо в суде? — спросил он.

Sofort legte der Maler die Stift
beiseite, richtete sich auf, rieb die Hände
aneinander und sah K. lächelnd an.

И тут художник отложил карандаши,
выпрямился и, потирая руки, с улыбкой
посмотрел на К.

— Nur immer gleich mit de
Wahrheit heraus, sagte er,

— Ну, давайте начистоту! —
сказал художник.

— Sie wollen etwas über da
Gericht erfahren, wie es ja auch in Ihrer
Empfehlungsschreiben steht, und habe
zunächst über meine Bilder gesprochen
um mich zu gewinnen

— Вы хотите что-то узнать о
суде? Кстати, так и написано в
вашем рекомендательном письме, а о
моих картинах вы заговорили, чтобы
расположить меня к себе

(Kafka Prozess).

(пер. Г. Ноткина).

В данном примере можно проследить попытку представителя немецкой интеллигенции, художника иметь дело только с правдой жизни, даже при изображении деталей судебных процессов.

В контексте этого произведения использование ядерной лексемы, номинирующей данный концепт, способствует утверждению значимости уже не только правды, но и самой истины.

Diese enthalten allerdings sogar in
der Mehrzahl wirkliche Freisprechungen,
man kann sie glauben, nachweisbar sind
sie aber nicht. Trotzdem muß man sie
nicht ganz vernachlässigen, eine gewisse

В большинстве из них
говорится о полных оправданиях, в
них можно верить, но доказать
ничего нельзя. Однако и пренебрегать
ими не следует, какая-то крупица

Wahrheit enthalten sie wohl gewiß, auch sind sie sehr schön, ich selbst habe einige Bilder gemalt, die solche Legenden zum Inhalt haben

(*Kafka Prozess*).

истины в них, безусловно, есть, и, потом, они так прекрасны! Я сам написал несколько картин на основании этих легенд

(пер. Г. Ноткина).

Автор выбором лексики выражает некоторое недоверие к тому, что истина сливаются с реальностью. Употребление словосочетания *eine gewisse Wahrheit enthalten* и глагола *glauben* свидетельствует о том, что именно художник, интеллигент верит в возможность пересечения, соединения истины и реальности и пытается уловить детали, связанные с истиной.

Кроме ядерной лексемы *die Wahrheit* в этом произведении Ф. Кафки отмечается вербализация понятийного компонента данного концепта и в виде слов, связанных с ядерной лексемой словообразовательно, например, с помощью лексемы *wahr*.

– *Um Himmels willen, Josef, antworte mir doch! Ist es wahr, kann es denn wahr sein?*

– *Lieber Onkel, – sagte K. und riß sich von seiner Zerstreutheit los,*

– *Ich weiß ja gar nicht, was du von mir willst.*

– *Josef, – sagte der Onkel warnend, die Wahrheit hast du immer gesagt, soviel ich weiß. Soll ich deine letzten Worte als schlimmes Zeichen auffassen?*

(*Kafka Prozess*).

– *Ради всего святого, Йозеф, ответь мне! Неужели это правда, неужели это действительно так?*

– *Милый дядя, – сказал К., с трудом выходя из оцепенения.*

– *Понятия не имею, чего ты от меня хочешь.*

– *Йозеф, – сказал дядя с укоризной, – насколько я знаю, ты всегда говорил правду. Неужели твои последние слова дурной знак?*

(пер. Г. Ноткина).

В приведенном фрагменте можно проследить, что поиск истины как реальной правды проявляется себя в виде устремления к истине (правде) и носит индивидуальный характер. В этом отрывке данная лексема употребляется наряду с ядерной лексемой, подчеркивая стремление персонажа текста узнать истинную

суть дела (Ist es *wahr*, kann es denn *wahr* sein?.. *die Wahrheit* hast du immer gesagt, soviel ich weiß...).

Рассмотрим вербальную репрезентацию понятийного компонента концепта *истина* в романе посредством слов, связанных с ядерной лексемой словообразовательно. Лексема *wahr* в данном тексте может передать и значение правдивости, соответствия реальной сути дела. Например:

— *Noch lebst du, noch stehst du unter meinem Schutz. Sinnlose Angst! Du hast irgendwo gelesen, daß das Endurteil in manchen Fällen unversehens komme, aus beliebigem Munde, zu beliebiger Zeit. Mit vielen Vorbehalten ist das allerdings **wahr**, ebenso **wahr** aber ist es, daß mich deine Angst anwidert und daß ich darin einen Mangel des notwendigen Vertrauens sehe. Was habe ich denn gesagt? Ich habe die Äußerung eines Richters wiedergegeben. Du weißt, die verschiedenen Ansichten häufen sich um das Verfahren bis zur Undurchdringlichkeit*

(*Kafka Prozess*).

— *Ты пока еще жив, пока еще находишься под моим покровительством. Что за бессмыслицкие страхи! Где-то ты вычитал, что бываю случаи, когда приговор можно вдруг услыхать неожиданно, от кого угодно, когда угодно. Конечно, это **правда**, хотя и с некоторыми оговорками, но **правда** и то, что мне противен твой страх и в нем я вижу недостаток необходимого доверия. А что я, собственно, сказал такого? Повторил высказывание одного из судей. Но ты же знаешь, что вокруг всякого дела создается столько разных мнений, что невозможно разобраться*

(пер. Г. Ноткина).

В этом отрывке текста имеет место повторное употребление данной лексемы (*Mit vielen Vorbehalten ist das allerdings **wahr**, ebenso **wahr** aber ist es, daß mich deine Angst anwidert und daß ich darin einen Mangel des notwendigen Vertrauens sehe*), которое акцентирует именно правдивое изложение событий повествования. Это подчеркивает и сопроводительное применение лексем *allerdings*, *ebenso*.

В других случаях эта лексема может передавать представление о настоящем. Например:

– *Du suchst zuviel fremde Hilfe, – sagte der Geistliche mißbilligend, – und besonders bei Frauen. Merkst du denn nicht, daß es nicht die wahre Hilfe ist?*

(*Kafka Prozess*).

– Ты слишком много ищешь помощи у других, – неодобрительно сказал священник, – особенно у женщин. Неужели ты не замечаешь, что помощь эта не настоящая?

(пер. Г. Ноткина).

Именно отрицательная конструкция *nicht die wahre Hilfe* привносит представление о поддельном, лживом и неискреннем характере оказываемой помощи.

Эта же лексема может выразить в тексте и значение «верный, то есть реальный». Сравним, например, высказывание, где подчеркивается истинность передаваемых слов.

– *Sie werden noch einsehen, wie wahr das alles ist, – sagte Franz und ging gleichzeitig mit dem andern Mann auf ihn zu*

(*Kafka Prozess*).

– Вы еще поймете, какие это верные слова, – сказал Франц, и вдруг оба сразу подступили к нему

(пер. Г. Ноткина)

Кроме данной лексемы в тексте Ф. Кафки мы встретились с употреблением и другой, соотносимой словообразовательно с ядерной лексемой возможностью экспликации понятийной части данного концепта. Речь идет о лексеме *wahrhaftig*. Ниже приведен пример употребления данной лексемы в виде устойчивого выражения:

– *Ich habe sie in diesem Monat schon zweimal in entlegenen Straßen und immer mit einem andern Herrn gesehen. Es ist mir sehr peinlich, ich erzähle es, beim wahrhaftigen Gott, nur Ihnen, Herr*

– *А в этом месяце я уже два раза видела ее в глухих переулках, и каждый раз с другим кавалером. Очень мне это неприятно, господин К. Клянусь Богом, я рассказываю это только вам одному,*

K., aber es wird sich nicht vermeiden lassen, daß ich auch mit dem Fräulein selbst darüber spreche но, как видно, придется и с самой барышней поговорить. Да и не одно это вызывает у меня подозрения

(*Kafka Prozess*).

(пер. Г. Ноткина).

Устойчивое выражение *beim wahrhaftigen Gott* подчеркивает приближение человека к Божественной истине.

В романе также используются синонимы ядерной лексемы *die Wahrheit* для экспликации понятийного компонента концепта *истина*. К числу таких синонимов относится лексема *offen*. Например:

— Also, Josef, begann der Onkel, während er die Verbeugungen der Umstehenden durch leichtes Salutieren beantwortete, jetzt sag mir offen, was es für ein Prozeß ist. K. machte einige nichtssagende Bemerkungen, lachte auch ein wenig, und erst auf der Treppe erklärte er dem Onkel, daß er vor den Leuten nicht habe offen reden wollen

(*Kafka Prozess*).

— Так вот, Йозеф, — говорил дядя, отвечая легким поклоном на приветствия окружающих, — скажи мне откровенно, что это за процесс? К. ответил несколькими ничего не значащими фразами, даже пустил смешок и только на лестнице объяснил дяде, что не хотел говорить откровенно при этих людях

(пер. Г. Ноткина).

Как видно из примеров, лексема передает понимание истины как правдивое, откровенное воспроизведение высказывания вслух (*offen reden; sag mir offen*).

С данной лексемой соотносима связанная с ней словообразательно лексема *die Offenheit*, способная передать понимание истины как откровенности.

K. begann sofort zu erzählen, ohne irgend etwas zu verschweigen, seine vollständige Offenheit war der einzige Protest, den er sich gegen des Onkels Ansicht, der Prozeß sei eine

K. тут же стал рассказывать, ничего не умалчивая, и эта полная откровенность была единственным протестом, который он позволил себе против дядиного утверждения, что его

große Schande, erlauben konnte. Fräulein Bürstners Namen erwähnte er nur einmal und flüchtig, aber das beeinträchtigte nicht die Offenheit, denn Fräulein Bürstner stand mit dem Prozeß in keiner Verbindung

(*Kafka Prozess*).

В этом примере упомянутая лексема передает откровенность высказанного вслух (*erwähnte...die Offenheit*).

Кроме указанного синонима в анализируемом произведении Ф. Кафки находит применение другой синоним ядерной лексемы концепта *истина* – *ehrlich*. Обратимся к анализу примеров.

Wirklichen Wert aber haben nur ehrliche persönliche Beziehungen, und zwar mit höheren Beamten, womit natürlich nur höhere Beamten der unteren Grade gemeint sind

(*Kafka Prozess*).

процесс большой позор. Имя фройляйн Бюрстнер он упомянул только один раз, и то вскользь, но это не нарушило откровенности рассказа: ведь фройляйн Бюрстнер действительно никакого отношения к процессу не имела

(пер. Г. Ноткина).

По-настоящему ценными являются только честные личные знакомства, главным образом с высшими чиновниками; конечно, речь идет хоть и о высших чиновниках, но низшей категории

(пер. Г. Ноткина).

В этом случае лексема *ehrlich* отображает истину в виде честных отношений людей друг с другом (*nur ehrliche persönliche Beziehungen*). Как показывает контекст, именно такое понимание истины имеет большую значимость для автора и героев этого произведения (*wirklichen Wert*).

Кроме синонимов понятийный компонент концепта *истина* могут репрезентировать антонимы ядерной лексемы: *die Unwahrheit, die Lüge*.

– *Es ist der einzige Weg, sagte der Gerichtsdiener nun schon vorwurfsvoll.*

– *Ich kann nicht wieder mit Ihnen zurückgehen, ich muß doch meine*

– *Нет, это единственный выход, уже с упреком сказал служитель.*

– *А вернуться с вами я не могу, мне еще надо передать поручение, я и*

Meldung vorbringen und habe schon viel Zeit durch Sie versäumt.

— *Kommen Sie mit! — wiederholte K. jetzt schärfer, als habe er endlich den Gerichtsdiener auf einer Unwahrheit ertappt*

(*Kafka Prozess*).

так потерял с вами уйму времени.

— *Нет пойдемте!* — уже резче

сказал К., словно наконец уличил служителя во лжи

(пер. Г. Ноткина).

Ложь в этом случае понимается как неправда, высказанная вслух (*als habe er endlich den Gerichtsdiener auf einer Unwahrheit ertappt*).

— *Nein, sagte der Geistliche, — man muß nicht alles für wahr halten, man muß es nur für notwendig halten.*

— *Trübselige Meinung, sagte K. Die*

Lüge wird zur Weltordnung gemacht

— *Нет, — сказал священник, — вовсе не надо все принимать за правду, надо только осознать необходимость*

всего.

— *Печальный вывод!* — сказал К.

Ложь возводится в систему

(*Kafka Prozess*).

(пер. Г. Ноткина).

В данном примере ложь воспринимается как антипод истины в устройстве бытия (*Die Lüge wird zur Weltordnung gemacht*).

Die Bemerkung Franzens, daß seine Braut auf ihn warte, erwies sich als eine allerdings verzeihliche Lüge, die nur den Zweck gehabt hatte, größeres Mitleid zu erwecken

(*Kafka Prozess*).

Значит, слова Франца о невесте, якобы ожидавшей его, оказались ложью — правда, простительной, но имеющей лишь одну цель: возбудить еще большую жалость

(пер. Г. Ноткина).

Как показывает пример, произнесенная вслух ложь может считаться ложью во благо в том случае, если она способна вызвать сочувствие (*verzeihliche Lüge, die nur den Zweck gehabt hatte, größeres Mitleid zu erwecken*).

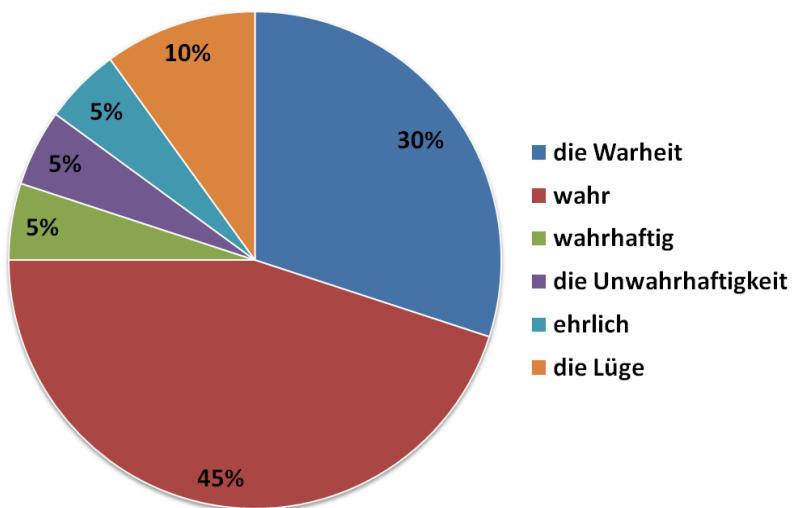
Итак, концепт *истина* в романе Ф. Кафки «Процесс» вербализован в виде понимания истины как: правда, настоящий поступок, верные откровенные слова,

честное поведение людей по отношению друг к другу, ложь во благо (произнесенная вслух, вселенский антипод истине бытия).

Обратимся к количественному подсчету случаев использования ядерной лексемы и связанных с ней словообразовательных лексических вариантов, ее синонимов в анализируемом романе Ф. Кафки.

Диаграмма 5

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *истина* в романе Ф. Кафки «Процесс»

Как демонстрирует диаграмма 5, чаще всего в художественном тексте Кафки используется лексема *wahr* (45%), ядерная лексема *die Wahrheit* для репрезентации понятийного компонента концепта *истина*.

Рассмотрим примеры, которые предоставляет нам автор с экспликацией концепта *справедливость*. В этом тексте понятийный компонент данного концепта репрезентирован лексемами *richtig*, *die Gerechtigkeit* и представлен ядерной лексемой *die Gerechtigkeit*, раскрывающей понимание справедливости.

— *Höre nicht auf ihn, sagte Willem und unterbrach sich nur, um die Hand, über die er einen Rutenhieb bekommen hatte, schnell an den Mund zu führen,*

— *Ты его не слушай... — сказал Виллем и осекся, торопливо поднося губам руку, по которой его хлестнула розга.*

– Wir werden nur gestraft, weil du uns angezeigt hast. Sonst wäre uns nichts geschehen, selbst wenn man erfahren hätte, was wir getan haben. Kann man das Gerechtigkeit nennen?

(Kafka Prozess).

– Нас наказывают только из-за твоего доноса. Иначе нам ничего не сделали бы, даже если б узнали про наши дела. А разве это называется справедливостью?

(пер. Г. Ноткина).

Предложение свидетельствует о том, что можно сомневаться в том, что справедливость выражает единственное понимание ситуации. Надо учесть, что это отношение к справедливости распространяется на группу людей, и это типичный случай, когда справедливость рассматривается в рамках определенного сообщества. То, что является справедливым для одних, является несправедливым для других. И так как мы считаем, что справедливость подвергается дополнительной оперативной переработке и распределяется по группам, по слоям, здесь она играет роль ключевого представления.

– Das ist ja ein Richter, – hatte K. gleich sagen wollen, hielt sich dann aber vorläufig noch zurück und näherte sich dem Bild, als wolle er es in den Einzelheiten studieren. Eine große Figur, die in der Mitte der Rückenlehne des Thronsessels stand, konnte er sich nicht erklären und fragte den Maler nach ihr.

– Sie müsse noch ein wenig ausgearbeitet werden, antwortete der Maler, holte von einem Tischchen einen Pastellstift und strichelte mit ihm ein wenig an den Rändern der Figur, ohne sie aber dadurch für K. deutlicher zu machen. Es ist die Gerechtigkeit, – sagte der Maler schließlich

(Kafka Prozess).

– Да ведь это судья, – хотел было сказать К., но удержался и, подойдя к картине, стал рассматривать ее во всех подробностях. Ему показалась непонятной длинная фигура, стоявшая за высокой спинкой кресла, похожего на трон, и он спросил художника, что это такое.

– Ее надо еще немного подработать, объяснил ему художник и, взяв со столика пастельный карандаш, несколькими штрихами подчеркнул контуры фигуры, но для К. она от этого не стала яснее. – Это Правосудие, – объяснил наконец художник

(пер. Г. Ноткина).

В данном фрагменте текста автор, несмотря на то, что берет картинку из судебного процесса, показывает, что и в суде, по его мнению, может царить справедливость. Он изображает справедливость в виде большой фигуры, которую использует как символ справедливого судебного решения.

— *Jetzt erkenne ich sie schon, — sagte K., hier ist die Binde um die Augen und hier die Waage. Aber sind nicht an den Fersen Flügel und befindet sie sich nicht im Lauf?*

— *Ja, — sagte der Maler, ich mußte es über Auftrag so malen, es ist eigentlich die Gerechtigkeit und die Siegesgöttin in einem.*

— *Das ist keine gute Verbindung,*
— *sagte K. lächelnd.*

— *Die Gerechtigkeit muß ruhen, sonst schwankt die Waage, und es ist kein gerechtes Urteil möglich*

(Kafka Prozess).

— *Да, теперь узнаю, — сказал К. — Вот повязка на глазах, а вот и чаши весов. Но, по-моему, у нее крылышки на пятках, и она как будто бежит!*

— *Да, — сказал художник, — я ее написал такой по заказу. Собственно говоря, это богиня правосудия и богиня победы в едином лице.*

— *Не очень-то правильное сочетание, — сказал К. с улыбкой.*

— *Ведь богиня правосудия должна стоять на месте, иначе весы придут в колебание, а тогда справедливый приговор невозможен*

(пер. Г. Ноткина).

Этот пример, связанный с юриспруденцией, подтверждает диалектическое понимание лексемы *die Gerechtigkeit*, как чего-то постоянного, а также это явно субъективная категория. Пример свидетельствует о том, что понятие справедливости даже в судебных стенах является колеблющимся, непостоянным, и категория эта является субъективной.

Судебный сотрудник подчеркивает, что возможно колебание, если изобразить статую правосудия с крылышками:

Um die Figur der Gerechtigkeit aber blieb es bis auf eine unmerkliche Tönung hell, in dieser Gerechtigkeit, aber auch nicht an die des Sieges, sie sah jetzt vielmehr vollkommen wie die Göttin der Jagd aus

(*Kafka Prozess*).

Но вокруг фигуры Правосудия ореол оставался светлым, чуть оттененным, и в этой игре света фигура выступила еще резче, теперь она уже не напоминала ни богиню правосудия, ни богиню победы; скорее всего, она походила на богиню охоты

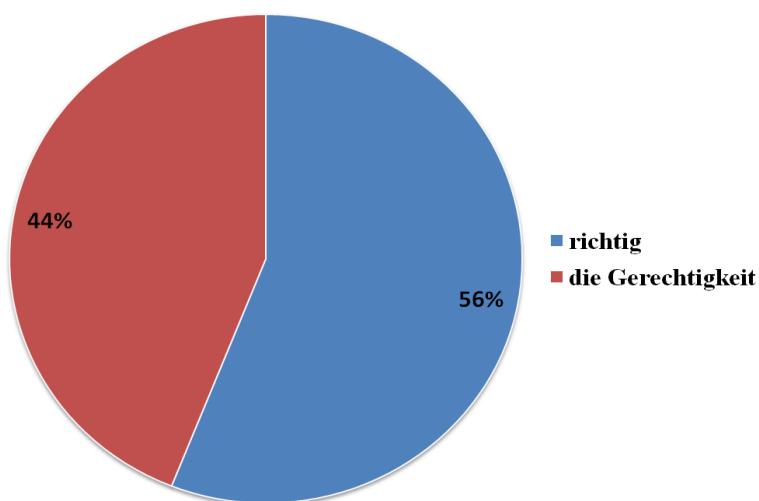
(пер. Г. Ноткина).

Постепенно игра теней образовала вокруг головы судьи нечто вроде украшения или даже короны, однако вокруг фигуры *правосудия* ореол оставался светлым, чуть оттеняя фигуру, и в этой игре света она выступила еще резче, теперь она уже не напоминала ни богиню *правосудия*, ни богиню победы; скорее всего, фигура походила на богиню охоты.

Определим частотность использования упомянутых лексем, вербализующих концепт *справедливость* в данном романе Ф. Кафки. Полученные результаты целесообразно представить в виде диаграммы 6.

Диаграмма 6

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *справедливость* в романе Ф. Кафки «Процесс»

Как видно из диаграммы, в указанном романе Ф. Кафки понятийный компонент концепта *справедливость* вербализуется лексемой *richtig* (56%), реже лексемой *die Gerechtigkeit* (44%).

Таким образом, в данном произведении Ф. Кафки концепт *справедливость* раскрывается как:

- единственное понимание ситуации;
- справедливое судебное решение;
- субъективное понимание справедливости.

Вместе с тем в романе отмечаются случаи совмещения концептов *истина* и *справедливость*, когда в тексте отмечаются случаи употребления лексемы *richtig*.

Endlich hatte sich K. doch entschlossen, dem Advokaten seine Vertretung zu entziehen. Zweifel daran, ob es richtig war, so zu handeln, waren zwar nicht auszurotten, aber die Überzeugung von der Notwendigkeit dessen überwog

(*Kafka Prozess*).

Подошел день, когда К. наконец решил отказать адвокату в представительстве по его делу. Правда, он никак не мог преодолеть сомнения, правильно ли он поступает, но все пересилила мысль, что это необходимо

(пер. Г. Ноткина).

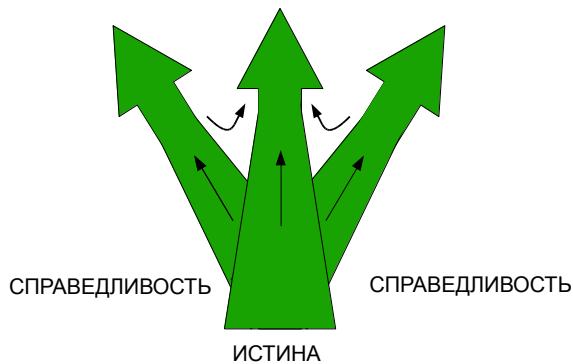
– Es ist aber klar, – sagte K., und deine erste Deutung war ganz richtig. Der Türhüter hat die erlösende Mitteilung erst dann gemacht, als sie dem Manne nicht mehr helfen konnte

(*Kafka Prozess*).

– Но ведь это же ясно, – сказал К., и первое твое толкование было совершенно правильно. Привратник только тогда открыл спасительную правду, когда этому человеку уже ничем нельзя было помочь

(пер. Г. Ноткина).

Как показывают примеры, совмещение данных концептов подчеркивает проявление истины вместе со справедливостью, как воплощение одной из основ человеческого бытия (схема 3).

**Схема 3. Совмещение концептов *истина* и *справедливость* в романе
Ф. Кафки «Процесс»**

Подведем итог анализу реализации выбранных концептов в творчестве Ф. Кафки. На первом этапе исследования можно было бы предположить, что представление о справедливости могло бы быть в значительной степени субъективным. Но, учитывая, что стремление к справедливости свойственно всему человечеству, можно делать вывод, что все эти субъективные представления могут быть обобщены в общее понимание справедливости. Учитывая то, что в немецкой литературе Ф. Кафка в своем творчестве стремился подчеркнуть не только субъективную сущность концепта *справедливость*, а то, что оно свойственно всему человечеству без исключения. При этом в понимании концепта *истина* компонент всеобщности настолько незначителен, что его можно считать субъективным. И, таким образом, в представлении Ф. Кафки истина более субъективна и приближается в некоторых случаях к теологическому пониманию, она является атрибутом всего человечества, но выделять отдельные группы не приходится, потому что даже религиозные воззрения могут заключаться как в сосуде, в душе отдельного человека. Как показывает схема, понимание справедливости в романе главным героем исходит от понимания истины и подобное взаимодействие концептов ведет к дальнейшему автономному существованию как истины, так и справедливости.

3.2. Зоны пересечения концептов *истина* и *справедливость* в произведениях Ф. Дюрренматта

Продолжим рассмотрение упомянутых концептов на материале двух произведений Ф.Й. Дюрренматта «Правосудие» и «Подозрение». Выбор данных произведений был не случаен, и именно в них отчетливо проявляется пересечение рассматриваемых концептов, что позволяет внести произведения Ф.Й. Дюрренматта в круг исследуемого материала. В рассматриваемом художественном тексте выражение понятийной части концепта *истина* осуществляется за счет употребления следующих лексем: *die Wahrheit, wahr, die Wahrheitsliebe, ehrlich, lügen*.

Разбирая жизнь и поступки персонажа из криминального романа Ф.Й. Дюрренматта «Правосудие» («Die Justiz»), мы видим, что его попытки стать героем заканчиваются неподобающим образом. Поскольку произведение посвящено судопроизводству, ядерные лексемы *die Gerechtigkeit* и *die Wahrheit*, репрезентирующие упомянутые концепты, встречаются довольно часто. Рассмотрим экспликацию понятийного компонента концепта *истина* в данном произведении. Прежде всего, в тексте этого произведения отмечается употребление ядерной лексемы. Например:

Ich schwieg. Ich fühlte, daß es unanständig gewesen wäre, mit der Wahrheit wie mit einer Kanone aufzufahren. Daß ihr Vater mordete, weil er nichts als sein Billard und seine naturwissenschaftlichen Studien liebte, diese abstruse, blödsinnige Wahrheit konnte ich ihr nicht klarmachen. Es war Unsinn, von meiner Vision zu reden, sie war eine Intuition, keine beweisbare Tatsache

(Dürrenmatt *Justiz*).

Я промолчал. Я сознавал, что было бы неприлично как из пушки выстрелить в нее правдой. Я не мог вдолбить в нее нелепую, дикую истину, что ее отец убил именно потому, что не любил ничего на свете, кроме своего бильярда и своих книг. И нелепо было рассказывать ей о своем прозрении, это была только интуиция, а не доказуемый факт

(пер. С. Фридлянд).

Герой, действующий в данном отрывке, расценивает истину, репрезентируемую лексемой «die Wahrheit», только как проявление субъективного чувства интуиции (*diese abstruse, blödsinnige Wahrheit; sie war eine Intuition*). Причем интуиция рассматривается как проявление правды, нелепой и дикой истины.

Рассмотрим пример, где имеет место неоднократное повторение данной лексемы в рамках следующих друг за другом предложений.

Im übrigen habe ich die Wahrheit zu schreiben, bei der Wahrheit zu bleiben, doch eben: Was ist die Wahrheit hinter der Wahrheit? Ich stehe vor Vermutungen, tappe herum. Was stimmt? Was ist übertrieben? Was verfälscht? Was wird verschwiegen? Was soll ich bezweifeln? Was glauben? Ist überhaupt etwas Wahres, Sicheres, Gewisses hinter diesen Vorgängen, hinter diesen Kohlers, Steiermanns, Stüssi-Leupins, Lienhards, Hélènes, Bennos usw., die mir da über den Weg gelaufen sind, etwas Wahres, Sicheres, Gewisses, Wirkliches hinter unserer Stadt, hinter unserem Land?

Впрочем, мое дело – писать правду и придерживаться правды, хотя чего стоит правда, скрытая другой правдой? Передо мной – куча предположений, я шарю вслепую. Что соответствует действительности? Что преувеличено? Что фальсифицировано? Что замалчивают? Что я должен подвергнуть сомнению? Что принять на веру? Да есть ли вообще хоть что-нибудь правдивое, надежное, верное за всеми этими событиями, за всеми этими колерами, штайерманами, штгоссилойтинами, линхардами, элен, бенно и т.д., которые пересекли мой путь, что-нибудь правдивое, надежное, верное за нашим городом, за нашей страной?

(Dürrenmatt *Justiz*).

(пер. С. Фридлянд).

В этом примере ядерная лексема концепта *истина* отображает понимание недоступности истины, когда видимая истина прячется за другой истиной (*Was ist die Wahrheit hinter der Wahrheit?*). Далее в примере идет раскрытие понимания истины общечеловеческого плана, вербализованной лексемой *Wahres* и ее

сионимами: *Sicheres, Gewisses, Wirkliches*, которые способны раскрыть правду как истину.

В следующих двух примерах ядерная лексема концепта *истина* может выступать как юридический термин.

Sie ließ sich nicht aus der Ruhe bringen. Als nach dem Freispruch ihres Vaters, nachdem er abgereist sei, Spät sie angepöbelt habe und beinah auf die Wahrheit gestoßen sei, sei sie zum Kommandanten gegangen und habe ihm alles gestanden

(Dürrenmatt *Justiz*).

Она не давала вывести себя из равновесия. Когда после того, как отца оправдали и он уехал, Шпет грубо накричал на нее и чуть-чуть не добрался до истины, она пошла к начальнику полиции и во всем ему призналась

(пер. С. Фридлянд).

Warum sie mir das alles erzähle, fragte ich. Sie schaute mich erstaunt an. Wozu in aller Welt ich ihr das Manuskript denn zugeschickt habe? Nur um hinter die Wahrheit zu kommen? Ich sei vor allem ein Schriftsteller, der nicht an der Wahrheit der anderen, sondern an seiner eigenen interessiert sei, mir gehe es darum, einen Roman zu schreiben, und um nichts anderes, und erscheine einmal das Buch, so werde es unter meinem Namen erscheinen, nicht unter jenem Späts

(Dürrenmatt *Justiz*).

Я спросил, зачем она мне все это рассказала? Она в удивлении на меня взорвалась. Тогда с какой стати я переслал ей рукопись? Только чтобы докопаться до правды? Я прежде всего писатель, которого интересует не чужая правда, а своя собственная, я думаю только о том, чтобы написать роман, и больше ни о чем, и если когда-нибудь выйдет книга, то она будет подписана моим именем, а не именем Шпета

(пер. С. Фридлянд).

В двух приведенных отрывках мы имеем дело с судебным термином, и лексема *die Wahrheit* обозначает уже не «истину», а установление действительного положения дел.

В приведенном далее контексте ядерная лексема *die Wahrheit* употребляется как термин судопроизводства.

– Eine noch wahnwitzigere These als die Wahrheit, sagte ich. Die Steiermann hat Benno geliebt, weil Daphne ihn geliebt hat, und hat ihn erst fallenlassen, als Daphne sie verlassen hat.

– Eine realistischere These als die Wahrheit. Die ist meistens unglaublich, – entgegnete er.

– Ihre These wird kein Mensch abnehmen, sagte ich.

– Die Wahrheit wird kein Mensch abnehmen, antwortete er, «kein Richter, kein Geschworener, nicht einmal Jägerlin. Sie spielt sich in Etagen ab, die für die Justiz unerreichbar sind. Die einzige These, die der Justiz einleuchten wird, kommt es zum Revisionsprozeß, ist die, daß Dr. Benno der Mörder ist. Er allein hat ein handfestes Motiv. Auch wenn er unschuldig ist.

– Auch wenn er unschuldig ist?, fragte ich.

– Stört Sie das? antwortete er. «Auch seine Unschuld ist eine These. Er ist der einzige, der den Revolver hätte verschwinden lassen können. Mein Bester,

– Нет, допущение более реальное, чем правда. Сама же правда по большей части неправдоподобна, – возразил Штюсси-Лойтин.

– Ни один человек не поверит в ваше допущение, – сказал я.

– Нет, ни один человек не поверит в правду, ни один судья, ни один присяжный, даже Йеммерлин и том нет. Ибо правда разыгрывается на уровнях, недоступных правосудию. Если назначат пересмотр дела, то единственная мысль, которая возникнет у суда, будет следующая: Винтера убил доктор Бенно. Поскольку лишь у него есть конкретный мотив. Даже если на деле он невиновен.

– Даже если на деле он невиновен?

– А вас это смущает? Ведь его невиновность – это тоже допущение. И он единственный, кто мог сделать так, чтобы револьвер

führen Sie den Revisionsprozeß durch, und in einigen Jahren sind Sie meinesgleichen».

Das Telefon läutete. Er nahm es ab, legte wieder auf

(Dürrenmatt *Justiz*).

исчез. Друг мой, возьмите этот процесс на себя, и через несколько лет вы станете вровень со мной.

Зазвонил телефон. Он снял трубку, потом снова положил

(пер. С. Фридлянд).

В этом случае упомянутая лексема, выступая в качестве термина, отображает понимание истинного положения дел в ходе судебного разбирательства (*Eine realistischere These als die Wahrheit; Die Wahrheit wird kein Mensch abnehmen*).

Таким образом, исследование материала произведения Ф.Й. Дюрренматта «Правосудие» показало, что в определенных контекстах случаи терминологического употребления лексемы *die Wahrheit* не так часты, как употребление этой лексемы в субъективном понимании.

Кроме ядерной лексемы понятийный компонент концепта *истина* может быть представлен в виде сложного существительного, образованного от ядерной лексемы: *die Wahrheitsliebe*.

So behauptete er gelegentlich, die Schriftstellerei beginne mit dem «Sinn für Namen», das sei ihre primäre poetische Bedingung, dazu komme ihre nicht minder moralische, die in der Wahrheitsliebe begründet liege

(Dürrenmatt *Justiz*).

Так, например, он при случае утверждал, что писательство начинается с "чувства языка", что это его первое, поэтическое, условие, второе же, не менее важное, основано на любви к истине

(пер. С. Фридлянд).

В данном отрывке упомянутая лексема эксплицирует понимание истины как любви, стремления человека к истине как к правде.

Данная лексема в упомянутом произведении Ф. Дюрренматта может презентировать и другое понимание истины.

– Man könne freilich einwenden, dann sei der Name Schönbächler zu ändern, doch dann komme man mit dem Prinzip der *Wahrheitsliebe* in Konflikt

(Dürrenmatt *Justiz*).

– Можно, разумеется, возразить, что, раз такое дело, надо просто сменить имя автору, но тогда пришлось бы вступить в конфликт с принципом любви к истине

(пер. С. Фридлянд).

В этом случае речь идет о любви к истине. Причем эта любовь к истине является принципиальной для говорящего (*mit dem Prinzip der Wahrheitsliebe in Konflikt*). Сложное слово *die Wahrheitsliebe* также свидетельствует о субъективном характере лексемы *die Wahrheit*, несмотря на то, что данное сложное слово выступает вместе с существительным *das Prinzip* и фактически придает некую определенность понятию *die Wahrheitsliebe*, которое могло бы служить объективизации этого сложного понятия, но это не имеет места.

Понятийный компонент концепта *истина* может быть представлен в этом произведении не только ядерной лексемой, но и лексемами, которые с ней связаны словообразовательно. К числу таких лексем относится лексема *wahr*.

Ein Vorfall, dessen Zeuge er ist, spielt sich außerhalb und im Zeugen ab. Dieser nimmt den Vorfall auf seine Weise wahr, prägt den Vorfall in sein Gedächtnis, und das Gedächtnis prägt ihn um: Jedes Gedächtnis gibt einen anderen Vorfall wieder

(Dürrenmatt *Justiz*).

Происшествие, свидетелем которого он был, разыгрывается не только вне свидетеля, но и в нем самом. Он воспринимает происшествие на свой лад, запечатлевает в памяти, память преобразует запечатленное, после чего память каждого воспроизводит свое происшествие

(пер. С. Фридлянд).

В этом примере названная выше лексема обозначает понимание истины как правды (*Dieser nimmt den Vorfall auf seine Weise wahr*), которая обладает субъективным характером.

Концепт *истина* может быть вербализован в этом романе Ф. Дюрренматта посредством синонима ядерной лексемы – *ehrlich*.

*Dafür ist mir die Welt aber trotz ihrer Sünden zu schade, diesen wunderschönen Huren zuliebe, an die Sie nicht heranreichen, Gnädigste, die ein **ehrliches** Gewerbe betreiben und nicht ein mörderisches, meine Heißgeliebte, und nun verduften Sie gefälligst, hauen Sie ab. Legen Sie sich unter Ihren Staradvokaten ...*

(Dürrenmatt *Justiz*).

Мне же будет от души жаль нашу бедную землю, несмотря на все ее грехи, жаль из-за этих чудесных потаскух, которым вы, любезнейшая, в подметки не годитесь, которые занимаются честным ремеслом, а не убийствами, моя нежно любимая, а теперь сгиньте с глаз моих, топайте отсюда. И можете с ходу лечь под своего суперадвоката

(пер. С. Фридлянд).

Контекст показывает, что эта лексема может передавать иронию автора по поводу «честного» ремесла падших женщин (*diesen wunderschönen Huren zuliebe... die ein **ehrliches** Gewerbe betreiben*). В этом случае констатируем субъективный характер понимания истины как честности.

– *Herr Spät. Ich darf Papa nur einmal im Monat sehen. Dann gibt er mir Anweisungen. Seine Geschäfte sind verwickelt, aber seine Übersicht erstaunlich. Was er mir befiehlt, führe ich aus. Er ist der Vater, ich bin die Tochter. Sie verstehen doch, daß ich ihm gehorche.*

– *Natürlich.*

Hélène wurde heftig. Ihr Zorn war ehrlich

(Dürrenmatt *Justiz*).

– *Господин Шпет, я могу видеться с папой раз в месяц. Он дает мне указания. Дела у папы крайне запутанные, но его осведомленность потрясает. Он приказывает, я выполняю. Он отец, я дочь. Вам ведь понятно, что я его слушаюсь.*

– *Разумеется.*

Элен разгорячилась. Ее гнев был неподдельным

(пер. С. Фридлянд).

В данном примере отмеченная выше лексема передает понимание истины как правды, понимаемой субъективно (*Ihr Zorn war ehrlich*).

Понятийный компонент концепта *истина* может быть эксплицирован в данном произведении и за счет использования антонимов ядерной лексемы. К числу таких антонимов относится лексема *lügen*.

Ich schüttelte den Kopf.

– Niemand strengt einen Prozeß gegen Sie an, Dr. Benno, erklärte ich.

– Sie lügen, schrie er.

– Sie lügen! Sie haben gegen mich Lienhard eingesetzt, Fanter, erwarte! Вы пустили по моему следу Schönbächler, Feuchting. Und die Presse Линхарда, Фантера, Шенбехлера, haben Sie auch auf mich gehetzt. Sie wissen, daß ich ein Motiv gehabt hätte, Winter zu erschießen

(Dürrenmatt Justiz).

Я покачал головой:

– Доктор Бенно, никто не собирается затевать против вас процесс.

– Время вы все, – закричал он, – Время! Вы пустили по моему следу Линхарда, Фантера, Шенбехлера, Фойхтинга. Вы натравили на меня прессу. Вам известно, что у меня были причины убить Винтера

(пер. С. Фридлянд).

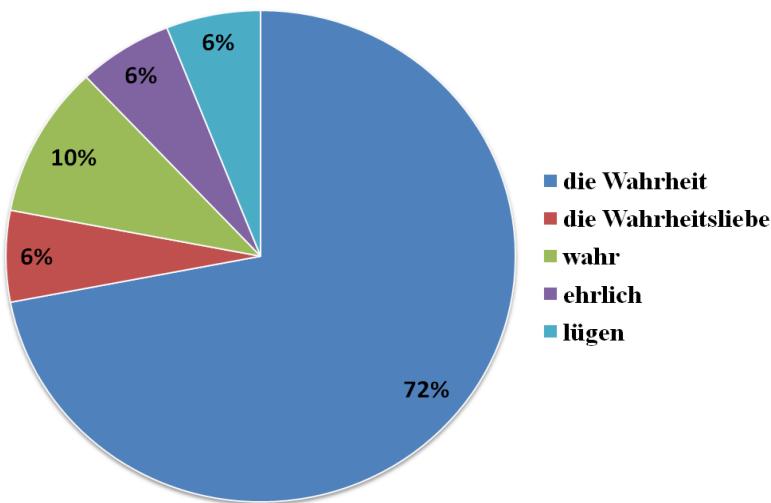
В этом случае речь идет о понимании истины как антипода лжи.

Следовательно, Ф. Дюрренматт в романе «Правосудие» отображает посредством ряда лексем следующее понимание истины: истина – это субъективное чувство интуиции, недоступная истина, истина общечеловеческого плана, стремление к ее постижению, жизненный принцип, правда, действительное состояние дел как юридический термин.

Целесообразно выяснить частотность употребления упомянутых выше лексем в этом романе данного автора. Результаты подсчета можно представить в виде диаграммы.

Диаграмма 7

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *истина* в романе Ф. Дюрренматта «Правосудие»

На диаграмме показано, что чаще всего автор использует для выражения понятийного компонента концепта *истина* ядерную лексему *die Wahrheit* (72%). Реже в тексте употребляются другие лексемы: *wahr* (10%), *die Wahrheitsliebe*, *ehrlich*, *lügen* – (по 6%).

Обратимся к анализу лексико-семантической презентации концепта *справедливость* в упомянутом произведении Ф. Дюрренматта. Его понятийная часть находит свое выражение в семантике следующих лексем: *die Gerechtigkeit*, *richtig*, *gerecht*, прежде всего, посредством ядерной лексемы *die Gerechtigkeit*, которая в рамках контекста тесно взаимодействует с ядерной лексемой *die Wahrheit*, презентирующей концепт *истина*.

Ein Kampf mit Hélène war sinnlos, weil sie sich schon entschieden hatte, weil er schon entschieden war. Ich konnte sie nicht zwingen, ihren Vater zu verraten. Woran sollte ich denn bei

А борьба с Элен не имела никакого смысла, потому что Элен уже приняла решение, потому что исход борьбы уже был предрешен. Я не мог заставить ее выдать родного отца. Во имя чего я стал бы вызывать к

ihr appellieren? An die Ideale? An welche? An die Wahrheit? Die hatte sie verschwiegen. An die Liebe? Sie hatte mich verraten. An die Gerechtigkeit? Dann würde sie mich fragen: Für wen? Für eine lokale Geistesgröße? Asche ist zufrieden. Für einen windelweichen, verlogenen Schürzenjäger?

(Dürrenmatt *Justiz*).

ней? Во имя идеалов? Каких идеалов? Во имя правды? Она ее скрыла. Во имя любви? Она меня предала. Во имя справедливости? Вот тут она могла бы спросить: справедливости, а ради кого? Ради деятеля культуры местного значения? Пепел не ропщет. Ради бесхарактерного, изолгавшегося бабника?

(пер. С. Фридлянд).

В этом случае названная ядерная лексема отображает общее понимание человеческой справедливости в соотнесении с общечеловеческой истиной (*An die Wahrheit? Die hatte sie verschwiegen. An die Liebe? Sie hatte mich verraten. An die Gerechtigkeit? Dann würde sie mich fragen: Für wen?*). В своем понимании справедливости герой произведения отталкивается от понимания истины как правды. У него истина и справедливость – это одно и то же. Употребление двух лексем *die Wahrheit* (истина) и *die Gerechtigkeit* (справедливость) имеет место в одном и том же контексте. При этом несомненно различие в их значении. Лексема *die Wahrheit* выражает субъективное отношение действующих лиц к этому понятию, тогда как лексема *die Gerechtigkeit* выражает субъективно-объективную действительность, когда одно из действующих лиц вопрошают: «Справедливость, а ради кого?»

Die Antwort wird das Urteil über uns sein, der Vollzug dieses Urteils die Wahrheit. Ich will es glauben. Leidenschaftlich und beharrlich. Nicht der exquisiten Gesellschaft zuliebe, in der ich vegetiere, nicht dieser

И ответ этот будет приговором нам всем, а правда – приведением его в исполнение. Верую. Истово и страстно. Мне хочется сберечь последние остатки человечности не на благо тому изысканному обществу, в

unerträglichen Relikte wegen, die mich umgeben, sondern um der Gerechtigkeit willen, der zuliebe ich handle, handeln muß, will ich mir den letzten Rest Menschlichkeit bewahren (pathetisch, feierlich, erhaben, heiliger Ernst mit Orgelbegleitung, was ich da niederschreibe, aber ich streiche es nicht durch, korrigiere es nicht, wozu auch Korrekturen, wozu auch Stil, nicht literarische Ambitionen leiten mich, sondern mörderische Absichten, im übrigen: nicht betrunken, Herr Staatsanwalt, Irrtum, nicht betrunken, nur nüchtern, eisig nüchtern, tödlich nüchtern).

Es bleibt mir darum nichts anderes übrig (Auf Ihr Wohl, Herr Staatsanwalt!), als zu saufen, zu huren, zu berichten, meine Bedenken anzumelden, meine Fragezeichen zu setzen und zu warten, zu warten, bis sich die Wahrheit enthüllt, bis sich die grausame Göttin entschleiert (doch literarisch geworden, zum Kotzen). Das wird nicht in diesen Papieren geschehen, die Wahrheit ist keine Formel, die sich aufzeichnen läßt, sie liegt außerhalb jeder sprachlichen

котором я прозябаю, не на пользу тем отвратительным реликтам, которые обступили меня со всех сторон, а во имя справедливости, ради которой я действую и обязан действовать. Патетически, торжественно, возвыщенно, святая серьезность в сопровождении органа – вот что у меня получается, но я не стану вычеркивать и не буду исправлять, к чему исправления, на черта мне стиль, не литературные амбиции водят моей рукой, а намерение совершить убийство, между прочим, господин прокурор, я не пьян, вы ошибаетесь, ни капельки не пьян, а трезв, я полон ледяной трезвости, смертельной.

Вот почему у меня нет иного выхода (ваše здоровье, господин прокурор!), кроме как пьянствовать, распутничать, писать отчет, сообщать о своих сомнениях, расставлять свои вопросительные знаки и додать, ждать, покуда откроется правда, покуда жестокая богиня сбросит покрывало (Господи, до чего же литературно, прямо наизнанку выворачивает). Но на этих страницах правда не откроется, она не есть

Bemühung, außerhalb jeder Dichterei, nur im Hereinbrechen des Gerichts, in diesem ewigen Selbstvollzug der Gerechtigkeit wird sie wirksam, ist sie zu ahnen. Wahrheit wird sein, wenn ich einmal vor Dr.h.c. Kohler stehen werde, Auge in Auge, wenn ich die Gerechtigkeit verwirklichen und das Urteil vollziehen werde

формула, которую можно записать, она лежит за пределами любого языкового усилия, вне любого сочинительства, лишь в преддверии суда, в этом вечном самоосуществлении справедливости правда становится реальной, и ее можно ощутить. Правда является тогда, когда однажды я буду стоять перед доктором h.c. Исааком Колером, лицом к лицу, когда я осуществляю акт справедливости и приведу в исполнение приговор

(Dürrenmatt *Justiz*).

(пер. С. Фридлянд).

В данном довольно обширном отрывке справедливости отводится место более объективного описания положения дел. Поэтому мы склоняемся к точке зрения, что лексема *die Gerechtigkeit* (справедливость) носит более объективный характер, чем лексема *die Wahrheit* (истина), и первой придается более объективное значение, которое определяет ценность высказывания.

Наряду с ядерной лексемой концепт *справедливость* может быть представлен и за счет употребления другой лексемы – *gerecht*, которая, как и ядерное слово, в рамках контекста показывает тесную связь с ядерной лексемой концепта *истина*.

Indem ich die Wahrheit darstelle, präge ich sie mir ein, befähige ich mich, einmal, im Juni, wie gesagt, oder Juli oder wann auch immer er zurückkehrt (und er wird zurückkehren), bewußt zu tun, ob ich dann betrunken bin oder nüchtern,

Рассказывая, всю правду, я тем самым запечатлеваю ее глубоко в памяти, я вызываю в себе способность однажды – в июне, как я уже говорил, или в июле, словом, когда бы он на вернулся (а он непременно вернется), все равно, буду я пьян или трезв, –

was ich jetzt nur im Affekt tun wollte. Dieser Bericht ist nicht nur die Begründung, sondern auch die Vorbereitung zu einem Mord. Zu einem gerechten Mord. Wieder nüchtern in meinem Arbeitszimmer: Die Gerechtigkeit lässt sich nur noch durch ein Verbrechen wiederherstellen. Daß ich daraufhin Selbstmord zu begehen habe, ist unvermeidlich. Ich will mich damit nicht der Verantwortung entziehen, im Gegenteil, nur so ist mein Vorgehen zu verantworten, wenn auch nicht juristisch, so doch menschlich. Im Besitze der Wahrheit, kann ich sie nicht beweisen

совершить в здравом уме и твердой памяти то, что я намеревался совершить в состоянии аффекта. Мой отчет не только обоснование, но и подготовка убийства. Справедливого убийства. Снова пропрэзясь у себя в кабинете, я решил: справедливость теперь можно восстановить только с помощью преступления. И не покончить после этого с собой нельзя. Я отнюдь не собираюсь таким путем избежать ответственности, напротив, – лишь таким путем я отвечу за свой поступок, пусть даже не с юридической, зато по крайней мере с человеческой точки зрения. Я знаю всю правду и не могу ее доказать

(Dürrenmatt Justiz).

(пер. С. Фридлянд).

В этом случае названная лексема употребляется в тексте автором для демонстрации желания совершить самоубийство по справедливости (*Zu einem gerechten Mord*). Этот акт справедливости считается героем произведения демонстрацией его чувства ответственности за невозможность доказать юридически суть и правду происшедших ранее событий (*Ich will mich damit nicht der Verantwortung entziehen, im Gegenteil, nur so ist mein Vorgehen zu verantworten, wenn auch nicht juristisch, so doch menschlich. Im Besitze der Wahrheit, kann ich sie nicht beweisen*).

Концепт *справедливость* может быть отображен во взаимодействии с концептом *истина* в данном романе посредством употребления лексемы *richtig*.

– *Fräulein Hélène Kohler, – lallte ich, mich erhebend, umständlich, schwankend, aber es ging.*

– *Fräulein Hélène Kohler, ich will Ihnen nun eine Erklärung, eine grundsätzliche Erklärung abgeben – jawohl, abgeben, das ist das richtige Wort*

(*Dürrenmatt Justiz*).

– *Фройляйн Элен Колер, – пробормотала заплетающимся языком и поднялся, с трудом, шатаясь, но поднялся,*

– *Фройляйн Колер, я хочу сделать вам только одно заявление, одно, но основополагающее. Да-да, сделать заявление, это точная формулировка*

(пер. С. Фридлянд).

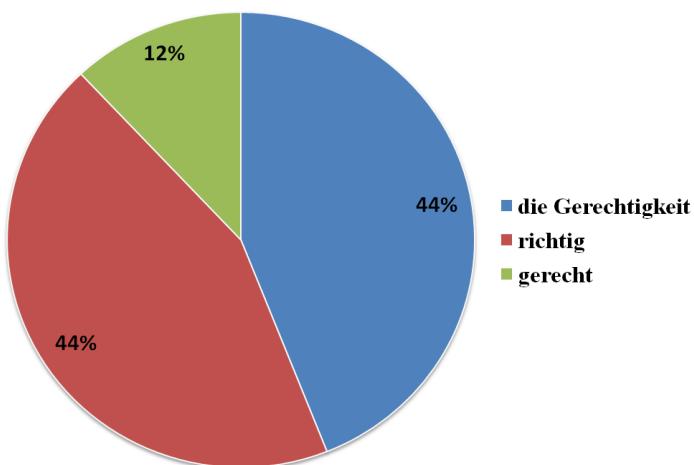
Эта лексема отображает понимание справедливости как сказанного к месту правдивого слова (*jawohl, abgeben, das ist das richtige Wort*). Таким образом, справедливость в упомянутом романе не существует сама по себе, а тесно связана с истиной. Под справедливостью понимается:

- объективное проявление истины;
- сказанное к месту правдивое слово.

Определим частотность использования лексем, представляющих данный концепт в тексте упомянутого произведения Ф. Дюрренматта.

Диаграмма 8

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *справедливость* в романе Ф. Дюрренматта «Правосудие»

Как показывает диаграмма 8, Ф. Дюрренматт для репрезентации концепта *справедливость* в основном использует в данном произведении лексемы *die Gerechtigkeit* и *richtig* (по 44%). Реже автор обращается к употреблению лексемы *gerecht* (12%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в романе Ф. Дюрренматта «Правосудие» наблюдается самостоятельная репрезентация концепта *истина* и зависимая, находящаяся во взаимодействии с *истиной* экспликация концепта *справедливость* (схема 4).

Схема 4. Репрезентация концептов *истина* и *справедливость* в романе

Ф. Дюрренматта «Правосудие»

Схема показывает, каким образом происходит взаимодействие исследуемых концептов друг с другом. Концепт *истина* может существовать изолированно. Кроме этого данный концепт может быть основой для взаимодействия с концептом *справедливость*, когда справедливость исходит из истины.

Обратимся к анализу репрезентации исследуемых концептов в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение».

В этом художественном произведении концепт *истина* представлен следующим перечнем лексем: *die Wahrheit*, *wahr*, *wahrhaftig*, *die Unwahrhaftigkeit*, *ehrlich*, *die Lüge*, в качестве ядерной лексемы используется слово *die Wahrheit*, способной передавать разные представления об истине.

– <i>Ich kann dir nichts mehr entgegnen, – sagte der Arzt düster.</i> – <i>Du hast mir die Wahrheit bewiesen.</i>	– Я больше не могу тебе перечить, – мрачно сказал доктор. – Ты доказал мне правду. – Мы не должны преувеличивать,

– Wir dürfen jetzt nicht übertreiben, – сказал старик, закрывая папку на – meinte der Alte und schloß die Mappe auf одеяле.
seiner Bettdecke.

– Я только что доказал

– Ich habe dir nur die вероятность моих тезисов. Но Wahrscheinlichkeit meiner Thesen вероятность – это еще не реальность. bewiesen. Aber das Wahrscheinliche ist Когда я говорю, что завтра, вероятно, noch nicht das Wirkliche. Wenn ich sage, будет дождь, это не означает, что daß es morgen wahrscheinlich regnet, завтра обязательно пойдет дождь. В braucht es morgen doch nicht zu regnen. In этом мире мысль не тождественна dieser Welt ist der Gedanke mit der истине. В противном случае нам было Wahrheit nicht identisch. Wir hätten es бы намного легче, Самуэль. Между sonst in vielem leichter, Samuel. Zwischen мыслью и реальностью все еще dem Gedanken und der Wirklichkeit steht остается случай, и это то, на что мы immer noch das Abenteuer dieses Daseins, уповаem во имя Бога und das wollen wir nun denn in Gottes Namen bestehen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

(перевод наш. – М.Е.).

В этой интересной цитате мы встречаем понимание истины как правды, которая не всегда соответствует действительности, но подвластна Богу (*In dieser Welt ist der Gedanke mit der Wahrheit nicht identisch. Zwischen dem Gedanken und der Wirklichkeit steht immer noch das Abenteuer dieses Daseins, und das wollen wir nun denn in Gottes Namen bestehen*). Это такой феномен, который то проявляет себя, то едва заметен.

Wichtig ist, daß die Wahrheit gesagt werden kann und daß man den Kampf für sie führen darf und nicht gleich nach Witzwil kommt

Важно, чтобы можно было сказать правду и чтобы кто-то вел борьбу за нее, а не сразу приехал в Витцвиль

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

(перевод наш. – М.Е.).

И в этом случае ядерная лексема отображает понимание истины как правды, за которую, однако, следует бороться (*daß man den Kampf für sie führen darf und nicht gleich nach Witzwil kommt*).

Operation war gefährlich und gelingt nicht immer. Hungertobel sagte mir, daß Sie sich darüber im klaren sind. Das ist gut. Wir Ärzte brauchen mutige Patienten, denen wir die Wahrheit sagen dürfen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Операция была опасной и не всегда проходит успешно. Хунгертобель сказал мне, что вы в курсе дела. Это хорошо. Нам, врачам, лучше иметь дело с мужественными пациентами, которым мы можем сказать правду

(перевод наш. – М.Е.).

В данном отрывке лексема *die Wahrheit* отображает понимание истины как правды в виде истинного и реального положения дел.

Schwester, noch einmal! Sie geben auf alles unverblümt genug Antwort, um mir auch hier die Wahrheit zu sagen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Сестра, еще разок! Они дают достаточно тупые ответы на все вопросы, чтобы и здесь сказать мне правду

(перевод наш. – М.Е.).

В данном отрывке лексема *die Wahrheit* представляет истину как правду.

Wenn ich nicht die Beweise hätte (schrieb Fortschig), diese fürchterlichen, klaren und unwiderlegbaren Beweise, wie sie weder ein Kriminalist, noch ein Dichter, sondern allein die Wirklichkeit aufzustellen in der Lage ist, so würde ich genötigt sein, als Ausgeburt einer krankhaften Einbildungskraft zu bezeichnen, was hier die Wahrheit mich zwingt niederzuschreiben. Der Wahrheit denn das Wort, auch wenn sie

Если бы у меня не было доказательств, – писал Форчиг, – этих ужасных неопровергимых доказательств, таких, каких не придумает ни юрист, ни писатель, таких, какие в состоянии создать только действительность, я бы назвал порождением болезненной фантазии то, что заставляет

uns erblassen lässt, auch wenn sie das Vertrauen, welches wir – immer noch und trotz allem – in die Menschheit setzen, für immer erschüttert

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

В данном примере показана сила правды. Здесь реализован теологический аспект значения лексемы *die Wahrheit*.

– *He, hören Sie doch! Man wird Ihnen ja wohl gesagt haben, ich sei verrückt und schwätze unsinniges Zeug, aber ich bin in Todesgefahr, verstehen Sie doch, in Todesgefahr: Dies ist die Wahrheit, Mann, die Wahrheit, nichts als die Wahrheit!*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

В данном фрагменте лексема *die Wahrheit* выступает с оттенком правдивости, так как отображает понимание истины как правды.

– *Sehen wir uns doch einmal meinen Fall an – Sie, der Sie ja nun keine Chance mehr haben, dürfen die Wahrheit vernehmen, das Vorrecht der Verlorenen*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

меня написать правду. Правда – слово, вынуждающее нас часто бледнеть, заставляет нас сомневаться в доверии к людям

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

– *Выслушайте меня. Вероятно, вам сказали, что я сумасшедший и мелю вздор. Поймите же, мне угрожает смертельная опасность, угрожает смерть. Это правда, истинная правда*

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

– *Давайте посмотрим на мой случай – Вы, у которого сейчас нет шансов, можете принять правду, прерогативу погибших*

(перевод наш. – М.Е.).

В данном отрывке лексема *die Wahrheit* выступает в значении *правда*.

Кроме ядерной лексемы данный концепт может быть представлен в обозначенном произведении писателя и лексемами, связанными с ядерной лексемой деривационно. Это лексемы *das Wahre, wahrlich*. Первая из упомянутых лексем может передавать значение «истинное». Например:

– Er sei froh, daß er nun den Staatsdienst hinter sich habe, sowohl den türkischen als auch den bernischen. Nicht gerade, weil er jetzt wohl mehr Zeit habe, Molière zu lesen und Balzac, was sicher auch schön sei, aber der Hauptgrund bleibe doch, daß die bürgerliche Weltordnung auch nicht mehr das Wahre sei

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– Рад, что закончил государственную службу, в свое время турецкую, а теперь бернскую. И вовсе не потому, что теперь нужно больше свободного времени, чтобы читать Мольера и Бальзака, а оттого, что буржуазный порядок не является лучшим

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В этом случае под истиной понимается раскрытие истинного, реального положения дел в социальном порядке устройства общества (*daß die bürgerliche Weltordnung auch nicht mehr das Wahre sei*).

Лексема *wahrlich* может использоваться в тексте для передачи значения «реально, действительно». Например:

Wahrlich, wahrlich, er hat Wort gehalten! Als ich als einziger eine sinnlose Magenresektion überstand, ließ er mich gesund pflegen und schickte mich in den ersten Tagen des Februars nach Buchenwald zurück, das ich jedoch nach endlosen Transporten nie erreichen sollte; denn da kam in der Nähe der Stadt Eisleben jener schöne Maientag mit dem blühenden Flieder, unter den ich mich verkroch

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

И действительно, он сдержал слово. Когда я, единственный, перенес эту бессмысленную операцию на желудке, он меня выходил и отправил в первые дни февраля назад в Бухенвальд, куда я не надеялся попасть после многочисленных транспортиров из лагеря в лагерь. Затем вблизи города Айслебена пришел том прекрасный майский день с цветущей сиренью, в которую мне удалось заползти

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

Как и в предыдущем примере, эта лексема показывает реальное положение дел (*Wahrlich, wahrlich, er hat Wort gehalten*).

Кроме ядерной лексемы и связанных с ней словообразовательно лексем понятийный компонент концепта *истина* могут передавать и антонимы ядерной лексемы типа *die Unwahrheit, die Lüge*. Рассмотрим эти случаи.

– *Meine Behauptungen sollen Sie nicht irritieren; daß sie stimmen, dürfen Sie mir glauben, ich bürge dafür. Im Artikel, den Sie an bestimmte Spitäler senden werden, steht nur eine Unwahrheit, die nämlich, daß Sie, Fortschig, die Beweise zu Ihrer Behauptung in Händen hätten und auch den Namen des Arztes wüßten. Das ist der gefährliche Punkt. Darum müssen Sie nach Paris, wenn Sie den 'Apfelschuß' auf die Post gebracht haben. Noch in der gleichen Nacht*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– *Вы можете не сомневаться, ручаюсь за это: мои утверждения не являются вымыслом. В статье, которую вы отправите определенным госпиталям, неверно только одно, а именно: что у вас, Форчиг, есть доказательства этих утверждений и что вы знаете фамилию врача. Это опасный момент. Поэтому, после того как вы доставите "Выстрел Телля" на почту, вы сразу поедете в Париж. В ту же самую ночь*

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В данном примере упомянутая лексема отображает понимание истины как противопоставление недействительному, нереальному положению дел.

– *Das Gesetz ist das Gesetz. X = X. Die ungeheuerlichste Phrase, die je in den ewig blutigen, ewig nächtlichen Himmel stieg, der über uns hängt, lachte sie.*

– *Wie wenn es eine Bestimmung über Menschen gäbe, die ohne Rücksicht auf das Maß der Macht gelten könnte, die ein Mensch besitzt! Das Gesetz ist nicht das Gesetz, sondern die Macht; dieser Spruch steht über den Tälern geschrieben, in denen wir zugrunde gehen. Nichts ist sich*

– *Закон есть закон. Икс равняется иксу. Что может быть глупей! – засмеялась она.*

– *Как будто в действительности существует определение, не принимающее во внимание силы, которой обладает человек. Закон не есть закон. Он есть сила; это изречение написано над долинами, где мы живем и умираем. В этом мире не*

selber in dieser Welt, alles ist Lüge. Wenn wir Gesetz sagen, meinen wir Macht; sprechen wir das Wort Macht aus, denken wir an Reichtum, und kommt das Wort Reichtum über unsere Lippen, so hoffen wir, die Laster der Welt zu genießen. Das Gesetz ist das Laster, das Gesetz ist der Reichtum, das Gesetz sind die Kanonen, die Trusts, die Parteien; was wir auch sagen, nie ist es unlogisch, es sei denn der Satz, das Gesetz sei das Gesetz, der allein die Lüge ist. Die Mathematik lügt, die Vernunft, der Verstand, die Kunst, sie alle lügen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

существует истин, все ложь. Когда мы говорим о законе, то подразумеваем силу; говорим слово "сила"- думаем о богатстве, а когда с наших уст срывается слово "богатство", мы надеемся насладиться пороками мира. Закон есть порок, закон есть богатство, закон – это пушки, тресты, партии. Все ложь, закон не есть закон. Математика лжет, порядочность, разум, искусство – все они лгут

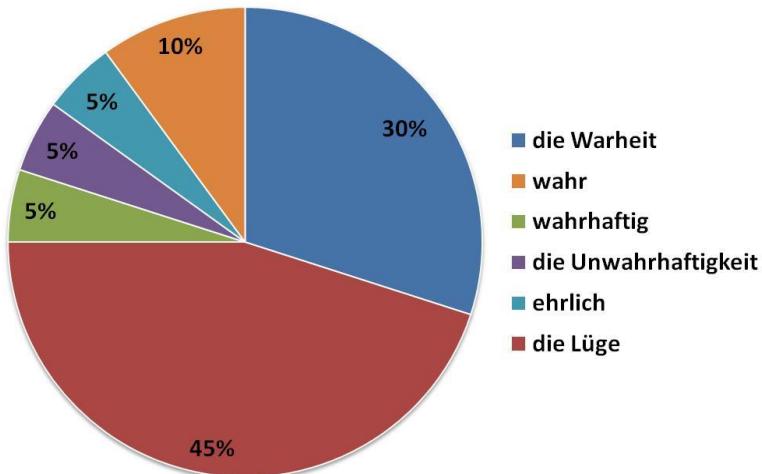
(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В данном примере истине противопоставляется вселенская ложь как часть диады: истина – ложь (*es sei denn der Satz, das Gesetz sei das Gesetz, der allein die Lüge ist. Die Mathematik lügt, die Vernunft, der Verstand, die Kunst, sie alle lügen*).

Представим результаты количественного подсчета использования данных лексем в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение» в виде диаграммы.

Диаграмма 9

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *истина* в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение»

Как показывает диаграмма 9, в данном романе Ф. Дюрренматта понятийную часть концепта *истина* представляют чаще всего лексемы *die Lüge* (45%) и лексема *die Wahrheit* (30%). Остальные из перечисленных лексем редко репрезентируют названный концепт.

Следовательно, в романе «Подозрение» имеет место понимание истины как Божественной истины, правды, реального положения дел, антиподы выдумки, антиподы лжи.

Концепт *справедливость* в данном художественном тексте репрезентирован следующим списком лексем: *die Gerechtigkeit, richtig, gerecht*. Обратимся к анализу примеров, показывающих раскрытие данного концепта в рассматриваемом романе. В этом произведении исследуемый концепт репрезентируется исключительно посредством ядерной лексемы *die Gerechtigkeit*.

– Wenn es einen Gott gibt, Kommissar, und nichts erhofft mein geschändetes Herz mehr, so sind vor ihm keine Völker, sondern nur Menschen, und er wird jeden nach dem Maß seiner Verbrechen richten und nach dem Maß seiner **Gerechtigkeit** freisprechen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– Если есть Бог, Комиссар, и ни на что больше не надеется мое оскверненное сердце, то перед ним не народ, а люди, и он будет судить каждого по мере его преступлений и оправдывать по мере его праведности

(перевод наш. – М.Е.).

В данном отрывке текста лексема *die Gerechtigkeit* получает общечеловеческое понимание как Божественная справедливость (*Wenn es einen Gott gibt, ... er wird jeden nach dem Maß seiner Verbrechen richten und nach dem Maß seiner Gerechtigkeit freisprechen*). Мы исходим из того, что каждый человек может по-своему воспринимать справедливость.

– Es hat keinen Sinn, sagte der Arzt noch einmal, leise, fast flüsternd.
– Die **Gerechtigkeit** hat immer Sinn», beharrte Bärlach auf seinem Unternehmen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– Твой шаг не имеет никакого смысла, – сказал врач еще раз, тихо, почти шепотом.
– Справедливость всегда имеет смысл, – ответил Берлах

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В отрывке подчеркивается объективный характер чувства справедливости для всех людей, проявляющегося в разных формах (*Die Gerechtigkeit hat immer Sinn*).

– Die Schweiz schuf mich zu einem Narren, zu einem Spinnbruder, zu einem Don Quijote, der gegen Windmühlen und Schafherden kämpft. Da soll man für die **Freiheit und Gerechtigkeit** und für jene andern Artikel einstehen, die man auf dem

– Швейцария сделала из меня Дон-Кихота, борющегося против ветряных мельниц. И я еще должен хвалить свободу, справедливость и газетные статьи, воспевающие общество, которое заставляет

vaterländischen Märit feilbietet, und eine Gesellschaft hochhalten, die einen zwingt, die Existenz eines Schlufis und Bettlers zu führen, wenn man sich dem Geist verschreibt, anstatt den Geschäften

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

людей прозябать, если они посвящают свою жизнь идее, а не сделкам

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

Es muß einer vom Verdacht frei sein, es gehe ihm nur um den Brotkorb, wenn er von der Gerechtigkeit reden will

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Если борешься за справедливость, нужно быть свободным от подозрения, что заботишься о собственной шкуре

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В данных примерах проявляется то понимание лексемы *die Gerechtigkeit*, которое мы выявили ранее, а именно то, что справедливость каждый отдельный человек может трактовать по-своему. Новажното, что он проявляется, когда человек вкается в свободу поступать по справедливости (*für die Freiheit und Gerechtigkeit; vom Verdacht frei sein, es gehe ihm nur um den Brotkorb, wenn er von der Gerechtigkeit reden will*).

Wir verlieren alles, wenn wir die Gerechtigkeit aufs Spiel setzen, mit der sich nicht spielen läßt, auch wenn es uns Pestalozzis beschämen muß, einmal selber auf die Finger zu bekommen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Мы потеряем все, поставив справедливость на карту, ибо со справедливостью не играют

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В данном примере мы можем проследить попытку распространить понимание справедливости на все человечество (...*wenn wir die Gerechtigkeit aufs Spiel setzen, mit der sich nicht spielen läßt*).

*Man weiß ja auch nicht recht, woran man denn eigentlich glaubt, es ist nicht etwa nichts, weiß Gott nicht, man glaubt doch – wenn auch recht dämmерhaft, als wäre ein Ungewisser Nebel in einem – an so etwas wie Menschlichkeit, Christentum, Toleranz, **Gerechtigkeit**, Sozialismus und Nächstenliebe, Dinge, die etwas hohl klingen, was man ja auch zugibt, doch denkt man sich immer noch*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

По правде говоря, люди не очень верят во что-то туманное и неконкретное: в человечность, христианство, терпимость, справедливость, социализм и любовь к ближнему. Понятия, звучащие несколько высокопарно

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В этом отрывке лексема *die Gerechtigkeit* поставлена в один ряд с такими лексемами, как *Menschlichkeit*, *Christentum*, *Toleranz*, *Sozialismus* и *Nächstenliebe*. Фактически лексема *die Gerechtigkeit* носит общечеловеческий характер, и, соответственно, имеется колебание между субъективно-объективным восприятием действительности; данная лексема обладает не только объективным, но и субъективным потенциалом.

*Es ist Unsinn, an die Materie zu glauben und zugleich an einen Humanismus, man kann nur an die Materie glauben und an das Ich. Es gibt keine **Gerechtigkeit** – wie könnte die Materie gerecht sein –, es gibt nur die Freiheit, die nicht verdient werden kann – da müßte es eine **Gerechtigkeit** geben –, die nicht gegeben werden kann – wer könnte sie geben –, sondern die man sich nehmen muß. Die Freiheit ist der Mut zum Verbrechen, weil sie selbst ein Verbrechen ist*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Глупо верить одновременно в материю и гуманизм, можно верить только в материю и в "я". Справедливости нет, существует только свобода и мужество совершить преступление

Автор в данном отрывке отрицает существование справедливости.

Es gibt keine Gerechtigkeit – wie könnte die Materie gerecht sein –, es gibt nur die Freiheit, die nicht verdient werden kann – da müßte es eine Gerechtigkeit geben, – die nicht gegeben werden kann – wer könnte sie geben –, sondern die man sich nehmen muß

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Нет справедливости – как она может существовать, – есть только свобода, которую нельзя заслужить, – она должна давать справедливость, которую нельзя дать, – кто мог бы ее дать, – кроме того, кто должен ее принять

(перевод наш. – М.Е.).

Иными словами, подчеркивается тот факт, что справедливость для каждого человека своя, т.е. лексема *die Gerechtigkeit* носит объективно-субъективный характер.

Кроме ядерной лексемы в романе «Подозрение» встречается отображение понятийного компонента исследуемого концепта в виде антонима *ungerecht*. Например:

– *Sie jedoch wettern und fluchen unseren guten Bernern die Ohren sturm, was für ein ungerechtes Schicksal Sie unter ihnen erleiden, und wünschen sich den nächsten Kometenschwanz herbei, um unsere alte Stadt in Trümmer zu schlagen. Fortschig, Fortschig, Sie durchsetzen Ihren Kampf mit kleinlichen Motiven*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– *Вы же, Форчиг, шумите и клянете, пытаетесь достать хвост кометы, чтобы превратить старый город в развалины. Ваша борьба пронизана мелкими мотивами*

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

Как показывает пример, справедливость воспринимается в данном романе в виде связи с общечеловеческими судьбами, где справедливость может и не присутствовать, доставляя страдания человеку (*was für ein ungerechtes Schicksal Sie unter ihnen erleiden*). И здесь справедливость соотносится с пониманием вселенской справедливости, способной отразиться в судьбах людей.

Следовательно, в данном романе Ф. Дюрренматта справедливость понимается как вселенская справедливость, фатальная справедливость.

– *Vielleicht ist dieser Glaube zu schwer», sagte Emmenberger, da Bärlach immer noch schwieg, und trat an des Alten Bett.*

– *Vielleicht haben Sie einen leichteren, gewöhnlicheren Glauben. Sagen Sie:*

– *Ich glaube an die Gerechtigkeit und an die Menschheit, der diese Gerechtigkeit dienen soll. Ihr zuliebe und nur ihr zuliebe habe ich, alt und krank, das Abenteuer auf mich genommen, in den Sonnenstein zu gehen, ohne Nebengedanken an den Ruhm und an einen Triumph der eigenen Person über andere Personen*

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– *Возможно, ваше кредо очень сложно,* – сказал Эменбергер, поскольку Берлах продолжал молчать, и подошел к постели старика.

– *Может быть, у вас самые заурядные и тривиальные взгляды на жизнь. Скажите же:*

– *Я верю в справедливость и в человечество, которому должна служить эта справедливость. Во имя ее, и только во имя ее я, старый и больной человек, не побоялся приехать в Зоненштайн, не думая о славе, о своем триумфе, триумфе над другими*

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В данном отрывке герой произведения Дюрренматта явно сближает и тесно связывает понятия справедливости и истины. Для него, смертельно больного человека, эти понятия слились воедино (*Ich glaube an die Gerechtigkeit und an die Menschheit, der diese Gerechtigkeit dienen soll*), причем со справедливостью коррелирует понимание общечеловеческой истины.

Пересечение концептов *истина* и *справедливость* отмечается, как и в предыдущих случаях, за счет употребления лексемы *richtig*. Например:

Er hatte richtig gerechnet, doch falsch gehandelt, wie er ahnte. Allzu sehr fühlte er die Ohnmacht seines Leibes. Er hatte sechs Tage verloren, sechs fürchterliche Tage, die seinem Bewußtsein fehlten, Emmenberger wußte, wer ihm nachstellte, und hatte zugeschlagen

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

Он думал правильно, а поступил не так, как нужно. Слишком сильно он ощущал немощь своего тела. Он потерял шесть дней, шесть ужасных дней отсутствовали в его сознании. Эменбергер знал, кто его преследовал, и нанес удар первым

(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

В этом случае мы имеем дело с взаимопересечением упомянутых концептов в субъективном восприятии окружающей действительности в лице одного человека, который планирует действия, где проявляется реальное соотношение событий и справедливая их оценка, но жизнь не дает возможность реализации его планов (*Er hatte richtig gerechnet, doch falsch gehandelt, wie er ahnte*).

Рассмотрим еще один пример:

– Auch diese These ist richtig, sagte Bärlach. Auch sie können wir annehmen, wenigstens im jetzigen Grad der Spekulation

(Dürrenmatt *Der Verdacht*).

– Конечно, – ответил Берлах, – однако допустимо. Нужно принять во внимание все возможности

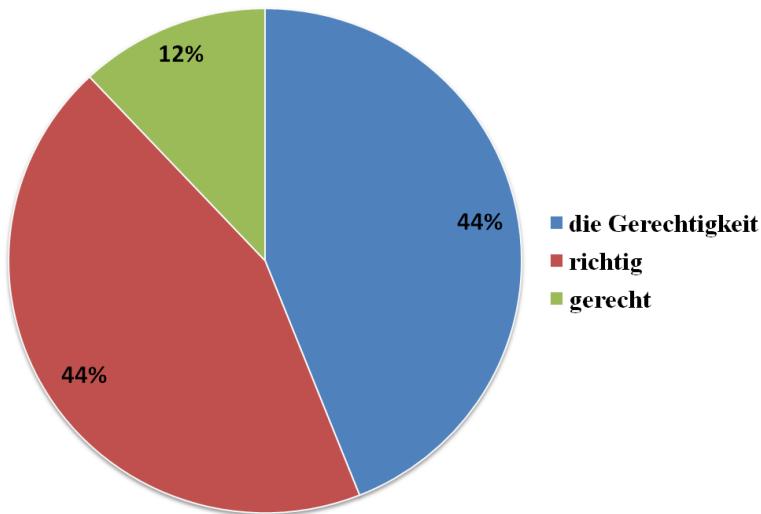
(пер. Е. Кацевой, Е. Факторовича).

Как и в предыдущем примере, мы имеем дело с пересечением исследуемых концептов, вербализованным лексемой *richtig*, когда в сознании человека осуществляется подобное пересечение за счет оценки происходящих событий (*Auch diese These ist richtig... sie können wir annehmen*).

Представим далее в виде диаграммы частотность лексико-семантической презентации понятийного компонента концепта *справедливость* в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение».

Диаграмма 10

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *справедливость* в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение»

Как показывает диаграмма 10, в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение» концепт *справедливость* преимущественно представлен лексемами *die Gerechtigkeit* (44%) и *richtig* (44%), причем в последнем случае он проявляет тенденцию к взаимодействию с концептом *истина*. Редко в данном романе отмечается использование лексемы *gerecht* (12%) для отображения концепта *справедливость*.

В романе Ф. Дюрренматта «Подозрение» можно констатировать пересечение исследуемых концептов, которое представляет собой осмысление происходящих событий в лице одного человека, планирующего свои дальнейшие действия в зависимости от положительной оценки происходящего (схема 5).

Схема 5. Репрезентация пересечения концептов *истина* и *справедливость* в романе Ф. Дюрренматта «Подозрение»

Схема показывает, каким образом происходит пересечение концептов *истина* и *справедливость* в анализируемом произведении. Такое пересечение свидетельствует об их тесном взаимодействии, когда истина и справедливость исходят из одной основы понимания справедливой истины.

3.3. Реализация пересечения исследуемых концептов в произведении

Д. Шваница «Кампус»

В данном тексте концепт *истина* репрезентирован широким составом лексем: *die Wahrheit, wahr, unwahr, die Wirklichkeit, die Unwirklichkeit, die Lüge, die Realität, die Irrealität, offenbar, ehrlich, die Ehrlichkeit, richtig*. Концепт *истина* в романе Д. Шваница «Кампус» может быть вербализован в виде ядерной лексемы *die Wahrheit*. Эта лексема намеренно часто употребляется в данном художественном тексте для того, чтобы показать путь поиска истины главного героя этого произведения, заслуженного профессора Гано Хакманна. В романе есть примеры, где на одной только странице данная лексема употреблена несколько раз подряд.

Данная ядерная лексема способна представлять понятийный компонент исследуемого концепта в виде значения «правда». Например:

– <i>Und so habe ich mich entschlossen, ohne Rücksicht auf mich oder irgendwen die Wahrheit zu sagen</i> (Schwanitz Campus).	– <i>Итак, я решил говорить правду без оглядки на себя самого и других</i> (перевод наш. – М.Е.).

Sie hat überhaupt fast nur die Wahrheit gesagt
 (Schwanitz Campus).

Она вообще говорила почти только правду
 (перевод наш. – М.Е.).

Wenn sie einem Menschen alles nehmen, wird er gefährlich. Dann ist er frei, die Wahrheit zu sagen

(Schwanitz Campus).

Und die Wahrheit ist, dass kein Mensch in der Universität mehr an ihr interessiert ist

(Schwanitz Campus).

– Sie lassen mich meine Erklärung gefälligst zu Ende führen, Herr Weskamp, damit diese Wände wenigstens einmal die Wahrheit hören!

(Schwanitz Campus).

Die Universität, die es mal gab, war der Wahrheit verpflichtet

(Schwanitz Campus).

Если у человека все забрать, то он становится опасным. Тогда его ничто не держит, чтобы говорить правду

(перевод наш. – М.Е.).

И правда в том, что ни один человек в университете больше не интересуется ею

(перевод наш. – М.Е.).

– Вы позволите мне потрудиться и закончить мое объяснение, господин Вескамп, чтобы эти стены хотя бы раз услышали правду!

(перевод наш. – М.Е.).

Университет, каким он был до этого, был обязан служить правде

(перевод наш. – М.Е.).

Как показывают данные примеры, правда в данных случаях представляет собой высказанное вслух суждение, передающее реальный ход происходящих событий. На это указывает контекст, соседствующий с данной лексемой: *die Wahrheit hören, die Wahrheitsagen*.

Ядерная лексема *die Wahrheit* передает понимание истины как реальность, действительность. Например:

Sie war die Institution, die die Wahrheit darstellen sollte

(Schwanitz Campus).

Он был институтом, который должен был представлять реальное положение дел

(перевод наш. – М.Е.).

*Das ist in Wahrheit der Stoff, aus dem diese Affaire besteht
(Schwanitz Campus).*

Это в действительности том материал, из которого состоит эта афера
(перевод наш. – М.Е.).

Это значение приобретает данная лексема за счет контекстуального окружения: *die Wahrheit darstellen* (изобразить действительный ход вещей), *ist in Wahrheit* (в действительности, реально).

Кроме перечисленных значений эта лексема может в художественном тексте передавать значение, отличающееся от словарного: правда, переходящая в ложь.

*Aus dieser Wahrheit ist eine Lüge geworden
(Schwanitz Campus).*

Из этой правды появилась ложь
(перевод наш. – М.Е.).

*Die Wahrheit ist, dass aus der kleinen komplizierten persönlichen Wahrheit einer Studentin eine simple gigantische Lüge geworden ist
(Schwanitz Campus).*

Правда в том, что из этой маленькой сложной личной правды возникла настоящая гигантская ложь
(перевод наш. – М.Е.).

Подобное понимание истины в виде правды, способной перейти в ложь, в художественном тексте может дополнительно получать количественную оценку: имеется в виду малый размер такой сложной правды и большие размеры последующей упрощенной лжи: *kleinen komplizierten Wahrheit... eine simple gigantische Lüge.* В тексте мы встречаем в этом случае двойное противопоставление: малое – большое, сложное – простое.

Наряду с обозначенными значениями ядерная лексема *die Wahrheit* способна в художественном тексте передать персонифицированное понимание истины, когда человек выступает ее носителем.

– Vor wenigen Tagen war ich noch so wie Sie alle: ein kleiner, ehrgeziger Schuft, der die Wahrheit seinen Ängsten und Zielen opfert

(Schwanitz Campus)

– Ich bin die Wahrheit der Universität!

(Schwanitz Campus).

Dann wird er die Wahrheit

(Schwanitz Campus).

– Несколько дней назад я был таким же, как все вы: маленький амбициозный злодей, который жертвует правдой ради своих страхов и целей

(перевод наш. – М.Е.).

– Я олицетворяю истину университета

(перевод наш. – М.Е.).

Потом он становится носителем истины

(перевод наш. – М.Е.).

В этих примерах персонаж осознает себя в качестве носителя истины и постоянно навязчиво упоминает об этом присутствующим, в некоторой степени высказывая по отношению к ним свое презрение.

Кроме названной ядерной лексемы понятийный компонент концепта *истина* могут эксплицировать слова, связанные с ядерной лексемой словообразовательно. К их числу относится лексема *wahr*, которая способна передавать понимание истины как правды.

Bettina S. ist fassungslos. Das hätte sie nie von Professor Hackmann erwartet. Bettina S. studiert im 7. Semester Soziologie.

– Ich wußte ja nicht, was mir blühte, sagte sie: Wie sie reagierten viele Studentinnen am Soziologischen Institut. Aber es ist wahr: Der sexuelle Erpresser ist Dr. Hackmann,

Беттина С. была ошеломлена.

Она никогда не ожидала этого от профессора Хакманна Беттина С. изучает социологию и является студенткой седьмого семестра.

– Я даже не знала, почему мне так везет, – сказала она. Как и она реагировали на это многие студентки в социологическом институте. Но это

angesehener Professor für Soziologie. Lange schien zweifelhaft, ob man den Vergewaltiger von Clara C. finden würde

(Schwanitz Campus).

– Ich weiß, daß Sie mir nicht glauben werden. Aber auch darauf will ich jetzt keine Rücksicht mehr nehmen. Es ist wahr, ich habe mit Frau C. ein Verhältnis gehabt. Und es ist wahr, ich habe sie erpreßt.

Im Saal wurde es unruhig

(Schwanitz Campus).

было правда: сексуальные домогательства исходили от доктора наук Хакманна, заслуженного профессора социологии. Долгое время казалось сомнительным, что найдется насильник Клары С.

(перевод наш. – М.Е.).

– Я знаю, что Вы мне не поверите. Но я больше не хочу обращать внимание на это. Это правда, у меня были отношения с госпожой С. И это правда, я шантажировал ее.

Зал заволновался

(перевод наш. – М.Е.).

На то, что это отображение истины как правды, указывает в примерах употребление устойчивого выражения *es ist wahr*.

Однако эта лексема может в художественном тексте также выражать и значение «действительно».

– Und so habe ich ihn auf seinen Schreibtisch gezerrt, und wir haben uns geliebt. Und als ich das alles auf der Studiobühne in der Probe genau so gespielt habe, ist es mir plötzlich wieder eingefallen, und dann habe ich gesagt, ich habe das schon alles erlebt. Das ist die reine Wahrheit, so wahr mir Gott helfe

(Schwanitz Campus).

– И вот я потащила его к его столу, и мы любили друг друга. И когда все это было проиграно на учебной сцене на репетиции, мне неожиданно пришло в голову, что я уже все это пережила. Это чистая правда, помоги мне, Бог

(перевод наш. – М.Е.).

Это особый случай, когда данная лексема употребляется в близком контексте с ядерной лексемой: *Das ist die reine Wahrheit, so wahr mir Gotthelfe.* Подобное близкое расположение перечисленных лексем в художественном тексте обладает высокой стилистической значимостью и используется автором художественного текста для подчеркивания именно реального правдивого изображения происходящих событий. Такое соотношение реальности фактов обладает и теологическим объяснением: *mir Gotthelfe.*

Понятийный компонент концепта *истина* может в художественных текстах репрезентироваться с помощью ряда синонимов ядерной лексемы. К числу таких синонимов относится лексема *die Wirklichkeit*, способная передать значение «действительность».

— *Geht das nicht schneller? Nicht, daß uns einer den Knüller noch wegschnappt! Irene – für dich hab ich was Neues. In der CDU gibt es Ärger, weil die Mandatsinhaber die anderen nicht in die Mitgliederkarteien gucken lassen. Datenschutz — sagen sie. Nur, in Wirklichkeit sichern die sich so ihre eigene Wiederwahl, weil nur sie wissen, wen sie ansprechen können, um wiedergewählt zu werden. Und die draußen vor der Tür haben keine Chance. Na, und deshalb rebellieren die jetzt! Mach dich doch mal an den Militzki ran, der weiß sicher, was da los ist*

— *Разве это не быстрее? Не то чтобы один из нас выдал блокбастер! Ирэн – у меня есть что-то новое для тебя. Существует недовольство, потому что мандатарии не позволяют другим заглядывать в членские карточки. Конфиденциальность – говорят они. В действительности они обеспечивают собственное переизбрание, потому что только они знают, к кому они могут обратиться, чтобы быть переизбранными. И те, кто за дверью, не имеют шансов. Вот почему они восстают сейчас! Взгляните на Милицки, он точно знает, что там происходит*

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Это значение передается употреблением предложной конструкции с названной лексемой *in Wirklichkeit* (в действительности).

Hanno unterdrückte den Impuls zu einer Predigt über das Thema «Englischkenntnisse bei Soziologen», denn es gab tatsächlich eine deutsche Übersetzung. Wie sich unschwer erraten lässt, heißt der deutsche Titel «Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit»

(Schwanitz Campus).

Ханно подавил желание прочесть проповедь на тему «знание английского языка социологами», потому что это был действительно немецкий перевод. Как легко догадаться, немецкое название – «Социальная конструкция реальности»

(перевод наш. – М.Е.).

Как показывает пример, упомянутая лексема может передавать понимание истины как реальной действительности.

Синонимом ядерной лексемы является лексема *die Ehrlichkeit* и связанная с ней по своему образованию лексема *ehrlich*, которые могут в художественном тексте передать понимание истины как честности и открытости.

– *Ich mache Ihnen ein Angebot, sagte Schäfer. Alice spürte, wie das Beben in ihrem Inneren stärker wurde.*

– *Wenn Sie es annehmen, können Sie die Tagebücher selber einsehen. Wenn nicht, müßten Sie alles, was Sie heute gehört haben, vergessen. Also – ich will ehrlich zu Ihnen sein.*

Er stand auf und begann im Büro auf und ab zu gehen

– Я сделаю Вам предложение, – сказал Шефер. Алиса почувствовала себя тревожно.

– Если вы примете это, вы можете увидеть дневники самостоятельно. Если нет, вам придется забыть все, о чем вы слышали сегодня. Итак, я хочу быть честным с вами.

Он встал и начал ходить по комнате

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

*Wenn Martin bis jetzt noch Zweifel an Schäfers Absichten gehegt hatte, der Verweis auf seinen Egoismus hatte sie alle ausgeräumt. Wer so schonungslos auf sein Interesse als einzige Quelle seiner Motive verwies, der konnte nur die Wahrheit sagen. Es war Martins Glaube an das Schlechte im Menschen, der ihn von Schäfers **Ehrlichkeit** überzeugte*

(Schwanitz Campus).

Если у Мартина все еще были сомнения относительно намерений Шефера, то ссылка на его эгоизм рассеяла их. Тот, кто называл его интерес единственным источником его мотивов, мог сказать только правду. Именно вера Мартина в плохое в человеке убедила его в честности Шефера

(перевод наш. – М.Е.).

Примеры демонстрируют, что честность, открытость проявляются в поведении людей, в их профессиональной деятельности: *ich will ehrlich zu Ihnen sein; von Schäfers Ehrlichkeit.*

Синонимом ядерной лексемы *die Wahrheit* является лексема *die Realität*, которая функционируя в анализируемом тексте, способна передать следующее понимание истины – истина как реальность, действительность.

*Da draußen, so hatte Hanno in seiner Studie zu verstehen gegeben, da trieb man keine Wissenschaft mehr, da war die **Realität** ersetzt worden durch den feurigen Magmakern des eigenen Ich. Auf die Entfaltung dieses inneren Ich-Kerns wurde die äußere Wirklichkeit ausgerichtet*

(Schwanitz Campus).

Там, как указывал Ханно в своем исследовании, науки больше не было, поскольку реальность была заменена зерном собственной значимости. Внешняя реальность была ориентирована на развитие этого внутреннего эго-ядра

(перевод наш. – М.Е.).

В данном случае речь идет о реальной жизни, которая окружает людей (*da war die Realität ersetzt worden durch den feurigen Magmakern des eigenen Ich*).

Как отмечалось выше, синонимом названной ядерной лексемы может выступать и лексема *richtig*. Обратимся к анализу примеров. Эта лексема способна передать понимание истины как что-то настоящее.

Als er merkte, daß seine Tochter tatsächlich Humor hatte, war er sich vorgekommen wie Robinson Crusoe, als Freitag die ersten verständlichen Worte sprach. Es war eine richtige Erleichterung gewesen, ein ganz unvermutetes Glück

(Schwanitz Campus).

Когда он понял, что у его дочери действительно было чувство юмора, он почувствовал себя Робинзоном Крузо, который произносил Пятнице первые понятные слова. Это было настоящее облегчение, неожиданная удача

(перевод наш. – М.Е.).

В этом примере лексема *richtig* передает значение «настоящее», раскрывая понимание истины (*Es war eine richtige Erleichterung gewesen*).

Эта же лексема может репрезентировать понимание истины как чего-то правильного в жизни.

Frau Eggert wendete sich zum Gehen, blieb dann plötzlich stehen und faßte sich mit einer ungewohnt dramatischen Geste an die Frisur:

– Oh, Herr Professor, beinah hätte ich das Wichtigste vergessen: Ihr Interview im Fernsehen ist für heute abend um 18 Uhr angesetzt. Ich bin ja so aufgereggt. Wir werden jetzt richtig prominent

(Schwanitz Campus).

Госпожа Эггерт собралась уходить, затем внезапно остановилась и поправила свою прическу демонстративно вызывающе:

– О, профессор, я почти забыла самое важное: ее интервью по телевидению запланировано на этот вечер на 6 часов. Я так взволнована. Мы становимся действительно известными

(перевод наш. – М.Е.).

В данном случае упомянутая лексема выражает значение «правильно» (*Wir werden jetzt richtig prominent*).

Дополнительной репрезентацией понятийного компонента концепта *истина* может выступать такое значение лексемы, как *истинный*.

Das war noch schlimmer als all die vielen Schwuchteln vom Theater. Aber hier, im Halbdunkel des Dschungels, lebten richtige Männer, wenn sie auch etwas verlottert wirkten. Aber dafür waren sie ja Pioniere

(Schwanitz Campus).

Это было еще хуже, чем многие педики из театра. Но здесь, в полумраке джунглей, жили настоящие мужчины, хотя они тоже выглядели несколько растерянными. Но на то они и были первыми

(перевод наш. – М.Е.).

Как показывает пример, лексема *richtig* может передавать понимание истины как чего-то соответствующего реальному положению дел (*lebten richtige Männer*).

Целесообразно обратиться к анализу антонимов ядерной лексемы *die Wahrheit*, способных представлять исследуемый концепт в данном тексте. К числу таких антонимов относится лексема *die Unwirklichkeit*.

Hanno schwamm auf einer Wolke der Unwirklichkeit. Das Gefühl, daß sein Leben vielleicht vor dem Zusammenbruch stand, war durch eine weitere Geschmacksvariante der Irrealität bereichert worden. Diese Leute mochten ihn offenbar

(Schwanitz Campus).

Ханно витал в облаке нереальности. Чувство того, что, возможно, его жизнь вот-вот рухнет, придавало происходящему привкус нереальности. Этим людям он явно понравился

(перевод наш. – М.Е.).

В этом случае речь идет о нереальном, вымышленном мире, который создает себе герой данного произведения (*Hanno schwamm auf einer Wolke der Unwirklichkeit*). Истина понимается здесь как реальность, противоположная нереальности. Это понимание отображается значением и другого антонима ядерной лексемы *die Irrealität*, функционирующего в данном тексте (*war durch eine weitere Geschmacksvariante der Irrealität bereichert worden*). Приведенный

пример широко представлен в последующем употреблении наряду с антонимами, синонимами ядерной лексемы *offenbar*, *richtig*, которые подчеркивают стремление героев произведения к познанию истины как чего-то открытого и настоящего (*Diese Leute mochten ihn offenbar. Er war bis jetzt, zu Gabrieles Ärger, gegenüber den richtig konservativen Milieus auf Distanz geblieben*).

Антонимом ядерной лексемы *die Wahrheit* выступает лексема *die Lüge*, способная своей семантикой передать понятийный компонент концепта *истина*. Эта лексема передает понимание истины как антипода выдумки.

Diese Feststellung schien ihr Sicherheit zu geben, so als ob sie jetzt ihren weiteren Weg kannte.

– Auf der Flucht aus irgendeinem studentischen Schlafzimmer tischst du mir die phantastischsten Lügen auf. Dir fehlt die Form. Sieh dich doch an in deiner Pennerhose. Du bist selbst ein Penner

(Schwanitz Campus).

Это утверждение, казалось, вселило в нее уверенность, как будто она теперь знала, что делать дальше.

– Ты выбегаешь из студенческой спальни и предлагаешь мне самую фантастическую ложь. Посмотри на свой внешний вид. Посмотри на свои колготки. Ты сама как бомж

(перевод наш. – М.Е.).

В данном примере под выдумками подразумеваются фантастические рассказы, не соответствующие действительности, которые воспринимаются говорящим весьма негативно (*Auf der Flucht aus irgendeinem studentischen Schlafzimmer tischst du mir die phantastischsten Lügen auf*).

Кроме этого значения названная лексема может передать понимание истины как противоположность вранью.

In Wirklichkeit hast du keine Würde. Du stehst nicht zu deiner Position. Bei all deinem Gerede hast du überhaupt keinen Sinn für die Gesellschaft, in der du

На самом деле, у тебя нет достоинства. Ты не соответствуешь своему званию. Несмотря на все твои разговоры, ты ничего не значишь в

lebst. Du bist ein verdamter обществе, в котором живешь. Ты Hochstapler, eine ekelhafte und billige чертова дурак, отвратительный и Lüge, das bist du дешевый лжец – вот кто ты

(Schwanitz Campus). (перевод наш. – М.Е.).

В этом случае речь идет о вранье, которое оценивается негативно и противопоставляется истине, давая неприятную характеристику собеседнику (*Du bist ein verdamter Hochstapler, eine ekelhafte und billige Lüge, das bist du*).

Кроме названных значений данная лексема способна передать в этом произведении понимание истины как противоположность лжи.

– *Hören Sie, Petzold, ich tuß gleich zum Justizsenator. Das war eine krasse Lüge, aber Petzold brauchte einen Schuß vor den Bug.*

– *Ich habe jetzt keine Zeit für Ratespiele.*

Das tat seine Wirkung

(Schwanitz Campus).

– *Послушай, Петцольд, мне нужно идти в Сенат юстиции. Это была вопиющая ложь, но Петцольду нужно было предупреждение.*

– *Сейчас у меня нет времени на викторины.*

Это сделало свое дело

(перевод наш. – М.Е.).

Как демонстрирует пример, ложь произнесена вслух и воспринимается собеседником как противоположность правде (*Das war eine krasse Lüge, aber Petzold brauchte einen Schuß vor den Bug*).

Обозначенная выше лексема может в этом произведении использоваться для выражения понимания истины в качестве противоположности небылицам.

Doch nun würde keine Schlaftablette dieser Welt ihm den festen Schlaf wiedergeben, dessen er sich immer so gerühmt hatte. Und wieder las er die Überschrift: »EINE HÖLLE FÜR DIE FRAUEN?» Hanno lachte trocken

Но теперь ни одно снотворное в мире не дало бы ему крепкого сна, которым он всегда гордился. И снова он прочитал заголовок: «АД ЖЕНЩИНАМ?» Ханно сухо засмеялся. Что наврала Бабси о сексуальном

auf. Was hatte Babsi da für Lügen über sexuelle Nötigung erzählt? Jetzt fing die Hölle für ihn an

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Следует отметить в данном примере такую особенность восприятия истины, как антипода ложным историям, которые распознаются собеседниками (*Was hatte Babsi da für Lügen über sexuelle Nötigung erzählt?*).

Следовательно, антонимы ядерной лексемы позволяют раскрыть следующее понимание истины в данном художественном произведении. Истина – это противоположность нереальности, лжи, выдумки, вранья, небылиц.

Следует отметить интересную деталь: концепт *истина* в рамках большего по объему контекста, чем одно предложение может быть эксплицирован за счет сочетания ядерной лексемы с синонимами и антонимами. Обратимся к анализу примеров.

Ядерная лексема *die Wahrheit* может в рамках небольшого контекста соседствовать со своим антонимом *dieLüge*.

– *Ich lese Ihnen jetzt eine Erklärung vor, die Frau C. im Beisein ihrer Ärztin vor zwei Tagen unterschrieben hat. Sie lautet folgendermaßen: Ich habe jetzt erst gehört, was für ein Unheil aus meiner Behauptung entstanden ist, ich hätte dasselbe erlebt wie die Figur Rhoda in Jessica Wilsons Stück «Medea». Weil ich bis jetzt nur Lügen oder Halbwahrheiten erzählt habe und daraus niemals etwas Gutes entstehen kann, möchte ich*

– *Сейчас я зачитаю вам заявление, которое госпожа С. подписала в присутствии своего врача два дня назад. Оно звучит так: я только что услышала, какая нелепость возникла из моего утверждения, что я испытала то же самое, что и персонаж Рода в пьесе Джессики Уилсон «Медея». Поскольку до этого момента я только лгала или говорила полуправду, и ничего хорошего из этого не вышло, я хотела*

jetzt die Wahrheit sagen: Ich habe Hanno Hackmann geliebt, weil er ein großzügiger, faszinierender Mann ist, der so klug ist, daß ich es gar nicht verstehen kann, warum er eine dumme Studentin wie mich überhaupt beachtet hat

(Schwanitz Campus).

бы все же сказать правду: я любила Ханно Хакманна, потому что он щедрый, интересный человек, настолько умный, что я совсем не могу понять, почему он вообще обратил внимание на глупую студентку вроде меня

(перевод наш. – М.Е.).

В этом случае истина как правда противопоставляется лжи и информации неполной правды (*Weil ich bis jetzt nur Lügen oder Halbwahrheiten erzählt habe und weil daraus niemals etwas Gutes entstehen kann, möchte ich jetzt die Wahrheit sagen*). Здесь автор произведения использует стилистический прием противопоставления, когда нужно подчеркнуть важность восприятия настоящей правды.

В другом случае подобное сочетание дает иную интерпретацию понимания истины, когда она кажется ненастоящей, ложной.

Arme Babsi, sie war völlig unschuldig! Sie hatte eigentlich die ganze Zeit über die Wahrheit gesagt. Und diese gigantische Lüge war daraus erwachsen. Die Institution hatte sich dieser kleinen krummen Wahrheit bemächtigt und hatte daraus dieses Monster gemacht

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Как показывает пример, в художественном тексте подобное сочетание необходимо для того, чтобы нацелить читателя на последующее восприятие истины как неправды (*Sie hatte eigentlich die ganze Zeit über die Wahrheit gesagt. Und diese gigantische Lüge war daraus erwachsen. Die Institution hatte sich dieser kleinen krummen Wahrheit bemächtigt...*).

Ядерная лексема *die Wahrheit* может в рамках художественного текста этого автора сочетаться с целью отображения понятийного компонента концепта *истина* с синонимами и антонимами.

Aber ich hatte Angst vor dem, was jetzt eingetreten ist. Angst, mich dem Vorwurf der Unzucht mit Abhängigen auszusetzen. Im übrigen ist alles genauso, wie Frau C. in ihrer Erklärung gesagt hat. Sie hat überhaupt fast nur die Wahrheit gesagt. Aus dieser Wahrheit ist eine Lüge geworden. Ich sage das nicht, um mich zu distanzieren. Ich habe zu dieser Lüge beigetragen, und vor wenigen Tagen war ich noch so wie Sie alle: ein kleiner, ehrgeiziger Schuft, der die Wahrheit seinen Ängsten und Zielen opfert. Aber nun habe ich alles verloren: meine Frau, meine Tochter, meinen Beruf, meine Frau, meine Tochter, meinen Beruf, meinen Status und meine Reputation. Wenn sie einem Menschen alles nehmen, wird er gefährlich. Dann ist er frei, die Wahrheit zu sagen. Dann wird er die Wahrheit. Und die Wahrheit ist, daß kein Mensch in der Universität mehr an ihr interessiert ist. Die beiden Zeugen auf dem Baugerüst, die mich überführt haben, hatten in Wirklichkeit noch vier weitere Kollegen, und sie haben nicht gegen mein

Но я боялся того, что случилось сейчас. Боялся упрека, что связался с наркоманами. В остальном все было точно так, как писала госпожа С. в своем заявлении. Она вообще говорила почти только правду. Из этой правды возникла ложь. Я не говорю, что я не участвовал в этом. Я тоже внес свой вклад в эту ложь, и всего несколько дней назад я был похож на вас всех: маленького амбициозного злодея, который жертвует правдой ради своих страхов и целей. Но теперь я потерял все: жену, дочь, работу, потерян все: жену, дочь, работу, статус и репутацию. Если у человека забирают все, то он становится опасным. Тогда он волен говорить правду. Тогда он становится носителем истины. И правда в том, что никто в университете в ней больше не заинтересован. У двух свидетелей, которые осудили меня, на самом деле было еще четыре коллеги, и они не разбили мое окно, а

Fenster geschlagen, sondern applaudiert аплодировали и приветствовали
und gejohlt

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Подобное сочетание лексем *die Wahrheit*, *die Lüge*, *die Wirklichkeit* дает возможность показать динамику в рамках художественного текста перехода лживой истины в абсолютную истину, соответствующую действительности, когда человек становится носителем этой истины (*Dann ist er frei, die Wahrheit zu sagen. Dann wird er die Wahrheit*).

Полученные результаты анализа частотности использования в данном художественном произведении вербальных средств репрезентации понятийного компонента концепта *истина* можно представить в виде диаграммы.

Диаграмма 11

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *истина* в романе Д. Шваница «Кампус»

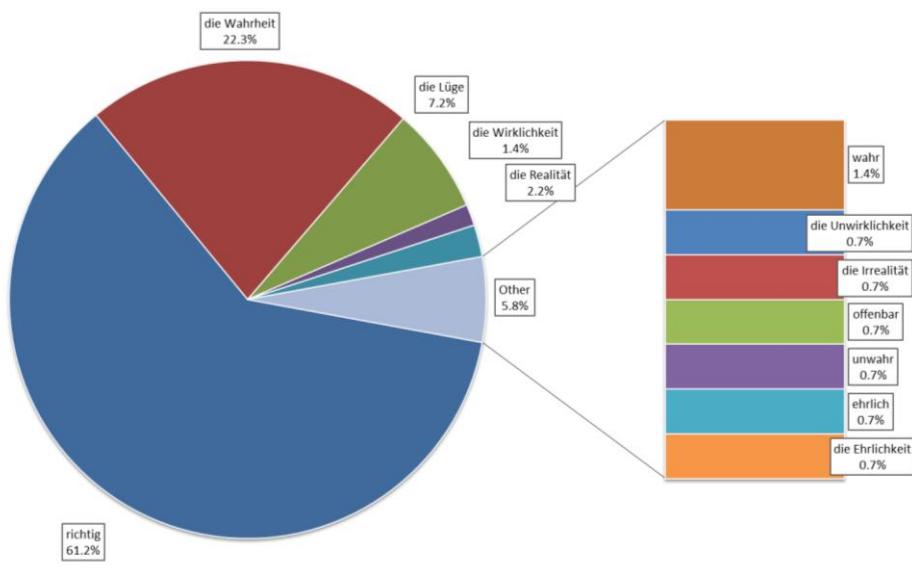

Диаграмма 11 показывает, что в данном художественном произведении чаще всего для репрезентации понятийного компонента концепта *истина* используется синоним ядерной лексемы *richtig* (61,2%). Ядерная лексема *die Wahrheit* тоже часто находит применение в этом художественном тексте для репрезентации изучаемого концепта (22,3%). Остальные синонимы и антонимы в данном художественном тексте употребляются редко.

Рассмотрев вербальную репрезентацию понятийного компонента концепта *истина*, можно перейти к вербальной репрезентации концепта *справедливость*. Он представлен, прежде всего, ядерной лексемой *die Gerechtigkeit* и ее синонимом *richtig*.

Сама ядерная лексема в этом тексте способна передать понимание справедливости как справедливости в общем плане.

Vielleicht gibt es ja einen Schuldigen, und der muß gefunden und их нужно найти и наказать. Но bestraft werden. Aber ganz unabhängig независимо от этого, протестующие davon sind die Demonstranten auch in Pogromstimmung. Ihnen ist jeder настроении. Для них каждый подходит Schuldige recht, und sie sind nicht на роль виновного, и они не привередливы. wählerisch. Auch hier wissen wir ja als Soziologen, daß der kollektive Wunsch nach Vergeltung ganz andere Gründe hat als den Wunsch nach Gerechtigkeit

Может быть, есть и виновные, и
и их нужно найти и наказать. Но
наказаны должны быть. А вот независимо от этого, протестующие
также находятся в яростном
настроении. Для них каждый подходит
виновному, и они не привередливы.
Избирательный. Так что же мы знаем, что
коллективное стремление к возмездию
имеет совершенно иные причины, чем
стремление к справедливости

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Как показывает пример, справедливость в общем плане есть желаемое явление в жизни литературных героев (...*daß der kollektive Wunsch nach Vergeltung ganz andere Gründe hat als den Wunsch nach Gerechtigkeit*).

Кроме этого значения эта ядерная лексема способна эксплицировать понимание справедливости в иносказательном плане как служба справедливости – система правосудия.

Und als die Rechnung über 182, – DM kam und sie darüber stritten, wer zahlen durfte, gewann sie die Debatte, indem sie darauf verwies, daß es auf

И когда счет пришел свыше 182 марок, и они спорили о том, кому разрешено платить, она выиграла спор, сказав, что это все

Kosten des Justizetats ging. Schließlich hatten sie ja nur im Dienste der Gerechtigkeit einen kleinen Lunch eingenommen было за счет бюджета судебного заседания. В конце концов, они просто пообедали за счет правосудия

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Синоним слова *die Gerechtigkeit* – *richtig* – может передать понимание справедливости как закономерного, справедливого явления.

– *Nur, wenn er abstrakt malt, – hatte Hanno entgegnet, und Günther hatte geantwortet:* – *Только если он рисует абстрактно, – ответил Ханно, а Гюнтер ответил:*

– *Na, dann trifft er sie auch richtig* – *Ну, тогда встретит он ее тоже правильно*

(Schwanitz Campus).

(перевод наш. – М.Е.).

Здесь справедливость понимается как желаемое верное решение поставленных вопросов (*und Günther hatte geantwortet: Na, dann trifft er sie auch richtig*).

Обратимся к выяснению частотности употребления лексем в анализируемом художественном тексте при репрезентации понятийного компонента концепта *справедливость*.

Диаграмма 12

Частотность использования лексем, вербализующих понятийный компонент концепта *справедливость* в романе Д. Шваница «Кампус»

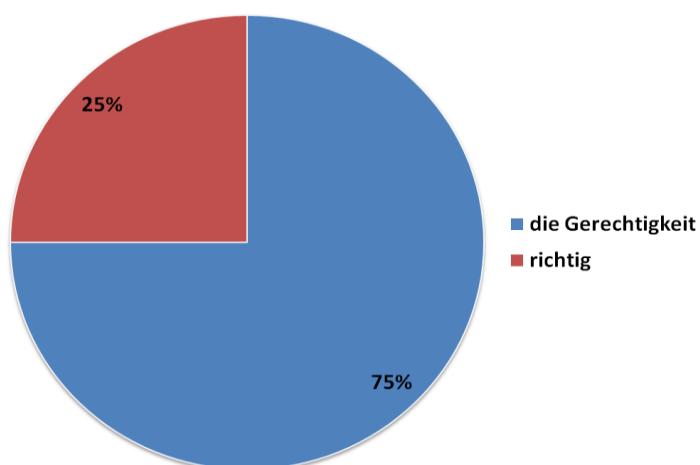

Диаграмма 12 показывает высокий уровень частотности использования ядерной лексемы *die Gerechtigkeit* для экспликации понятийного компонента изучаемого концепта (75%).

В рамках данного немецкоязычного художественного текста можно констатировать возможность взаимодействия репрезентации понятийной части обоих исследуемых концептов, когда концепт *истина* выражен лексемой *offenbar*, а концепт *справедливость* – ядерной лексемой *die Gerechtigkeit*.

Aber offenbar war Kurtz ja selbst schon heftig engagiert. Bernie blickte ihm in die zusammengekniffenen Augen.

– *Was ist eigentlich Ihr Interesse an der Sache?* fragte er Kurtz.

– *Gerechtigkeit. Identifikation mit den Schwachen. Er guckte kokett, und Bernie wußte nicht, ob er es nicht vielleicht doch ernst meinte*

(Schwanitz Campus).

Но, откровенно говоря, Курц был уже сильно вовлечен. Берни посмотрел в его прищуренные глаза.

– *Что вас интересует в этом деле?* – спросил он Курца.

– *Справедливость. Отождествление со слабыми. Он кокетничал, и Берни не знал, думает ли он так всерьез*

(перевод наш. – М.Е.).

В данном примере открытость поступков героя (*offenbar*) позволяет персонажу раскрыть справедливость своего поступка (*Gerechtigkeit. Identifikation mit den Schwachen*). Последующий контекст показывает сомнение в правильности понимания услышанного (...*und Bernie wußte nicht, ob er es nicht vielleicht doch ernst meinte*).

Подобное взаимодействие концептов можно представить в виде схемы, которая отображает их взаимодействие (схема 6).

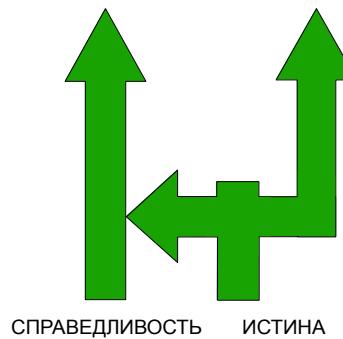

Схема 6. Репрезентация пересечения концептов *истина* и *справедливость* в романе Д. Шваница «Кампус»

В анализируемом художественном тексте отмечается частичное взаимодействие исследуемых концептов, когда автор произведения имеет цель показать активность концепта *истина* по отношению к концепту *справедливость* с одной стороны, и выделить относительную самостоятельность и нежелание участвовать в контакте с другими концептами концепта *справедливость*, с другой стороны. Возможно изолированное существование концепта *справедливость*, а также независимое существование концепта *истина*.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Концепт *истина* в художественном тексте на примере романа Ф. Кафки «Процесс» вербализован в виде понимания истины как: правды, настоящего поступка, верных откровенных слов, честного поведения людей по отношению друг к другу, ложь (произнесенная вслух, вселенский антипод истине бытия, ложь во благо). В данном романе чаще всего этот концепт выражается лексемами *wahr* и *die Wahrheit*.

2. Концепт *справедливость* в тексте данного романа передает понимание справедливости как: единственного понимания ситуации, справедливого судебного решения, субъективного понимания справедливости. В основном в указанном романе Ф. Кафки понятийный компонент концепта *справедливость* вербализуется лексемой *richtig*.

3. В тексте данного романа констатируется совмещение исследуемых концептов, когда проявление истины осуществляется вместе со справедливостью.

4. В романе Ф. Дюрренматта «Правосудие» раскрывается понимание истины как: субъективного чувства интуиции, недоступной истины, истины общечеловеческого плана, стремления к ее постижению, жизненного принципа, правды, действительного состояния дел как юридического термина. Чаще всего в данном романе для выражения данного концепта используется ядерная лексема *die Wahrheit*.

5. В основном для репрезентации концепта *справедливость* Ф. Дюрренматт использует лексемы *die Gerechtigkeit* и *richtig* (по 44%). Реже он обращается к употреблению лексемы *gerecht* (12%).

6. В тексте Д. Шваница чаще всего находят применение лексемы, репрезентирующие понятийную часть концепта *истина*: *richtig* (61,2%), *die Wahrheit* (22,3%).

7. Для объяснения понятийного компонента концепта *справедливость* (75%) в тексте Д. Шваница в основном используется лексема *die Gerechtigkeit*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе за основу берется понимание концепта, выдвинутое В.И. Карасиком, который в этом ментальном образовании выделяет понятийную, образную и ценностную части. В диссертации рассматривается отображение взаимодействия понятийных компонентов концептов *истина* и *справедливость* в ряде немецких художественных текстов, созданных в XVIII–XX веках. Ядерной лексемой концепта *истина* в немецком языке выступает лексема *die Wahrheit*, обладающая значениями: правда, истина, истинность. Центр данного концепта образуют лексемы, синонимичные и антонимичные ядерной лексеме. К их числу относятся синонимы: *die Tatsache*, *die Wirklichkeit*, *die Richtigkeit*, *die Sicherheit*, *die Tatsächlichkeit*, *die Echtheit*, *die Realität*, *die Glaubwürdigkeit*, *die Gewissheit* и антонимы: *die Unwahrheit*, *die Lüge*. Кроме того, понятийный компонент концепта могут репрезентировать и однокоренные с ядерной лексемой слова *wahrlich*, *wahr*, *wahrhaft*, *wahrhaftig*, а также слова, однокоренные с синонимами и антонимами.

Ядерной лексемой концепта *справедливость* выступает лексема *die Gerechtigkeit*, которая раскрывает понимание справедливости в следующих значениях: справедливость, праведность, правда, законность, управа. Центр данного концепта составляют синонимы ядерной лексемы: *die Objektivität*, *die Fairneß*, *die Rechtsordnung*, *die Redlichkeit*, *die Charakterstärke*, *die Loyalität*, *die Unvoreingenommenheit*, *die Unbestechlichkeit* и антоним *die Ungerechtigkeit*.

В художественном тексте XVIII века (на примере «Фауста» Гете) исследуемые концепты могут быть представлены как ядерными лексемами, так и их синонимами и антонимами. Понимание истины отражено в тексте описанием стремления к ней. Справедливость, вербализованная лексемой *die Gerechtigkeit*, в этом контексте отображает справедливость, которую любят, желают, требуют, но которая труднодостижима. Чаще всего в данном художественном тексте понятийная часть исследуемого концепта репрезентируется ядерной лексемой *die Wahrheit*, реже лексемами *die Lüge*, *lügeln* и редко лексемами *die Lügenschäume*, *die*

Lügenfahnen, die Lügenfürsten. Необходимо отметить, что этот концепт в тексте Гете представлен в большей мере антонимом *die Lüge* и его производными. Это обстоятельство указывает на то, что истина у Гете понимается как отсутствие лжи. Концепт *справедливость* репрезентирован в основном лексемой *das Recht* и ее производными, реже ядерной лексемой *die Gerechtigkeit* (20%), весьма редко и дополнительно лексемой *richtig*. В XVIII веке в художественном тексте констатируется отсутствие пересечения исследуемых концептов, что показывает способность понимания истины и справедливости в изолированном виде. Отмечается репрезентация понятийных компонентов каждого из этих концептов. И если концепт *истина* репрезентирован в произведении автора субъективно скептически, то концепт *справедливость* обладает объективно-субъективной окраской, выражает философские взгляды того времени.

Данное обстоятельство связано с тем, что истина рассматривалась как фактор субъективного восприятия окружающего мира в сознании человека XVIII века. Общество того времени не отличалось справедливостью, поэтому справедливость понималась субъективно – каждым человеком по-своему, исходя из норм общественной жизни.

В немецких художественных текстах на рубеже XVIII–XIX веков на примере произведения Г. фон. Клейста имеет место экспликация понятийного компонента концепта *истина*, представленная определенным набором лексем, к числу которых относятся ядерная лексема *die Wahrheit*, ее производные *wahr*, *wahrhaftig*, ее синоним *ehrlich* и антоним *die Unwahrheit*. В основном концепт *истина* в произведении Клейста вербализуется посредством ядерной лексемы *die Wahrheit*, производной *wahr*. Для экспликации концепта *справедливость* самой частотной выступает ядерная лексема *die Gerechtigkeit*. Нередко используется ее антоним *die Ungerechtigkeit*. В этом тексте отмечается тесное переплетение в репрезентации исследуемых концептов, что демонстрирует своеобразие авторского понимания справедливости ради истины.

В художественных текстах на рубеже XIX – XX веков отмечается также экспликация понятийных компонентов изучаемых концептов. В произведении

Ф. Кафки понятийный компонент концепта *истина* представлен чаще всего ядерной лексемой *die Wahrheit* и однокоренными словами *wahr*, *wahrhaftig*, реже синонимом *ehrlich*, антонимами *die Unwahrhaftigkeit*, *Luege*. Нередкое обращение к антонимам демонстрирует понимание истины от противного как противоположности лжи. Понятийный компонент концепта *справедливость* вербализуется в данном тексте лексемой *richtig* и ядерной лексемой *die Gerechtigkeit*. Справедливость раскрывается в данном произведении Ф. Кафки как единственное понимание ситуации; справедливое судебное решение; субъективное понимание справедливости.

В романе Ф. Кафки имеются случаи совмещения концептов *истина* и *справедливость*, когда в тексте отмечаются случаи употребления лексемы *richtig*. Совмещение данных концептов показывает проявление истины вместе со справедливостью, как воплощение одной из основ человеческого бытия.

В немецких художественных текстах XX века на примере романов Ф. Дюрренматта используется для выражения понятийного компонента концепта *истина* ядерная лексема *die Wahrheit*, реже в тексте употребляются другие лексемы: *wahr*, *die Wahrheitsliebe*, *ehrlich*, *lügen*, *die Lüge*. Для репрезентации концепта *справедливость* используются лексемы *die Gerechtigkeit* и *richtig*, *gerecht*.

В художественных текстах этого писателя имеет место раскрытие понятия истины как Божественной истины, правды, реального положения дел, антипода выдумки, антипода лжи. Справедливость понимается как юридический термин, и ее взаимодействие с пониманием истины отображает соблюдение буквы закона, свойственное немецкому менталитету этого времени.

В тексте Д. Шваница этого временного периода отмечается специфичная репрезентация понятийных компонентов исследуемых концептов за счет привлечения большего объема синонимов и антонимов ядерной лексемы и однокоренных с ней слов. Для экспликации понятийного компонента концепта *истина* используются синоним *richtig* и ядерная лексема *die Wahrheit*. Остальные синонимы и антонимы редко употребляются в данном художественном тексте.

Частотность использования ядерной лексемы *die Gerechtigkeit* для экспликации понятийного компонента концепта *справедливость* остается значительной. В рамках данного немецкоязычного художественного текста можно констатировать возможность взаимодействия репрезентации понятийной части обоих исследуемых концептов, когда концепт *истина* выражен лексемой *offenbar*, а концепт *справедливость* – ядерной лексемой *die Gerechtigkeit*. В этом случае преследуется цель показать активность концепта *истина* по отношению к концепту *справедливость*, с одной стороны, и подчеркнуть относительную самостоятельность концепта *справедливость* и нежелание смешивать его с другими концептами, с другой стороны.

Рассмотрение лексико-семантической репрезентации понятийного компонента концепта *истина* в диахроническом аспекте показало, что в художественных текстах XVIII века наряду с ядерной лексемой *die Wahrheit* используются лексемы, производные от антонима *die Lüge* (*die Lügenschäume, die Lügenfahnen, die Lügenfürsten*). В XIX веке в художественных текстах появляются дополнительные лексические единицы, представляющие понятийную часть этого концепта: *wahr, wahrhaftig, die Unwahrhaftigkeit, ehlich*. В XX веке широкое применение в художественных текстах находят лексемы *die Wahrheitsliebe, die Wirklichkeit, die Realität, die Irrealität, offenbar*. Семантика этих лексем помогла выяснить концептуальные признаки истины, которые со временем менялись. В ходе анализа художественных текстов выяснилось, что в XVIII веке истина не выступала символом власти, в XIX веке она ассоциировалась с правдой, жизненной необходимостью, а с XX века соотносилась с честностью, откровением, ложью во благо и выступала антиподом выдумки.

Концепт *справедливость* в диахроническом аспекте дополнительно к ядерным лексемам *die Gerechtigkeit, das Recht, richtig* с XIX века получает также репрезентацию в употреблении лексемы *die Ungerechtigkeit*, а с XX века – лексемы *gerecht*. Концептуальные признаки справедливости, отражающие ее понимание в XVIII веке как образа мирной жизни, которая желаема людьми, но

недостижима для них, в XIX веке сохраняются, а в XX веке воспринимаются как справедливое решение суда, как объективное проявление истины. Справедливость в художественных текстах XX века получает признаки вселенской и фатальной справедливости.

Диахронический подход к анализу вербализации исследуемых концептов в немецких художественных текстах позволил установить, что в художественных текстах XVIII века отражено независимое существование концептов *истина* и *справедливость*. С XIX по XX век в художественных текстах констатируется активность воздействия концепта *истина* на концепт *справедливость*, отмечается активное взаимодействие изучаемых концептов именно в художественных текстах данного периода. В ходе исследования была выявлена динамика вербализации этих концептов в анализируемых текстах, что подчеркивает, безусловно, развитие немецкого языка и развитие национального самосознания немецкоговорящих народов.

Перспективой исследования можно считать возможность применения предлагаемого алгоритма при анализе взаимодействия других концептов, логически связанных друг с другом, на материале немецкоязычных художественных текстов, как с позиции синхронии, так и с позиции диахронии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. М.; Л.: Наука, 1964. 105 с.
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. Л.: Наука, 1988. 238 с.
3. Акимова Г.Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке / Г.Н. Акимова // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 109 – 120.
4. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 416 с.
5. Антипенко З.Г. Диалектика истины и красоты в философском наследии Платона и Аристотеля / З.Г. Антипенко. М.: АН СССР, 1983. 139 с.
6. Антология концептов: Т. 1 / под ред. В.И. Карабика, И.А. Стернина. Волгоград: Перемена, 2005. 352 с.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. М.: Наука, 1974. 368 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995; Второе издание: Апресян Ю.Д.. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С.8 – 101.
9. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: [В 2 т.]. Т. I.: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
10. Апресян Ю.Д. Избранные труды: [В 2 т.]. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 766 с.
11. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель; пер. В.Г. Аппельrot // Поэтика. М.: Гос-лит. издат., 1957. С. 37 – 138.

12. Аристотель. Большая этика / Аристотель// Сочинения. М., 1983. Т. 4.
13. Аристотель. Политика / Аристотель. М.: Изд-во АСТ, 2002. 393 с.
14. Аристотель. Сочинения: [В 4х т.]. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
15. Аристотель. Риторика; Поэтика / Аристотель; [пер. с древнегреч. и примеч. О.П. Цыбенко; под ред. О.А. Сычева, И.В. Пешкова; пер. В.Г. Аппельрота; под ред. Ф.А. Петровского; comment. ст. В.Н. Марова]. 2-е изд., перераб. М.: Лабиринт, 2007. 254 с.
16. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 325.
17. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. 383 с.
18. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 156 – 249.
19. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988.
20. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
21. Арутюнова Н.Д. Истина и правда / Н.Д. Арутюнова // Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М., 1999. С. 543 – 616.
22. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учеб. для вузов / Л.Г. Бабенко. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.
23. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А.Н. Баранов. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.

- 24. Баранов А.Н.** Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А.Н. Баранов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, филол. фак.; 4-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2013. 367 с.
- 25. Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Худож. лит., 1979. 341 с.
- 26. Бентам И.** Введение в основания нравственности и законодательства: [перевод] / И. Бентам. М.: Россспэн, 1998. 415 с.
- 27. Беркнер С.С.** Язык молодых американцев в художественной прозе США конца 20 века / С.С. Беркнер, С.В. Ильинская // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С. 37.
- 28. Бибихин В.В.** Язык философии / В.В. Бибихин. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
- 29. Блауберг И.В.** Философский принцип системности и системный подход / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Б.Г. Юдин // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39 – 45.
- 30. Блох М.Я.** Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике / М.Я. Блох, Т.Н. Семенова. М.: Готика, 2001. 196 с.
- 31. Блумфилд Л.** Язык = Language : монография / Л. Блумфилд; пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат; comment. Е.С. Кубряковой; под ред. и с предисл. М.М. Гухман. 4-е изд. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 607 с.
- 32. Богатырева Н.А.** Стилистика современного немецкого языка = Stilistik der deutschen Gegenwartssprache: учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингв. вузов и фак. / Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. М.: Academia, 2005. 331 с.
- 33. Болдырев Н.Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18 – 39.

34. **Болдырев Н.Н.** О типологии знаний и их репрезентации в языке / Н.Н. Болдырев // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. / [ред. колл.: Болдырев Н.Н. (отв. ред.) и др.]. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2007. С. 12 – 28.
35. **Бондарко А.В.** Категориальные и некатегориальные значения в грамматике / А.В. Бондаренко // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1976. С. 180 – 202.
36. **Бондарко А.В.** Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1976. 255 с.
37. **Бондарко А.В.** Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А.В. Бондаренко // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13 – 23.
38. **Борисова Е.Г.** Алгоритмы воздействия / Е.Г. Борисова. М.: Междунар. ин-т рекламы: ЛО «Московия», 2005. 140 с.
39. **Брандес М.П.** Стилистика текста: теор. курс (на материале нем. яз.) : учеб. для студентов и аспирантов / М.П. Брандес. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс – Традиция: ИНФРАМ, 2004. 413 с.
40. **Брандес М.П.** Предпереводческий анализ текста : учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. М.: НВИ – Тезаурус; Курск: РОСИ, 2001. 223 с.
41. **Бриллюэн Л.Н.** Научная неопределенность и информация / Л. Бриллюэн; пер. с англ. Т.А. Кузнецовой; под ред. и с послесл. И.В. Кузнецова. 2-е изд., стер. М.: URSS, 2006. 272 с.
42. **Бринев К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев. Барнаул: Изд-во Алтайской гос. пед. академии, 2009. 252 с.
43. **Булыгина Т.В.** Грамматические и семантические категории и их связи / Т.В. Булыгина // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. С. 320 – 355.

44. **Вайсгербер Й.Л.** Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и comment. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 229 с.
45. **Валгина Н.С.** Теория текста / Н.С. Валгина. М.: Логос, 2003. 278 с.
46. **Васильев Л.М.** Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Рус. яз. и лит.» и «Приклад. лингвистика» / Л.М. Васильев. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2009. 191 с.
47. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков: пер. с англ. / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 777 с., 1 л. портр.
48. **Вежбицкая А.** Сопоставление культур через посредство лексики и pragmatики / А. Вежбицкая. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
49. **Верклер Г.А.** Герменевтика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reformed.org.Ua/2/210/4/Virkler> (дата обращения: 27.11.2017).
50. **Вильмонт Н.** Гете: история его жизни и творчества / Н.Н. Вильмонт. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 335 с.
51. **Виноградов В.В.** Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 73.
52. **Виноградов В.В.** Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. М.: Худож. лит., 1961. 614 с.
53. **Виноградов В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов; АН СССР, Отд. лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
54. **Виноградов В.В.** О теории художественной речи / В.В. Виноградов. М.: Высш. шк., 1971. 239 с.
55. **Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 261 с., 1 л. портр.
56. **Волошин М.** В России нет сыновнего преемства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cultandart.net/poetry/132323m__voloshin_v_ros-sii_net_synovnego_preemstva (дата обращения: 27.11.2018).

57. **Воркачев С.Г.** Концепт счастья в русском языковом сознании. Опыт лингвокультурологического анализа / С.Г. Воркачев. Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 140 с.
58. **Воркачев С.Г.** Постулаты лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 1013.
59. **Воркачев С.Г.** Правда земная: идея справедливости в языковом сознании // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. ст. / под ред. М.В. Пименова. СПб.; Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. С. 27 – 35.
60. **Гаврилова М.В.** Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.В. Гаврилова. СПб., 2005. 468 с.
61. **Гадамер Х.Г.** Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер ; пер с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
62. **Гак В.Г.** О функциональном подходе к изучению грамматических явлений / В.Г. Гак // Иностранные языки в высшей школе / отв. ред. Н.С. Чемоданов. М., 1974. Вып. 8. С. 58 – 66.
63. **Гак В.Г.** К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики: сб. ст. / АН СССР, Отд. лит. и яз., Науч. совет «Теория сов. языкоznания»; отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1985. С. 515.
64. **Гак В.Г.** Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований: монография / В.Г. Гак. Изд. стер. М.: URSS, 2016. 407 с.
65. **Герасимова И.А.** Введение в теорию и практику аргументации: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению «Философия» / И.А. Герасимова. М.: Логос, 2010. 310 с. (Новая университетская библиотека).

66. Гецов Г.Г. Как читать книги, журналы, газеты / Г.Г. Гецов. М.: Знание, 1989. 144 с.
67. Гулыга Е.В. Грамматиколексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. М.: Просвещение, 1969. 182 с.
68. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
69. Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм / М.М. Гухман // Исследования по общей теории грамматики: сб. работ / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1968. С. 117 – 174.
70. Гухман М.М. Лингвистическая теория Л. Вайсгебера / М.М. Гухман // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. С. 123 – 162.
71. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
72. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века / В.З. Демьянков // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; [ред. колл.: С.А. Ромашко (отв. ред.) и др.]. М.: ИНИОН, 2000. С. 26 – 136.
73. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста : учеб. пособие / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончаров. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
74. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе / В.М. Жирмунский; [отв. ред.: М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин; изд. подгот. Н.А. Жирмунской; АН СССР, Отделение лит. и яз.]. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 557 с.
75. Зазыкин В.Г. Менеджер: психологические секреты профессии / В.Г. Зазыкин, А.П. Чернышев. М.: ЦИТП, 1992. 168 с.

76. **Звегинцев В.А.** Функция и цель в лингвистической теории / В.А. Звегинцев // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 120 – 146.
77. **Земская Е.А.** Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. М.: Наука, 2004. 220 с.
78. **Земскова Н.А.** Концепты «истина», «правда», «ложь» как факторы вербализации действительности: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Земскова. Краснодар, 2006. 200 с.
79. **Земскова Н.А.** Особенности языковой репрезентации концептов «Истина» и «Правда» в русском и английском языках // Дискурсивное пространство: эволюция и интерпретации / Экологический вестник научных центров черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). Прил. № 2. Краснодар: КубГУ, 2006. С. 53 – 57.
80. **Золотова Г.А.** Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онищенко, М.Ю. Сидорова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 524,[4] с.
81. **Изард К.** Эмоции человека / К. Изард; пер. с англ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 440 с.
82. **Ильин И.А.** Почему мы верим в Россию: [сочинения] / И.А. Ильин. М.: Эксмо, 2008. 909,[2] с.
83. **Ильиш Б.А.** Страй современного английского языка: учебник / Б.А. Ильиш. Л.: Просвещение, 2009. 365 с.
84. **Камю А.** Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство: сб. [пер. с фр.] / Альбер Камю; [общ. ред., сост. и предисл. А.М. Руткевича]. М.: Политиздат, 1990. 414 с.

85. **Кант И.** Критика чистого разума / И. Кант; [пер. с нем. Н. Лосского сверен и отред. Ц. Арзаканяном, М. Иткиным; примеч. Ц. Арзаканяна]. М.: Эксмо, 2006. 736 с. (Антология мысли).
86. **Кант И.** Сочинения: в 6 т.: Т. 4, ч. 2: [пер. с нем.] / И. Кант; [ред. В.Ф. Асмуса]. М.: Мысль, 1965. 477 с.
87. **Карасик В.И.** Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166 – 205.
88. **Карасик В.И.** О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 316.
89. **Карасик В.И.** Об оценочных пресуппозициях / В.И. Карасик, В.И. Шаховский // Языковая личность: верbalное поведение: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во РИО, 1998. С. 313.
90. **Карасик В.И.** Язык социального статуса / В.И. Карасик. М.: Ин-т языкознания РАН: Перемена, 1992. 330 с.
91. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
92. **Караулов Ю.Н.** Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1981. 366 с.
93. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 261 с.
94. **Карнеги Д.** Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / В.П. Зинченко, Ю.М. Жуков; пер. с англ. З.П. Вольской, Ю.В. Семенова. М.: Прогресс, 1992. 714 с.
95. **Кацнельсон С.Д.** Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1986. 298 с.
96. **Кацнельсон С.Д.** Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1972. 216 с.

97. Кассирер Э. Познание и действительность / Э. Кассирер. М.: Гноэс, 2006. 400 с.
98. Кибрик А.Е. Проблемы синтаксических отношений в универсальной грамматике / А.Е. Кибрик // Новое в зарубежной лингвистике / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1982. Вып. 11. С. 536.
99. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика : учеб. для студентов фак. филол. профиля / И.М. Кобозева; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. Изд. стер. М.: URSS, 2016. 349 с.
100. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности / В.И. Ковалев. М.: Наука, 1988. 192 с.
101. Ковтунова И.И. Структура художественного текста и новая информация / И.И. Ковтунова // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 262 – 275.
102. Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии : коллектив. моногр. / отв ред. Н.Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2004. 255 с.
103. Козлова М.С. Философия и язык / М.С. Козлова. М.: Мысль, 1972. 254 с.
104. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. М.: Наука, 1990. 108 с.
105. Костомаров В.Г. Жизнь языка: От вятыней до москвичей / В.Г. Костомаров. М.: Педагогика – Пресс, 1994. 240 с.
106. Красавский Е.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Е.А. Красавский. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
107. Крылов С.А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / С.А. Крылов, Е.В. Падучева // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: Наука, 1983. С. 25 – 96.
108. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и

картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141 – 172.

109. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90 – 93.

110. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова: монография / Е.С. Кубрякова. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 208 с.

111. Кубрякова Е.С. Введение: Основные направления в современном развитии грамматической мысли / Е.С. Кубрякова // Современные зарубежные грамматические теории: сб. науч.-аналит. обзоров / [ред.-сост. Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова]. М.: ИНИОН, 1985. С. 529.

112. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка) / А.М. Кузнецов. М.: Наука, 1980. 160 с.

113. Куражева Н.В. Концепты «истина» и «правда» в когнитивной лингвистике: философские текстологические наблюдения / Н.В. Куражева, М.И. Панфилова // Поиск истины в пространстве современной культуры: сб. науч. ст. / под ред. О.Д. Маслобоевой. СПб.: С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2015. С. 45 – 53.

114. Кушнир О.Н. Аспекты русской прикладной динамической лингвоконцептологии: учеб. пособие / О.Н. Кушнир. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. 258 с.

115. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман; пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

116. Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т.: Т. 1: [Опыт о человеческом разуме] / Дж. Локк; [примеч. И.С. Нарского и А.Л. Субботина]; [под ред. И.С. Нарского]. М.: Соцэкиз, 1960. 734 с.

117. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман; сост. Р.Г. Григорьев; предисл. С.М. Даниэля. СПб.: Акад. проект, 2002. 544 с.

118. **Лукин В.А.** Цельность текста: проекция получателя или атрибут знаковой последовательности? / В.А. Лукин, Л.А. Лукина // Человек. Русский язык. Информационное пространство. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. Вып. 7. С. 154 – 158.

119. **Мамардашвили М.К.** Философские чтения / М.К. Мамардашвили. СПб.: Азбука-классика, 2002. 823, [1] с.

120. **Маслова А.Ю.** Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие / А.Ю. Маслова. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 152 с.

121. **Маслова В.А.** Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В.А. Маслова. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.

122. **Маслова В.А.** Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

123. **Мельничук А.С.** Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма / А.С. Мельчук // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания / ред. кол.: чл.кор. АН СССР Ф.П. Филин (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1970. С. 38 – 69.

124. **Мирошниченко И.В.** Лингвистический анализ текста: конспект лекций / И.В. Мирошниченко. М.: А-Приори, 2009. 224 с.

125. **Молчанов А.А.** Роль квантификаторов в семантической интерпретации предложений (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Молчанов. Минск, 1980. 23 с.

126. **Морковкин В.В.** Идеографическое описание лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В.В. Морковкин. М., 1973. 24 с.

127. **Нюбина Л.М.** Поэтика и прагматика мнемонического повествования: на материале немецкой литературы воспоминаний XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Л.М. Нюбина. СПб., 2000. 519 с.

128. **Падучева Е.В.** О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева. М.: Наука, 1974. 292 с.

129. **Падучева Е.В.** Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: ИНИОН, 1984. С. 25 – 96.
130. **Панфилов В.З.** Гносеологические аспекты философских проблем языкоznания / В.З. Панфилов. М.: Наука, 1982. 357 с.
131. **Петрова Н.Е.** Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2011. 155 с.
132. **Петровская Л.А.** Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг / Л.А. Петровская. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.
133. **Пименова М.В.** Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. Кемерово, 2004. 385 с.
134. **Платон.** Собрание сочинений / Платон. М.: Симпозиум, 1993. 509 с.
135. **Поварнин С.И.** Искусство спора: О теории и практике спора / С.И. Поварнин. М.: Терра, 2009. 192 с.
136. **Попова Л.Г.** Прагматика воспроизведения внутренней и внешней речи в немецких и русских художественных текстах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.Г. Попова. М., 2002. 51 с.
137. **Попова З.Д.** Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Культура общения и ее формирование. Воронеж: ВГУ, 2001. Вып. 8. С. 34 – 56.
138. **Попова З.Д.** Когнитивная лингвистика: учеб. издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федер. агентство по образованию, Воронеж. гос. ун-т. М.: АСТ: Восток Запад, 2007. 314 с.
139. **Попова Л.Г.** Прагматика воспроизведения совета (на материале художественных текстов на немецком языке) / Л.Г. Попова, Е.Б. Тарасова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. 2014. № 2(21). С. 90 – 94.

140. **Попова Л.Г.** Скрытая прагматика воспроизведения совета в немецких художественных текстах / Л.Г. Попова, Е.Б. Тарасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. II. № 1(55). С. 157 – 161.
141. **Радченко О.А.** Язык как миросозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства: [моногр.] / О.А. Радченко. 3-е изд., стер. М.: URSS, 2006. 310 с. (История лингвофилософской мысли).
142. **Рахманкулова И.Э.С.** Теоретическая функциональная грамматика немецкого языка. Глагол : учеб. пособие по нем. яз. М.: НВИ-Тезаурус, 2006. 202 с.
143. **Розанов В.В.** О Достоевском / В.В. Розанов // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 312.
144. **Ролз Дж.** Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ., науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. М.: URSS, 2010. 534, [1] с.
145. **Рорти Р.** Справедливость как более широкая лояльность / Р. Рорти // Логос. 2007. № 5(62). С. 54 – 69.
146. **Руднев В.П.** Основание философии текста / В.П. Руднев // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 21 – 34.
147. **Селиверстова О.Н.** Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
148. **Семиотика: Антология** : сб. / сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.
149. **Серебренников Б.А.** О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1983. 319 с.
150. **Слышикин Г.Г.** Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография / Г.Г. Слышикин. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
151. **Собянина В.А.** Метафоризация терминов и профессионализмов в немецкой разговорной речи / В.А. Собянина // Лингвистические и

лингводидактические аспекты анализа текста: сб. ст. Шадринск: ШППИ, 1998. С. 84 – 88.

152. **Солганик Г.Я.** Выразительные ресурсы лексики публицистической речи / Г.Я. Солганик // Поэтика публицистики / под ред. Г.Я. Солганика. М.: МГУ, 1990. С. 10 – 20.

153. **Солганик Г.Я.** Газетные тексты как отражение важнейших процессов в современном обществе (1990–1994) / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. 1996. № 1. С. 13 – 24.

154. **Солнцев В.М.** Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. 2-е изд. М.: Наука, 1977. 341 с.

155. **Спиноза Б.** Избранные произведения: В 2 т.: Т. 1: Краткий трактат о боге, человеке и его счастье: [пер. с гол.]; Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом: [пер. с латин.]; Приложение, содержащее метафизические мысли: [пер. с латин.]; Трактат об усовершенствовании разума: [пер. с латин.]; Этика: [пер. с латин.] / Б. Спиноза; [общ.ред. и вступ. статья В.В. Соколова]. М.: Госполитиздат, 1957. 631 с.

156. **Степанов Ю.С.** Семиологическая структура языка / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32, № 4. С. 340 – 353.

157. **Степанов Ю.С.** В поисках прагматики: (Проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 325 – 332.

158. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка. (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю.С. Степанов. М.: Наука, 1985. 335 с.

159. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40 – 76.

160. **Степанов Ю.С.** Язык и метод: к современной философии языка / Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры, 1998. 779 с.

161. **Стернин И.А.** Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 171 с.

162. Стернин И.А. Типы значений и концепт / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 257 – 282.
163. Сулейманова О.А. Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений / О.А. Сулейманова // Вестник Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова. 2013. Вып. 4(52). С. 162 – 169.
164. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. М.: Восток Запад, 2006. 200 с.
165. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизведимость фразеологизмов – знаков – микротекстов / В.Н. Телия // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674 – 684.
166. Толстой Л.Н. Об истине, жизни и поведении: Избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли многих писателей об истине, жизни и поведении: Круг чтения / Л.Н. Толстой. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 1040 с. (Антология мысли).
167. Трифонов Ю.В. Повести / Ю.В. Трифонов; послесл. А. Бочарова. М.: Сов. Россия, 1978. 524 с.
168. Тураева З.Я. Художественный текст и пространственно-временные предложения / З.Я. Тураева // Семантико-стилистические исследования текста и предложений. М.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. С. 311.
169. Уфимцева А.А. Типы сложных знаков / А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1974. 208 с.
170. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева; под ред. Ю.С. Степанова. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 240 с.
171. Филин Ф.П. О лексикосемантических группах слов / Ф.П. Филин // Языковедческие исследования в честь академика Стефан Младенов. София, 1957. С. 525 – 539.

172. **Филин Ф.П.** О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Очерки по теории языкоznания. М.: Наука, 1982. С. 227 – 239.
173. **Флоренский П.А. (свящ.)** Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П.А. Флоренский. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2017. 905 с. (Философские технологии).
174. **Фреге Г.** Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. 354 с.
175. **Фурманова С.Л.** Лингвокритическая концепция Фрица Маутнера: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.Л. Фурманова. М., 2006. 252 с.
176. **Фурманова С. Л.** Ф. Маутнер и его лингвокритическая концепция / С.Л. Фурманова // Вопросы общего и частного языкоznания в высшей школе: сб. науч. тр.: Вайсгербер. чтения в МГПУ / под ред. О.А. Радченко. М.: МГПУ, 2000. С. 231 – 241.
177. **Фурманова С.Л.** Сила слов в лингвокритической концепции Ф. Маутнера / С.Л. Фурманова // Вестник Приморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. № 8. С. 179 – 183.
178. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. 540 с.
179. **Холодная М.А.** Интегральные структуры понятийного мышления / М.А. Холодная. Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. 190 с.
180. **Холодович А.А.** Проблемы грамматической теории / А.А. Холодович. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 304 с.
181. **Чейф У.Л.** Значение и структура языка / У.Ф. Чейф. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
182. **Шабуров А.Г.** Справедливость/Несправедливость как ключевой концепт политico-философского дискурса / А.Г. Шабуров // Дискурс-Пи. 2010. Т. 9, № 1–2. С. 274 – 276.

183. **Шведова Н.Ю.** Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка / Н.Ю. Шведова // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 30 – 37.
184. **Швейцер А.Д.** Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1976. 176 с.
185. **Шейдаева С.Г.** Номинативные процессы и динамика познания мира / С.Г. Шейдаева // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / М-во образ. РФ, Перм. гос. ун-т; [ред. колл.: М.П. Котюрова (гл. ред.)]. Пермь, 2005. Вып. 9. С. 314 – 322.
186. **Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. М.: Наука, 1993. Т. 1. 672 с.
187. **Эмпирик Секст.** Против ученых / Секст Эмпирик // Сочинения в двух томах / общ. ред. А.Ф. Лосева; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 6 – 204.
188. **Эмпирик Секст.** Три книги Пирроновых основоположений / Секст Эмпирик. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 272 с.
189. **Юнг К.Г.** Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
190. **Якобсон Р.О.** Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами / Р.О. Якобсон // Новое в лингвистике / сост. В.Я. Звегинцев. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С. 372 – 377.
191. **Яковлев А.Н.** Сумерки / А.Н. Яковлев. М.: Материк, 2003. 687 с.
192. **Ярцева В.Н.** Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка / В.Н. Ярцева // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения) / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1975. С. 523.
193. **Baldinger K.** Semantic theory: towards a modern semantics / K. Baldinger. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 320 p.
194. **Dornseiff F.** Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. Berlin; New York: De Gruyter, 1970. 922 s.

195. **Goethe J. W.** von. Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bändern. Band 13 / J. W. Goethe. Hamburg, 1948. 565 s.
196. **Hallig R.** Begriffssystem als Grundlage für die Lexikografie, Versuch eines Ordnungsschemas / R. Hallig, W. von Wartburg. Berlin: Akademie Verlag, 1952. 140 s.
197. **Heibig G.** Der Begriff der Valenz als Mittel der strukturellen Schprachbeschreibung und des Fremdsprachenunterrichts / G. Heilbig // Deutsch als Fremdsprache. 1965. № 1. S. 10 – 22.
198. **Humboldt W. von.** Über den Nationalcharakter der Sprachen (Entwurf) (1822) / W. von Humboldt // Werke in 5 Bdd. Bd. 3. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft., 1963. S. 64 – 81.
199. **Humboldt W. von.** Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (1824) / W. von Humboldt // Werke. Hrsg. von A. Leitzmann. Bd. 5. Behrlin, 1906. S. 364 – 475.
200. **Humboldt W. von.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues (182729) / W. von Humboldt // Werke. Hrsg. von A. Leitzmann. Bd. 6. Behrlin, 1906. S. 111 – 303.
201. **Jespersen O.** Essentials of English Grammar / O. Jespersen. London; Copenhagen, 1933. 512 p.
202. **Jespersen O.** Analytical Syntax / O. Jespersen. Copenhagen: Levin and Munskgaard, 1937. 170 p.
203. **Mauthner F.** Sprache und Leben : Ausgew. Texte aus dem philos. Werk / F. Mauthner. Hrsg. von Gershon Weiler. [Salzburg; Wien] : Residenz Verl., 1986. 258 S.
204. **Porzig W.** Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen / W. Porzig // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. 1934. S. 70 – 97.
205. **Porzig W.** Das Wunder des Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / W. Porzig. Bern: München, 1967. 415 s.
206. **Schiwe, Jürgen.** Die Macht der Sprache. Eine Geschichte der Sprachkritik von der Antike bis zur Gegenwart / J. Schiwe. München: C.H.Beck, 1998. 328 s.

207. **Schmidt W.** Grundfragen der deutschen Grammatik: Eine Einführung in die funktionale Schprachlehre / W. Schmidt. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1965. 323 s.

208. **Trier J.** Die Worte des Wissens / J. Trier // Mitteilungen des Universitatsbundes Marburg, 1931. S. 33 – 40.

209. **Trier J.** Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes / J. Trier. Heidelberg, 1931. 347 s.

210. **Ullmann S.** Grundzuge der Semantik / S. Ullmann. Berlin: de Gruyter, 1967. 348 s.

211. **Weisgerber L.** Von den Kraften der deutschen Sprache / L. Weisgerber. Bd. II–V. Düsseldorf: Schwann, 1962 – 1971.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

212. **Аргументация** // Философский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/encphilosophy/95/APryMENTALI,PIH>, свободный (дата обращения: 15.09.2017).

213. **Арутюнова Н.Д.** Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 296 – 297.

214. **Большой немецкорусский словарь** (БНРС): В 3 т.: около 180 тыс. лексических единиц / авт. сост. Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг и др.; под общ. рук. О.И. Москальской. 9-е изд., стер. М.: Рус. яз. Медиа, 2004.

215. **Большой Российский энциклопедический словарь** / под. ред. В.М. Быковой. М.: Дрофа, 2009. 1888 с.

216. **Бондарко А.В.** Функциональная грамматика / А.В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 565 – 566.

- 217. Брокгауз и Ефрон. Малый энциклопедический словарь** [Электронный ресурс] / В современной орфографии. СПб.: Издательское общество «Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон», 1907 – 1909. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~KHHra/BroKray3%20H%20Ефрон>, свободный (дата обращения: 15.09.2017).
- 218. Булыгина Т.В.** Функциональная лингвистика / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
- 219. Гуманитарная энциклопедия** [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий, 2010 – 2016 (последняя редакция: 30.10.2016). Режим доступа: <http://gtmarket.ru/concepts/6891> (дата обращения: 14.12.2016).
- 220. Дворецкий И.Х.** Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 959 с.
- 221. Дворецкий И.Х.** Латинско-русский словарь : более 200000 сл. и словосочетаний / И.Х. Дворецкий. 11-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2008. 845 с.
- 222. Издательский словарь-справочник** [Электронный ресурс] / А.Э. Мильчин. М.: ОЛМАПресс, 2003. Режим доступа: http://publishing-dictionary.academic.ru/316/Массовый_читатель (дата обращения: 02.03.2011).
- 223. Кириленко Г.Г.** Краткий философский словарь / Г.Г. Кириленко, Е.В. Шевцов. М.: АСТ: СЛОВО, 2010. 479 с.
- 224. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ)** / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
- 225. Коллектив. Личность. Общение:** Словарь социально-психологических понятий / под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л.: Лениздат, 1987. 144 с.
- 226. Лепинг Е.И.** Большой немецко-русский словарь [Электронный ресурс] / Е.И. Лепинг, О.И. Москальская. Режим доступа: <http://www.books.ru/books/bolshoi-nemetskoruskiislovar35454/> (дата обращения: 13.08.2016).

227. **Лингвистика в России**: ресурсы для исследователей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uisrussia.msu.ru/linguist/index.jsp> (дата обращения: 10.08.2016).
228. **Лингвистический энциклопедический словарь** (ЛЭС) / под гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
229. **Новейший философский словарь** / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
230. **Проективный словарь философии**: Новые понятия и термины: Философия искусства и культуры метареализм, метабола и ризома [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн // Топос: литературно-философский журнал. 2004. № 19. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/2553> (дата обращения: 13.08.2016).
231. **Психологический словарь**: Словарь психологических, психотерапевтических, медицинских и специальных терминов. Тематические статьи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://centersep.ru/psihologicheskislovar.html> (дата обращения: 13.08.2016).
232. **Словарь философских терминов** (СФТ) / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. М.: Инфра-М, 2009. 731 с.
233. **Советский энциклопедический словарь** / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1984. 1600 с.
234. **Современный словарь иностранных слов** (ССИС). 3-е изд. стер. М.: Рус. яз., 2000. 742 с.
235. **Социологический словарь** / сост. А.Н. Елсуков, К.В. Шульга; науч. ред. Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко; отв. ред. Г.П. Давидюк. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Университетское, 1991. 528 с.
236. **Степанов Ю.С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. 3-е изд. М.: Акад. проект, 2004. 560 с.
237. **Суггестивность** [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: в 2 т. М.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. П.Я. Т. 2.

С. 896 – 897. Режим доступа: <http://febweb.ru/feb/slt/abc/l2/l28963.htm> (дата обращения: 29.09.2016).

238. Философский энциклопедический словарь (ФЭС) /

Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА, 1997. 576 с.

239. Философия: Энциклопедический словарь / под ред.

А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

240. Brockhaus Wahrig. Deutsches Wörterbuch in sechs Bänden / hrsg von Gerhard Wahrig, Hildegard Krämer, Harald Zimmermann. Wiesbaden / Stuttgard: F.A. Brockhaus; Deutsche Verlagsanstalt, 19801984. 5360 s.

241. Bulitta E. Das grosse Lexikon der Synonyme / E. Bulitta, H. Bulitta. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. 1049 s.

242. Goethe Wörterbuch [Electronic resource]. URL:
http://woerterbuchnetz.de/GWB/call_wbgui_py_from_form?sigle=GWB&mode=Volltextsuche&hitlist=&patternlist=&lemid=JB01372 (date of access: 20.02.2017).

243. Der Duden: das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut AG, Dudenverlag, 19761981. 2992 s.

244. Der Duden: das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erweit. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1999. 4800 s.

245. Der Duden in zwölf Bänden: das Standardwerk zur deutschen Sprache. 8., völlig neu bearb. Auflage / hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. B. 2.: Das Stilwörterbuch. 984 s.

246. Duden: Etymologie: Herkunftswörterbuch der dt. Sprache / Günther Drosdowski. Mannheim: Dudenverlag, 1989. 839 s.

247. Duden C. Deutsches Universalwörterbuch – 6. überarb. und erweit. Aufl. / hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim; Leipzig; Wien [usw.]: Dudenverlag, 2007. – 2016 s.

248. **Deutsch Duden online** [Electronic resource]. URL: <http://www.duden.de> (date of access: 21.02.2015).

249. **Handwörterbuch der deutschen Sprache: in zwei Bänden** / von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Günter Kempcke. Berlin: AkademieVerlag, 1984. 1400 s.

250. **Handwörterbuch der deutschen Sprache von Daniel Sanders** 8., neu bearb. und vermehrte Auflage von Dr. J. Ernst Wülfing. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut, 1911. 887 s.

251. **Warig G.** Deutsches Wörterbuch neu / hrsg. von Dr. Renate Wahrig Burfeind. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994. 1824 s.

252. **Wissensportal** [Electronic resource]. URL: <http://www.wissen.de/wortherkunft/> (date of access: 05.03.2017).

253. **Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart** [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de/> (date of access: 15.06.2015).

254. **Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch** / hrsg. von Erhard Agricola unter Mirwirkung von Herbert Görner und Ruth Künfer. überarb. Neufassung der 14. Aufl., 1. Aufl. der Neufassung. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1992. 818 s.

255. **Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache** / hrsg. von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz: in 6 Bänden. 7, bearbeitete Auflage. Berlin: Akademieverlag, 1974. 4579 s.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

256. **Гете И.В.** Фауст / И.В. Гете; пер. с нем. Н. Холодковского; вступ. статья и примеч. С. Тураева. М.: Дет. лит., 1983. 367 с.

257. **Дюрренматт Ф.** Судья и его палач; Подозрение: [романы: 16+] / Фридрих Дюрренматт; [пер. с нем. Е. Кацевой, Е. Факторовича]. СПб.: Азбука, 2016. 252, [2] с. (Азбука-классика).
258. **Дюрренматт Ф.** Правосудие; Пенсионер: [романы: 16+] / Фридрих Дюрренматт; пер. с нем. С. Фридлянд и Р. Эйвадиса. СПб.: Азбука, 2017. 348, [2] с. (Азбука Premium).
259. **Кафка Ф.** Процесс: роман / Франц Кафка; пер. с нем. Г. Ноткина. СПб.: Лениздат, 2014. 350, [1] с.
260. **Клейст Г. фон.** Избранное: драмы, новеллы, ст.: пер. с нем. / Г. фон Клейст; [вступ. ст. А. Карельского]. М.: Худож. лит., 1977. 542 с. Содерж.: Пентесиля; Амфитрион; Семейство Шроффенштейн; Локарнская нищенка; Михаэль Кольхаас.
261. **Dürrenmatt F.** Der Verdacht: roman / F. Dürrenmatt. Zuruch: Diogenes, 2004. 128 s.
262. **Dürrenmatt F.** Justiz: roman / F. Dürrenmatt. Zuruch: Diogenes, 1985. 376 s.
263. **Kafka F.** Der Prozess: roman / Fr. Kafka. 2. Aufl. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1989. 228 s. (Reclams Universal Bibliothek. Belletristik; 1170).
264. **Kleist H. von.** Michael Kohlhaas. Schülerheft / H. von Kleist. Berlin: Cornelsen, 2007. 80 s.
265. **Schwanitz Dietrich.** Der Campus: roman / D. Schwanitz. [S. l.]: Goldmann, 1996. 383 s.